

Александра Серебрякова

Тайна Яры

У каждого человека есть тайны.

И никто не хочет, чтобы эти тайны были раскрыты.

Вот и я, поступая в Академию отверженных, где никого не интересует твое прошлое, надеялась, что моя тайна умрет вместе со мной.

Я оставила в прошлом тех, кого любила.

Оставила свое имя, свою жизнь и свою смерть.

Да вот только мое прошлое, кажется, не спешит меня отпустить.

Тайна Яры

Александра Серебрякова

Занесенный надо мной кинжал ослепительно сверкнул кровавым отблеском факелов, словно предрекая то, что случится в следующее мгновение.

Бессмысленно было вырываться — прочные веревки сковывали меня не хуже заклинания. Да и потеря значительной части крови отвратительно сказывалась на мне — перед глазами все плыло, и было безумно сложно сосредоточиться хоть на чем-то.

Да и не было смысла вообще что-либо делать — я знала, что сегодня мне было суждено умереть. Было ли мне страшно? Да, немного. Говорят, умирать страшно, тем более если не знаешь, что там, впереди... Впрочем, даже этот страх заглушала огромная обида, которая разливалась по венам, словно заменяя собой потерянную мною кровь.

Обида огромным шаром ворочалась где-то внутри, не давая глубоко вздохнуть. Или это веревки, что прочно сковывали мое движение и не давали дышать?

Впрочем, это уже неважно...

Было обидно за себя.

Я так и не поняла, зачем понадобилась моя смерть? Ради чего? Разве я что-то сделала не так в этой жизни? Да, знаю, я совершала ошибки, но не настолько страшные, чтобы умирать из-за них.

Было обидно из-за того, что я так и не узнала, кому я понадобилась. До последнего момента я была уверена в том, что моя смерть произойдет из-за несчастного случая. Или же я и вовсе погибну как героиня какой-нибудь книги, спасая кого-то ценой своей жизни. Но я и подумать не могла, что моим убийцей станет близкий мне человек.

А в том, что я знакома со своим убийцей, я ни капли не сомневалась — ведь только у ограниченного круга лиц был доступ в мою тайную комнату, где я пряталась последние дни, ожидая того момента, когда за мной придут парни.

Не дождалась.

Не пришли.

И это тоже было обидно.

Пожалуй, это даже было обиднее всего.

О том, что смерть я встречу сегодня, узнала совсем недавно, и все же этого времени хватило, чтобы смириться с тем, что я умру молодой. Я даже успела подготовиться к этому дню. Жаль, только, многого не успела.

Нет, будь у меня возможность, я бы до последнего боролась, вот только против слов Оракула нет смысла бороться. Мне и так повезло, что я смогла найти лазейку в его словах. Конечно, во мне до сих пор нет уверенности в том, что она сработает, но я хотя бы попробовала...

А они не пришли.

До последнего надеялась, что успею с ними увидеться, что успею попрощаться. Я сколького не успела им сказать... Не успела признаться в своих чувствах. Не успела сказать, как дороги они мне. Хорошо еще, что мы давно уже поклялись друг другу, что если один из нас умрет, остальные продолжат жить. Хотя я ведь даже не знаю, будут ли они переживать мою смерть так же сильно, как переживала бы я смерть любого из них?

Обидно, что больше не смогу увидеть их. И зря, наверное, я отправила им те письма...

Теперь ведь они будут винить себя за то, что не пришли. А я даже не смогу их успокоить — ведь меня уже не будет.

Ну что же медлит мой убийца?

Не могу на это смотреть — все же страшно. И пусть Оракул обещал мне новую жизнь, я знаю, что это уже буду не совсем я...

Секунда.

И кинжал вонзается мне в грудь, опалая смертельным жаром.

Я выгибаюсь в тщетной попытке уйти от этого огня, от этой боли, но она лишь быстрее расплзается по моим венам.

Сознание меркнет, но я еще слышу, как мой убийца нечеловечески кричит и... в его голосе слышен гнев и разочарование? Что-то пошло не по плану? Хорошо бы....

А затем я чувствую, как из моей груди вынимают кинжал и вновь вонзают его. И вновь. И вновь.

Обезумевший убийца, мой таинственный враг, не получив того, на что он рассчитывал, в конце обезумел и теперь вымещал свой гнев на мне. На моем теле, которого уже покинула жизнь.

И хорошо, что я уже не чувствовала и не видела этого.

Как не видела и того, как мое тело уносят прочь от алтаря, профессионально убирая все следы.

Как не видела и того, как мое тело находят парни. Дар, получивший мое письмо, заканчивает свое задание и срывается ко мне, но не успевает буквально на час. Не успевает и Кир, и Лео, что распечатали и прочли мои письма слишком поздно.

Хотя, увидь бы я их побелевшие лица и потухшие глаза, я бы точно поняла, что мои чувства были взаимны.

Но, увы, все это было и впрямь уже слишком поздно...

Глава 1. Удивительные сны

Сколько себя помню, я всегда видела странные сны. Яркие, удивительные, наполненные смыслом... И всегда связанные друг с другом.

Впрочем, вряд ли то, что я видела по ночам, можно было назвать снами. Я всегда считала, что это нечто большее. Воспоминания о моей прошлой жизни? О чьей-то другой жизни? Или же мое сознание каким-то чудом во сне переносилось с другой мир? Я не знаю... Но это явно были не просто сны.

Они всегда были об одном человеке.

О девушке, что удивительным образом выглядела точно так же, как и я. Одно время я даже думала о том, что это моя сестра-близнец, с которой нас разлучили в далеком детстве. Я даже собиралась, когда вырасту, отправиться в путешествие, чтобы отыскать ее. Пока, конечно, не поняла, что девочка из моих снов живет в другом мире, а не на Земле. В мире, наполненном магией, в мире, где живут удивительные расы... И как бы долго я не путешествовала, до этой страны я бы никогда не смогла добраться.

Да и мечту о путешествиях пришлось забыть — не до этого мне было. Как-то волновали более приземленные вещи — например, где бы взять денег на еду.

Так уж сложилось, что родилась я не в самой благополучной семье, оказавшись «залетным» ребенком. Папаша мой, как только узнал о том, что через несколько месяцев он станет отцом, сбежал в магазин за хлебом и так и не вернулся. Моя мать, тут же поняв, что помощи от него никакой не будет, помчалась в больницу... где ее «обрадовали» тем, что аборт делать уже поздно и слишком опасно для жизни матери. А жизнь свою моя матушка очень ценила.

Так, одним декабрьским днем и появилась на свет я. Ярослава Кьярова.

Матушка моя, как только получила меня на руки, тут же передала меня своей матери, моей бабушке, и сбежала в другой город в поисках новой хорошей жизни. До сих пор где-то ищет, и лишь по редким телефонным звонкам раз в год я узнаю о том, что она еще жива.

Бабушке тоже не сильно-то и нужна была внучка — она только-только сняла со своей шеи одного ребенка явно не для того, чтобы тут же сажать на нее другого. Поэтому особо мной и не занимались. Впрочем, не отдали в детдом — и ладно.

Особо внимания в детстве я и не требовала — мне вполне хватало того внимания, что уделяли мне в моих снах. Там у меня были и родители, и любимая старшая сестренка, и вообще все, чего бы я ни захотела. Жаль только, что управлять маленькой принцессой — а девочка действительно была принцессой — не получалось. Но это не так уж и сильно меня расстраивало — мне хватало и того, что я видела.

Очень быстро я научилась скрывать ото всех свои сны, потому что ходить к психологу, к которому привела меня бабушка, наслушавшись мои рассказов о «сестренке из волшебного мира» мне не понравилось. Я была довольно смышенной для своих лет, поэтому уже понимала, что психолог — это не совсем хорошо.

Так я и росла — никому особо не нужная в этом мире, но зато горячо любимая в другом. Была и зависть к той девочке из снов, и злость на нее, и непонимание... Всякое было. Я даже злилась на эти сны, которые преследовали меня каждую ночь. Злилась и все равно отчаянно ждала — потому что только там, во сне я чувствовала себя нужной. Пусть мне порой и

казалось, что я это внимание ворую.

Тяжелее стало лет в восемь, когда маленькая принцесса, да и я вместе с ней, потеряла родителей. Тогда-то я впервые и осознала, что такое заговор и переворот. Тогда-то я и получила свое первое наказание в своем мире — потому что я несколько дней подряд рыдала, не переставая, а на объяснение того, почему я плачу, я выдала что-то о том, что потеряла родителей. И это, конечно же, не могло понравиться бабушке...

Порой мне кажется, что потерю родителей принцессы я переживала более сильно, чем она. Вообще Ярина — так звали принцессу, по поведению вела себя по-детски, чем я, хотя возраст у нас был одинаковым.

И, чем взрослее становилась я, тем более была заметна эта разница. Это раздражало — принцесса, даже после смерти родителей практически ни в чем не знала себе отказа, когда я тем временем уже обладала некоторыми обязанностями в доме.

Я любила свою бабушку, да и она, мне кажется, тоже была равнодушна ко мне. Но это не мешало ей быть весьма строгой со мной. Наверное, все это было оттого, что однажды, позволяя своей дочери многое, она вырастила... ну, то, что вырастила. Простите, конечно, но назвать мою мать хорошим человеком у меня язык не поворачивается. Поэтому со мной она выбрала абсолютно противоположную стратегию воспитания. Правильно ли она сделала? Не знаю. Отчасти я рада, что не выросла такой же, как моя матушка. С другой стороны мне довольно сильно не хватало простого внимания и заботы, поэтому, наверное, я и росла несколько хмурым ребенком.

А еще и Ярина... Видеть сны в то время для меня было едва ли не наказанием. Я просто не могла смотреть и проживать жизнь наивной девочки, что верит всем на слово. Меня буквально выворачивало оттого, насколько милой, доверчивой и «ванильной» она росла. Она не видела даже того, что ее используют в своих целях! И это выводило из себя.

Чем милее и добрее была Ярина из сна, тем ожесточенней и разъяренней становилась я. Словно в противовес ее наивному взгляду на мир, я старалась видеть все в негативном свете.

Затем началась учеба принцессы, и это противостояние перешло на новый уровень. Я стремилась лучше запомнить то, чему обучали Ярину, и это не считая того, что и в своем мире я стремилась быть лучше. И пусть об этом соревновании знала только я — это не мешало мне каждый день доказывать себе, что я живу более правильно. Что мой взгляд на мир правдивее. Что принцесса глупа, раз верит в людей даже после всех предательств.

А потом я устала. Устала доказывать что-то себе.

Наверное, я повзрослела, потому что однажды поняла, что я не злюсь на принцессу за ее наивность, нет. Мне искренне ее жаль.

Я ведь видела, что пусть принцесса наивна, но она не глупа. Видела, что Ярина прекрасно понимает и осознает, что чаще всего ей на ее доброту отвечают злом. Она видела это, но не отчаивалась и не переставала помогать людям и верить в них. И это даже вызывало некоторое восхищение. Я бы так точно не смогла.

Я даже отчасти была благодарна Ярине и этим снам — в основном именно благодаря им я выросла такой, какой выросла. Не озлобилась на мир, не стала видеть все в черном свете. Эти сны показали мне, что жизнь может быть и другой. Что все же, несмотря на то, что не всегда люди на добро отвечают добром, им нужно помогать. Даже если среди десяти таких людей найдется только один, кого действительно спасет твоя помощь...

Мне нравился мир принцессы. И пусть в детстве он мне нравился по большей части потому, что в нем существовала магия, когда я стала взрослее, я увидела и другие хорошие

стороны. В этом мире еще помнили о слове, чести и достоинстве. Да, в нашем мире тоже есть такие люди, но, согласитесь, что в последнее время это скорее исключение, чем правило. Конечно же, и в том мире встречались откровенные подонки, но их было не так уж и много, да и наказывали таких так сурово, что многие просто не решались творить зло, как бы смешно это не звучало. Да, конечно, пример не особо удачный — в любом мире можно встретить как хороших людей, так и негодяев, и все же, как мне показалось, в мире Арлион подлецов гораздо меньше. Или же мне просто мало хороших людей встречалось на Земле?

Ладно, действительно, пример не самый удачный. Но есть и другие качества, что выгодно выделяют Арлион. Та же экология. Такое бережное отношение к природе, признаться, тронуло даже меня. Впрочем, вполне возможно все это потому, что продолжительность жизни на Арлионе гораздо больше, чем на Земле. Это же надо — некоторые умудряются жить несколько тысяч лет! Да уж, по сравнению с нашей продолжительностью жизни... это даже несколько обидно.

Но, видимо из-за того, что на Арлионе даже обычные люди живут дольше, чем люди на Земле, рождаемость в мире магии очень низкая. Даже один ребенок уже считается большой радостью. И думается мне, что это не так уж плохо... Ни одного детского дома. Такого понятия даже нет, потому что каждый ребенок — это радость. Не бывает там нежеланных детей. Да уж, нашему миру это бы пригодилось. Хотя, наверное, зря жалею — ведь иначе бы я попросту не родилась.

Кстати, совсем недавно узнала про один забавный факт, который, наверное, тоже мог бы считаться плюсом как минимум у некоторых женщин. Оказывается, на Арлионе существует такое понятие, как многомужество. Так уж сложилось, что мальчиков в том мире рождается в несколько раз больше и из-за нехватки девочек в какой-то момент разрешили заключать браки между девушкой и несколькими парнями.

А еще существует такое понятие, как истинность... Вот уж от чего, пожалуй, никто бы не отказался, да только данный феномен встречается довольно редко. Истинность — это идеальная совместимость пары. И не только о совместимости физической идет речь, а, скорее в первую очередь о душевной, эмоциональной, магической.

Найти такого человека, который всегда будет понимать тебя с полуслова — разве это плохо? Кто бы от такого отказался?

Впрочем, как я уже говорила, такое встречалось крайне редко и считалось едва ли не благословением богов. Поэтому для многих истинность считалась скорее сказкой и недостижимой мечтой, чем чем-то реальным и выполнимым.

Ничего, и без истинности на Арлионе складывались прекрасные пары. И пусть из дворца я многого не видела, но точно знала, что любовь все же существует даже в таких странных семьях — своими глазами видела и не один раз.

Так что мне даже было несколько завидно принцессе — у нее все же есть возможность встретить своего истинного. Да даже если и не истинного — вокруг принцессы порой встречались такие парни, что мне порой до дрожи в пальцах хотелось оказаться на месте Ярины.

И особенно сильно это желание стало проявляться тогда, когда она познакомилась сначала с Леорром, затем с Кирианом, а после и с Даррионом. Потому что эти парни заняли особое место не только в сердце младшей принцессы, но и в моем.

Глава 2. Лео и Кир

С Леорроном, или просто Лео принцесса, а соответственно и я, познакомилась, когда нам едва исполнилось четырнадцать лет.

Тут стоит заметить, что совершеннолетними на Арлионе становятся в двадцать пять лет. Не удивительно, ведь взрослеют в мире магии, кажется, куда медленнее. И если в свои четырнадцать лет я и вела себя соответствующе нормам Земли, то Ярина по поведению мне напоминала девочку лет десяти.

К чему я это рассказываю? Да к тому, что принцессой Лео сразу же при знакомстве начал восприниматься как друг и товарищ по каверзам и учебе. Мной же этот парень воспринимался более неоднозначно. Самое забавно, что я даже сама не сразу поняла, почему меня так тянет к этому кудрявому чуду, почему я с таким нетерпением жду время сна и просыпаюсь в расстроенных чувствах, если за весь сон так и не получалось увидеть Лео.

Да, только я могла влюбиться в парня из своего сна.

Забавно и в то же время грустно. В то время когда мои сверстницы влюблялись в знаменитостей или старшекласников, и вешали постеры и фотографии этих парней над своими кроватями, я старательно пыталась нарисовать портрет Лео, чтобы хотя бы этот рисунок был со мной в моем мире. Глупо, конечно, но я ради этого даже несколько лет ходила в школу искусств на уроки рисования. Бросила потом, конечно, уйдя заниматься фехтованием, но за эти несколько лет я все-таки кое-чем научилась и у меня до сих пор в папке лежат рисунки, на которых изображены трое таки непохожих друг на друга парней...

Так что да, моей первой влюбленностью стал парень из другого мира, причем влюбилась я в Лео гораздо раньше Ярины. Это она потом, спустя несколько лет осознала, что равнодушна к нему, а первые годы она не воспринимала его никак иначе, кроме как лучшего друга.

Леоррон был младшим сыном друга моего отца. И, оказалось, с Лео я, то есть принцесса, была знакома еще в далеком детстве, но так получилось, что сначала Лео тяжело заболел и поэтому долгое время находился у целителей, а потом этот заговор и убийство моих родителей... Во дворце в то время было небезопасно, поэтому жизнью ребенка решили не рисковать. Да, я что-то подобное помнила — в те времена меня постоянно окружала охрана, не давая сделать и шагу лишнего.

Так что Лео появился только сейчас — когда настало время учиться младшей принцессе. Почему-то было принято начинать серьезное обучение детей лет в пятнадцать. При этом мне, как принцессе, требовалась компания ребят для учебы. То ли для соревновательного эффекта, то ли чтобы я не заскучала... Не знаю, по мне так было проще обучать принцессу лично — больше шансов, что не будет лениться и все запомнит. Хотя, нужно отдать должное принцессе — учиться она любила.

Так Лео стал моим первым и, пожалуй, единственным другом из всей компании, что подобрали мне для учебы. Компания была небольшой — двое девочек и шестеро мальчишек помимо нас с Лео. С ними дружба у нас сразу не сложилась — не знаю, чем руководствовалась принцесса, а я сразу видела в их глазах не желание дружить с простой девочкой, а расчет на дружбу с принцессой. Впрочем, это не помешало нам стать хорошими знакомыми.

Отец Лео, как я узнала позже, был Главой Тайного ведомства, поэтому времени, чтобы уделить внимание Лео, у него практически не было. Тем более большую часть времени мужчина уделял своему старшему сыну, который в будущем должен был сменить своего отца.

Так что с Лео, можно сказать, мы были практически неразлучны. Кажется, расставались мы лишь на время сна, да и в то время, когда мне преподавали уроки для будущих леди, а Леоррона учили тому, что должен знать каждый мужчина. И то немного погодя, как только мне удалось уговорить учителей Лео поучить немного и меня, я стала посещать и его уроки, участь владеть холодным оружием.

Именно поэтому, кстати, я и стала посещать уроки фехтования на Земле — почему-то казалось, что таким образом я становлюсь немного ближе к нему. Наивно, знаю, но кто во времена своей влюбленности не творил глупости?

И все было таким спокойным и понятным... Я только-только к тому времени смирилась с тем, что мне нравится несуществующий парень, как вдруг появился он.

Кириан.

На первый взгляд полная противоположность Лео. Что во внешности, что в характере и поведении.

Если Лео был светом, с ярко-зелеными глазами и вьющимися светлыми волосами, то Кир был мраком, что запутался в его темных волосах. Лишь его глаза были не темными, а светлыми — голубыми, но и то его взгляд ассоциировался не с чем-то небесным, а с чем-то льдинистым.

Лео всегда был веселым, ярким и, я бы даже сказала, теплым и пушистым.

Кир... холод волнами исходил от него. Он не улыбался, не шутил и вообще не выражал практически никаких эмоций, разве что волком смотрел на всех и с ним даже рядом боялись стоять, что уж говорить о большем.

Он... я не знаю, чем он заинтересовал Ярину, но меня он зацепил с первого взгляда тем, что в нем я видела то, что очень часто встречала и раньше, в своем мире, в зеркале, что отражало мой взгляд. Я тоже так смотрела на мир — болезненно-недоверчиво, словно уже не время в то, что в мире может быть что-то хорошее.

Мне было восемнадцать, когда я обреченно осознала, что влюблена. В двоих. И с этим невозможно было что-то сделать.

Осознание этого далось мне довольно болезненно — все же родилась и выросла я в мире, где подобное порицалось. Как же, любить двоих... Долгое время я считала это неправильным, едва ли не противоестественным. Мне казалось это безумно странным — разве можно любить двух мужчин одновременно?

Но все доводы разума разбивались о мои чувства. Я просто глупо полюбила — и ничего с этим не могла сделать. Оставалось принять эти чувства, наивно надеясь на то, что однажды они пройдут. Потому что иначе это могло привести к печальным последствиям.

Я долго корила себя за эти чувства — что может быть смешнее и безнадежнее — полюбить тех, кого не существует? С кем ты никогда, ни при каких обстоятельствах не сможешь встретиться потому, что этих мужчин просто нет в этом мире?

А потом я смирилась — я могла бороться с кем угодно и выиграть, но войну со своими чувствами, с самой собой я заранее уже проиграла.

Ну не помогало мне ничего: ни доводы разума, ни многочисленные аргументы против такой бессмысленной влюбленности, ни даже недостатки парней, которые я с каким-то

болезненным упорством пыталась найти.

Я вновь завидовала Ярине — она тоже была влюблена, но ее влюбленность была более легкой. Я видела, что ее привлекают оба парня, но... Ее влюбленность больше походила на ту влюбленность, через которую проходят все подростки моего мира. Она была влюблена в образ, созданный ею же. Нет, я не отрицала ее чувств и не принижала их, просто эта ее влюбленность была похожа на легкое пуховое облако, которое мягко обволакивало ее, часто затмевая реальный образ парней.

Свою же влюбленность я больше сравнивала с болезнью. Да, все эти чувства тоже начинались с легкого флера, но очень быстро они стали практически зависимостью. Я все видела, все осознавала...

Они оба не были идеальными, не-е-ет.

Лео был вспыльчивым и излишне порывистым. Очень часто он сначала делал, а только потом думал о последствиях. Он был хитер, хотя часто создавалось впечатление, что он свойский парень, парень-рубашка. Конечно, он был таким, добродушным и доброжелательным, но в то же время он в один момент мог стать гордым, непримиримым и даже жестким. Он старался не показывать свою силу, но он был очень силен, как физически, так и духовно. Он был зверем — пушистым и милым со своими и кровожадным, могучим, суровым, даже строгим и настороженным с другими.

Кир же... Кир был холоден. Приходилось прикладывать немало усилий, чтобы пробиться сквозь его ледяной панцирь. Он был недоверчивым, неразговорчивым и скупым на эмоции. Уже потом я поняла, что он очень чувствителен и эмоционален, но все это он прячет и скрывает глубоко внутри себя. Он был принципиален, порой, на мой взгляд, даже излишне. Если он что-то решил, то его очень сложно было переубедить. Он был жестким, но, что удивительно, я никогда не видела, чтобы она необоснованно переходила в жестокость. Кир был молчаливым, из него иногда и слова лишнего не вытянешь. А еще он никогда не прощал, и терпеть не мог лжи. Он всегда просил говорить правду, какой бы неприятной для него она не была. Всегда словно напряженный и готовый к атаке. Я и правда очень редко видела его расслабленным.

Оба упертые и принципиальные, гордые и до жути ревнивые. О, последнее проявлялось особенно, хотя этого я и не сразу заметила. Да, они были жуткими собственниками...

До сих пор удивляюсь тому, что они смогли подружиться.

Хотя этого, думаю, стоило ожидать. Лео как-то не смог сойтись с остальными парнями из нашей учебной компании, предпочитая все время проводить либо со мной, либо на тренировках. Так что ему требовался сильный друг, с которым возникло бы здоровое соперничество, с которым можно было поговорить на какие-то «мужские» темы.

Киру тоже требовался друг. Да и вообще просто поддержка ему была жизненно необходима.

Кириан принадлежал древнему аристократическому роду, который всегда был предан имперской короне. Предан до недавнего времени. Уж не знаю, чем завлекли отца Кириана, но итог один — герцог Ардиан Эрдейн стал одним из заговорщиков, что участвовали в покушении на императорскую семью. Участвовал и его старший сын, а вот младший, Кириан, ничего о заговоре не знал в силу своего возраста. Да и мать Кириана, узнав о планах мужа, поспешила спасти от императорского гнева хотя бы одного своего сына.

Заговор раскрыли и всех, кто так или иначе участвовал в нем, были казнены. Так Кириан разом лишился своего отца и брата. Матери Кир лишился немного раньше —

неудачное стечение обстоятельств — и конная прогулка обернулась трагедией. Вообще Кир лишь чудом избежал участи своего отца и брата — и то, его отпустили на свободу, оставив при этом право на титул после множества проверок, которые подтвердили его невиновность.

И все же, несмотря на то, что Кир не был ни в чем виноват, все же нашлись такие люди, которые не стеснялись ему припоминать ошибки его семьи. Так что парню было очень сложно — ему приходилось каждый день бороться с обществом. И ведь никого не убедишь в том, что дети не виноваты в грехах и ошибках своих родителей...

Кир был умен и талантлив и обещал вырасти в одного из самых сильных воинов Империи. Советники императорской семьи отчетливо это понимали и именно поэтому пригласили Кириана во дворец, показывая тем самым свое расположение.

Кир за это время привык бороться, привык, что он один против всех. Но как же он устал... Я видела это — его надломленность и дикую усталость. Он устал сражаться и давно бы сдался, если бы он был один и отвечал только за себя. Но за ним был еще его народ и его земли и их оставить на растерзание другим он не мог.

Ему нужна была поддержка и дружеское плечо, ему нужна была семья, но он просто боялся кому-то довериться. И все же Ярине и Лео невероятным образом повезло — каким-то чудом им все же удалось заполучить доверие Кира.

Это были прекрасные два года — беззаботные, полные радости и тепла.

А затем Ярине наступило двадцать лет, и ее учеба подошла к концу — настало время практики.

Глава 3. Дарриан

С наступлением двадцатилетия у Ярины появлялась еще одна обязанность — она должна была объехать всю страну и познакомиться с жителями империи и их бытом. В каждом крупном городе она должна была останавливаться и помогать по мере своих сил, показывая на практике все, чему ее обучили за эти годы. Такое путешествие занимало несколько месяцев, и проходить для каждого члена императорской семьи должно было раз в десять лет. Не так часто, но это если не учитывать насколько может быть многочисленной императорская семья. К сожалению, последний заговор изрядно «проредил» семью и в живых осталось только двое — Ярина и ее старшая сестра, Иллиана, которая уже к этому времени вступила в права, став одной из самых юных Императриц.

В первое свое путешествие Ярина должна была отправиться одна, без слуг, помощников и друзей. Так принцесса показывает своему народу, что доверяет ему, а так же то, что она не зря столько лет обучалась во дворце. Естественно, никто не собирался отпускать принцессу без охраны, поэтому за ней тайно всегда следовали несколько человек. Да и в городах девушку встречали уже подготовленные люди, так что Ярина всегда могла к кому-то обратиться за помощью. Но для остальных людей принцесса все же отправилась в путь в одиночку.

Ох, тяжелее всего было расстаться с Киром и Лео. Они всеми силами пытались уговорить Ярину дать согласие на ее сопровождение, но что младшая принцесса, что ее сестра, что Совет — все были против этого. Парней даже пришлось приструнить, напомнив о том, что и без этого у парней огромных ворох своих обязанностей.

Так что как бы парням не хотелось последовать за девушкой, им пришлось остаться во дворце.

И Ярине, и, что странно, мне, было тяжело привыкнуть к отсутствию парней. Я настолько привыкла их видеть каждую ночь, что первые пару недель сердце изнывало от тоски. Тогда-то я и осознала, насколько глубоко успели проникнуть в мое сердце эти парни. Но, кажется, осознание пришло не только ко мне — до Ярины тоже наконец-то дошло, что испытываемые чувства к парням вряд ли можно назвать дружбой. Эти чувства были глубже...

Я завидовала Ярине? О, теперь мне ее даже немного стало жаль. Я-то уже привыкла к этим чувствам, свыклась с ними, а она... Она только сейчас осознала, насколько глубоко засели в ее сердце эти парни. И что с эти делать она не понимала.

Мне тоже не с кем было посоветоваться, но мне и говорить особо было не о чем — что я могла предпринять по отношению к ним, если единственное, что я могла делать — это смотреть сны с их участием?

Ярине было сложнее. Она понимала, что после этого осознания как раньше уже не будет. Ей нужно было что-то делать с этими чувствами — либо принять их, либо отторгать любыми силами. И я бы сказала ей, что последний вариант бессмыслен, так как я уже пробовала проводить подобный трюк, но быстро осознала бессмысленность таких попыток. Но, увы, связаться с ней я не могла. А у Ярины просто не было никого, с кем можно было обсудить подобную проблему. Раньше, если у нее возникали какие-то противоречия, она всегда обращалась за советом к парням. Но здесь подобное не выйдет — во-первых, их даже

поблизости нет, а во-вторых, это было бы очень странно — спрашивать у парней совет по поводу чувств к ним же.

Ярина, возможно, в первые несколько дней и решилась сходить и спросить совета у сестры — все же она старше и умней и явно должна была хотя бы примерно знать, что делать в такой ситуации. Но по прошествии нескольких дней идея обратиться за помощью к сестре уже не казалась такой гениальной. Неловко было делиться таким с сестрой. Неловко и глупо. Да и сестре явно и без Ярины хватало забот.

Поэтому принцесса и мучилась, снедаемая противоречиями.

Это было так грустно и песально — видеть, как Ярина старается задушить в себе влюбленность в парней, уверенная в том, что ее чувства не взаимны. Мне хотелось плакать — так тоскливо было видеть, как она убивает в себе чувства и возвращает неуверенность в себе. А я ведь видела, что и парни не равнодушны к принцессе. Возможно, они пока не понимают своих чувств, ошибочно принимая их за братские, но мне, смотрящей за всем этим со стороны, было хорошо видно, что все гораздо сложнее. Я видела, как ревниво они оберегали Ярину от внимания со стороны других парней, как порой их взгляды неосознанно задерживались на ее губах, как неохотно они отпускали девушку после «дружеских» объятий.

Я бы все это могла сказать Ярине, помочь ей. Но я не могла. И мне оставалось лишь наблюдать за тем, как девушка изводит себя и как все меньше шансов на отношения становятся у этих троих ребят. Я проживала зарождение этих чувств, и наблюдать за их принудительным угасанием было неожиданно горько и больно.

Так больно... Так горько...

Немного отвлекла от переживаний и терзаний лишь одна встреча, которая стала одной из самых важных в жизни.

Магия неоднородна. И пробуждается в магах она тоже в каждом случае по-разному. Кому-то легко дается целительство, кому-то магия природы. Кто-то силен в боевой магии, а кто-то общается со стихией, как сам с собой.

Ярина была сильна в артефакторике. Из под ее руки даже любая безделушка обладала какой-то силой. Часто задумавшись, Ярина крутила какую-нибудь вещицу в руках, сама не замечая того, как вплетает в нее магию. В ней был действительно очень сильный дар к артефакторике.

Любой дар был признавался, любая магия ценилась, но было одно направление в магии, которое, так скажем, не любили...

Темная магия.

Некромантия по-нашему.

Отчего-то многие жители Арлиона считали, что темная магия была злой магией, что, естественно, было не так. Но разве это всем объяснишь? Все равно найдутся те, кто не поверит.

С этим странным убеждением, конечно, боролись, рассказывая о том, сколько всего хорошего может сделать маг, в котором преобладает темная магия, но, если в городах еще и прислушивались к таким речам, то в деревнях... В деревнях было все очень печально. Как только жители деревни узнавали о том, что у человека проявилась темная магия, этот человек подвергался, в лучшем случае, гонению. Таких людей в первую очередь обвиняли в преступлениях и прочих несчастьях. Таким магам было довольно сложно построить отношения — ходили слухи, что у темных есть лишь часть души. Другая же ее часть хранится

у тех, кого они полюбят и выберут себе в невесты. Даже поверие ходило, что темному магу нельзя смотреть в глаза, ибо в тех глазах не сыскать дна. Что взглянув темному в глаза, ты пропадаешь, и вынырнешь оттуда уже другой — с частичкой души темного мага. И что за тобой с тех пор будет следовать его тень, охраняя от бед. Глупости, конечно, но многие почему-то верили.

Впрочем, веду я все это к чему? К тому, что к темным магам мало кто относился по-человечески.

И в этом путешествии мне на пути встретился темный маг.

Все и правда получилось глупо и нелепо. Говорят ведь, что у семи нянек дитя без глазу. Вот как-то так и получилось, что Ярина неожиданно оказалась без охраны. Привыкшая к постоянной охране, девушка проявила беспечность.

И каким-то невероятным образом нарвалась на пьяных мужчин, промышляющих разбоем. До сих пор немного смешно оттого, что как-то принцесса умудрилась нарваться на разбойников...

Но Ярине тогда было явно не до смеха. Поняв, что это не розыгрыш, что разбойники настроены весьма серьезно и, отпускать не собираются, а ее охрана на спасение своей подопечной почему-то не спешит, Ярина всерьез испугалась. Будь разбойники трезвее, они бы точно поняли, что девушка не шутит и она действительно принцесса, а значит, ее безопаснее для их жизней было отпустить. Но они были пьяны и всей опасности не понимали. Так что опасность Ярине действительно угрожала и страшно даже представить, что случилось бы с ней, если бы ей на помощь не рванул молодой парень, почти мальчишка.

И ведь не испугался же! Хотя чего ему бояться — испугаться должны были его, ведь он был темным магом.

Хватило лишь небольшой демонстрации силы, чтобы разбойники осознали, что шутки с парнем плохи. Так что они быстро сбежали.

Так Ярина познакомилась с Даррианом.

Он не ждал благодарностей, когда спасал ее. Да он вообще не знал, что спасает принцессу — просто увидел, что на девушку напали разбойники и в очередной раз не смог пройти мимо. Хотя довольно часто ему же и перепадало из-за таких случаев — почему-то люди, спасенные от разбойников, не особо-то и были благодарны за свое спасение темному магу. Впрочем, по-разному случалось...

Ярина была благодарна, поэтому решила рискнуть и принять Дара в свой круг.

Это тоже была еще одна традиция у императорской семьи — иметь свой круг. В этот круг входили самые приближенные люди, которые не относились к императорской семье. Самые близкие друзья и советники. Те, кто довольно часто впоследствии оказывался супругом или супругой одного из членов императорской семьи.

О браке Ярина в тот момент и не думала — уж не до того ей было. Она думала о том, что впервые за долгое путешествие чувствует себя в безопасности, находясь рядом с этим парнем. Она думала о том, что в последний раз такое чувство защищенности он ощущала, когда проводила свой выходной рядом с Киrom и Лео.

Принцесса чувствовала, что если сейчас отпустит этого парня, отделавшись денежной благодарностью — то совершит огромную ошибку. И Ярина решила довериться своим чувствам.

Из всех троих Дар оказался самым мрачным, переплюнув в этом даже Кира. Дар не был холоден, он был молчалив. И, если Кира довольно часто сравнивали с ледяной глыбой, от

который исходил холод, то Дара можно было сравнить с тенью. Кто специально задумывается о тени? Да мало кто. Вот и о Даре часто порой просто забывали. Сходство с тенью усиливалось еще сильнее, когда он следовал за Яриной, отчего-то взяв на себя обязанности ее личного охранника. Его потом часто так и называли — «тень младшей принцессы».

Конечно же этой особенности парня быстро нашли применение и, как только принцесса после долгого путешествия вернулась во дворец, Дара тут же пристроили работать в Теневое ведомство.

Чему, кстати, явно радовались Кир и Лео — им новый «друг» их принцессы явно пришелся не по душе. Я бы, смеясь, сказала Ярине о том, что мальчики почувствовали конкурента, но я по-прежнему оставалась лишь сторонним наблюдателем. А принцесса... с принцессой было все сложно.

Она спешила во дворец, ожидая почувствовать сладость долгожданной встречи с Киrom и Лео после долгой разлуки. А встретили ее сплетни о том, что у Лео появилась постоянная фаворитка среди девушек, а Киру и вовсе начали подыскивать невесту.

Даже меня эти новости выбили из колеи, хоть умом я и понимала, что Киру нужно как можно скорее обзаводиться наследником, чтобы Род не оборвался на нем, а Лео... ну не ходить же ему девственником, дожидаясь одну-единственную. В этом не было ничего предосудительного, ни один из парней не клялся Ярине в любви и вечной верности. И все равно даже мне, выросшей в двадцать первом веке на Земле и привыкшей ко всему, было больно. Что уж говорить о наивной, верящей в вечную любовь принцессе, чьи мечты и сладкие грезы так разрушила суровая, жестокая реальность?

Конечно же, это сильно отразилось на Ярине. Стараясь не тревожить первые душевные раны, так неосторожно нанесенные ей жизнью, она отдалилась от парней и стала относиться к ним более прохладно. Ей нужно было время, чтобы принять новую реальность.

Конечно же, парни тут же заметили изменения, произошедшие с девушкой, но в силу своей молодости и неопытности списали состояние на Дара. Мол, это темный маг настроил их принцессу против них. Дар же, обладая большей наблюдательностью и проницательностью, довольно быстро понял, что дело в Кириане и Леорроне. И он не мог простить парням то, что светлая и жизнерадостная принцесса, которая словно испускала внутренний свет, потускнела. Едва начавшие налаживаться отношения испортились.

Ярина довольно болезненно переживала первое жестокое столкновение с реальностью. И все же не в ее стиле было долго страдать. Так постепенно все вернулось на круги своя. И, пусть прежней, доверительной, отчаянной, связи между ребятами уже не было, они по-прежнему тепло общались. И даже Дар, Кир и Лео со временем подружились, найдя общие интересы и темы для разговоров.

Время шло.

Стремительно приближался день, когда Ярина, по законам Арлиона, становилась совершеннолетней.

И именно в это время пришла беда оттуда, откуда никто не ждал...

Глава 4. Выбор без выбора

«Духи предков видят незыблемое прошлое, переменчивое настоящее и постоянно изменяющееся будущее», — об этом знали все. Это было так же очевидно, как то, что день сменяется ночью.

Редко кто отваживается просить духов о чем-то. Но если все же отваживается, то не факт, что его услышат и ответят на просьбу просителя. Духи очень редко отвечают на такие просьбы.

И даже здесь у императорской семьи было свое преимущество — им не нужно было долгими днями и ночами взывать к духам в тщетной попытке докричаться до них.

Так уж сложилось, что духи предков были более благосклонны к тем, в ком течет древняя кровь императорской семьи. И они соглашались один раз, перед самым совершеннолетием, даровать своему потомку предсказание о его будущем, требуя за это совсем небольшую плату.

Никто не знал о том, что именно предсказывают духи, как никто не знал и о том, какую же плату они за это потребуют в следующий раз. Об этом было принято молчать.

Духи предков были многочисленны и, чтобы не затеряться в этом потоке, специально был создан артефакт — «Оракул» — который как раз таки и помогал услышать то, что хотели сказать духи своему потомку.

Боялась ли Ярина похода к Оракулу?

Немного. Больше в ее душе было волнения, чем страха. Ну что страшного могли ей сказать духи предков?

Трон она занимать не собирается, великим магом-первооткрывателем ей вряд ли позволят стать — у венценосной особы, по мнению Ярины, было уж слишком много запретов и ограничений. Поэтому, кстати, трон ее ничуть не прельщал — у Императрицы обязанностей было гораздо больше, и если у Ярины была хоть какая-то свобода, то ее старшая сестра о ней могла только мечтать.

Любовь? Да, с этим сложнее, но о любви, насколько девушка знала, духи предков редко что-нибудь говорят. Такое их обычно не особо волнует.

Да даже если и скажут — попробуй сначала разобраться в том, что тебе предрекли. Эти предсказания настолько туманны и расплывчаты, что понять, о чем в них говорилось, можно было уже только после того, как предрекаемое событие сбылось. Как же, ведь если они скажут тебе предсказание прямо, без всяких иносказаний, то появляется шанс что-то исправить. А исправлять то, что предрекли духи предков, отчего-то ни в коем случае было нельзя! Вот стоит ли тогда вообще узнавать, что тебе предрекают, если ты ничего изменить не сможешь?

Так что, чтобы лишний раз не переживать и не дергаться, Ярина предпочла и вовсе не вспоминать о предстоящем «мероприятии». Даже меня, казалось, больше волновало будущее предсказание, чем ее, хотя уж мне-то и вовсе не о чем было переживать: предсказание было не обо мне и изменить я, при всем своем желании, все равно ничего бы не смогла.

И все равно мне было интересно.

Во-первых, о духах предков я никогда до этого не слышала и не видела, поэтому даже просто взглянуть на очередное проявление магии было интересно. Во-вторых, мне все же

любопытно было узнать о том, что же все-таки скажут духи предков. Забавно, но я, девушка из немагического мира, относилась к пророчеству более серьезно, чем та, кто родился в мире, где магия реальна.

Вообще, я, к своим двадцати пяти годам, к этим снам стала относиться более спокойно. Для меня эти сны стали чем-то вроде вечного сериала, который, кажется, закончиться только смертью одного из нас. И, учитывая продолжительность жизни на Арлионе, я сильно сомневалась в том, что первой из нас двоих умрет принцесса. Знала бы я...

Я стала более спокойно относиться к Киру, Лео и Дару. Возможно оттого, что с каждым месяцем мы все реже находили возможность встретиться?

Дара довольно часто отправляли на задания, и поэтому ему сложно было выкроить время на сон и отдых, не говоря уже обо мне. И все же он умудрялся находить хотя бы пару минут, чтобы встретиться со мной и спросить о моем самочувствии и о том, не беспокоит ли меня что-нибудь. Это было немного забавно, трогательно и до жути мило.

Кир был занят предстоящей помолвкой. Да, так уж получилось, что ни Ярина, ни Кир, ни разу так и не заговорили о своих чувствах. Это сильно расстраивало меня, но ничего с этим, увы, не могла поделать. Я корила Ярину за молчание, хотя прекрасно понимала, что будь на ее месте, возможно, я бы тоже не решилась рассказать Киру о своих чувствах. Впрочем, я все еще надеялась на то, что ребята найдут в себе силы и смелость объясниться, ведь помолвка еще пока не заключена. Да и помолвка — это еще не брак.

Лео... С ним было сложнее всего. Я и раньше замечала, насколько обаятельным может быть этот парень. Повзрослев же, он стал привлекать все больше и больше внимания со стороны женщин. И он не отказывался от этого внимания, купаясь в океане женских восторгов. Одна девушка сменялась другой, а та третьей... На осторожные замечания Ярины он лишь весело смеялся, говоря о том, что хочет нагуляться, пока молод, чтобы потом, женившись на одной, хранить верность только ей. Ярину это обижало и задевало, а я, видя немного больше, чем принцесса, лишь удрученно качала головой: все шло к тому, что Лео однажды попросту сам себя перехитрит и в итоге останется ни с чем.

Сложно сказать, что стало с моей любовью к ним. Было бы наивно утверждать, что я ими переболела и больше не люблю их. Нет, я по-прежнему любила, но я устала. Устала гореть, устала болеть ими. И моя любовь, больше похожая на болезненную страсть, утихла. Теперь я просто любила их всем сердцем, с печалью осознавая, что вряд ли эту любовь сможет победить другая любовь.

С противоположным полом все совершенно не ладилось. Хватало пары коротких встреч, чтобы я понимала, что мой ухажер моим парням из сна даже в сравнение не годится. А мой поклонник за это же время успевал понять, что мое сердце безнадежно кем-то занято и, чтобы отвоевать его, нужно приложить немало усилий. А я, увы, не настолько кому-то успевала понравиться, чтобы за мое сердце начинать сражение.

Это немного печалило, но не настолько, чтобы я начала что-то менять. Да и как-то свыклась я с мыслью, что не суждено мне встретить такого парня, что увлечет меня так сильно, как парни из моего сна.

Звучит, конечно, бредово и даже пугающе...

Порой мне казалось, что и мои сны, и моя влюбленность ненормальны и мне следовало бы обратиться к психологу за помощью. Такие моменты «просветления» наступали довольно редко и были слишком непродолжительны, чтобы я действительно успевала что-то предпринять.

Да и какое-то внутреннее чутье подсказывало мне, что предпринимать что-то бесполезно — сны все равно никуда не исчезнут. Я пробовала еще в подростковом возрасте, когда болезненная влюбленность сразу в двоих изводила меня. Я пробовала медитации. Ходила к разным бабкам и другим экстрасенсам. Не спала. Пила снотворное и другие таблетки. Напивалась до полной отключки. Даже в церковь ходила и молилась. Ничего не помогло — как снились мне сны о Ярине и о другом мире, так сняться и до сих пор. Единственное, что я зареклась делать — это пить снотворное. Сон мне все равно приснился, но зато наутро мне было та-а-ак плохо, что я реально думала, что умру. И с алкоголем такая же история. Что же касается идеи не спать всю ночь... Да, сны мне уж точно не могли сняться, пока я бодрствую. Но не спать вечно я не могла. А стоило мне уснуть, как все те дни, что я «пропустила» тут же нагонялись. И уж поверьте мне, спать практически двое суток — то еще «удовольствие».

Так что да, со странными снами я все же смирилась. Как, впрочем, смирилась и с этой любовью. Все это стало частью меня, настолько привычной, что, лишись я вдруг их, мне было бы, мягко скажем, некомфортно.

Поэтому я ждала предсказание, уготованное Ярине. Было интересно узнать, что ждет ее в будущем, и каких снов мне стоит ожидать.

Принцесса же тем временем, кажется, в большей степени волновалась о будущей вылазке в город. Совсем скоро с задания должен был вернуться Дар, который обещал ей устроить тайную вылазку в столицу. Ну уж очень хотелось Ярине взглянуть на то, как люди будут праздновать ее совершеннолетие! Ей, конечно, не запрещали выходить в столицу, но любая ее прогулка сопровождалась таким количеством охраны и придворных, что незаметно прогуляться никак бы не получилось. Поэтому младшая принцесса больше задумывалась над тем, что ей надеть на праздник и что захватить с собой, чем над каким-то неясным пророчеством.

Так что да, особо Ярина и не задумывалась над этим походом к Оракулу. Тем неожиданнее для нее стало появление в комнате старшей сестры, которая и должна была сопроводить Ярину к тайному месту.

Беда редко когда предупреждает о своем приходе. В ее стиле появиться неожиданно, пугая и вгоняя всех в уныние и безнадежность.

Как бы ни храбрилась Ярина, она все же была готова ко многому.

Но уж никак не к тому, что ей не захотят делать предсказание.

Младшая принцесса, привыкшая отступать, неожиданно уперлась и отказывалась уходить, пока не услышит пророчество, которое будет о ней. Стала бы она так настаивать, узнав о том, почему ей не хотят ничего говорить?

— Зачем тебе знать твое будущее, — неожиданно ворчливо произнес один из духов после продолжительного молчания, — если у тебя его все равно нет? Ты просишь дать тебе предсказание о твоём будущем, но что мы можем тебе сказать о нем, если тебе осталось совсем немного? Ты даже не доживешь до своего совершеннолетия! Умрешь за два дня до праздника! Так что мы должны предсказать тебе?

Сказать, что Ярина было в ужасе — ничего не сказать. Она до последнего не верила в то, что предрекают ей духи. Все старалась найти лазейку, чтобы спастись. Именно сейчас, на пороге смерти, она отчетливо осознала, насколько сильно хочет жить.

Вот только не было спасения. Как бы она не старалась, что бы не предприняла, исход был один — принцессе суждено было умереть за два дня до ее совершеннолетия. То есть

через три дня.

— И нет ни единого шанса на спасения?

— Твоему телу суждено погибнуть и этого не изменить, — неожиданно заявил один из духов, — впрочем, душу свою ты все же можешь спасти от убийства.

— Душу? Разве может существовать душа без тела?

— Конечно же нет. Но ты можешь отправить большую часть своей души в путешествие по тонкой грани, надеясь на то, что она сама отыщет себе сосуд, пригодный для жизни.

— Это-то же самое, что отправиться на перерождение. Стоит ли страдать, разрывая свою душу, чтобы иметь возможность получить мизерный шанс на то, что я продолжу жить в другом теле?

— Твоей душе суждено страдать, и только тебе решать, какое страдание тебе выбрать — страдание от разрыва души, которая воссоединится вновь, стоит тебе умереть, или же страдание от убийства... Только тебе решать.

— Только мне решать? Выбор без выбора... Умереть от руки таинственного врага или провести ритуал, разрывающий душу и отправить большую часть души в путешествие, надеясь на то, что моей душе удастся найти подходящий сосуд и я однажды вспомню о своей прошлой жизни. И ведь это буду уже не совсем я... Судьба явно насмехается надо мной. Мало ей было? И что она потребует от меня еще? Хотя что можно требовать от той, кому осталось три дня? Всего три дня... И выбор без выбора...

Глава 5. Смерть и осознание

Сказать, что я была оглушена тем, что я узнала — ничего не сказать.

Слишком много эмоций смешалось во мне — это и страх за Ярину, и ужас от осознания неизбежности, и глупая надежда на спасение. Ведь парни спасут ее, не так ли?

Ярина долго не могла уйти от духов — ноги просто отказывались идти. Поэтому, когда за ней пришла Иллиана, девушка, не выдержав скопившегося напряжения, разрыдалась, невнятно рассказывая о том, что она совсем скоро умрет. Вряд ли старшая сестра из этого лепета разобрала многое, но суть все же уловить смогла — Ярине предрекли скорую смерть.

Я видела, что, как бы Иллиане не было больно, она понимала, что вряд ли кому-то под силу спасти ее сестру — то, что предрекли духи, практически невозможно изменить.

И мне от этого осознания становилось жутко, потому что впервые за двадцать пять лет я нашла объяснение этим снам... Но это объяснение было слишком невероятным, слишком пугающим, слишком... слишком.

Поэтому я до последнего верила в то, что Ярина все же спасется, хотя где-то глубоко внутри я все же знала, что будет дальше.

Но я верила, что все же предсказанное можно изменить. И если Ярина не сможет что-то придумать, то уж парни-то явно смогут сообразить, как спастись младшей принцессе.

Вот только срочные письма, которые Ярина отправила сразу же, как вернулась в комнату, остались без ответа. Ее мальчишки, ее лучшие друзья, те, кого она так любила, не мчались ей на помощь. От них вообще не было никакого ответа. Да, она не могла в письме о многом сказать, но о главном она все же сказала — о том, что она в смертельной опасности и ей срочно нужна помощь.

Они просто не пришли. Хотя письмо все же получили — она это почувствовала.

Уже намного позже я узнала, что пусть письма они и получили, но вскрыли их они далеко не сразу. А когда вскрыли и, прочитав, помчались на помощь, было уже поздно что-либо делать.

Судьба действительно была настроена против Ярины.

Первый день из трех, что были отведены младшей принцессе, прошел быстро и запомнился горьким привкусом страха на губах.

Мой день после этого сна тоже прошел сумбурно, в бессмысленном, пустом беспокойстве — меня медленно отравляло отчаяние от понимания того, что я ничего не могу поделать. Мне остается лишь смотреть, оставаясь безмолвным зрителем — такова была моя участь.

Второй день прошел в нервном напряжении — Ярина все ждала той минуты, когда придут парни и спасут ее. Или хотя бы успокоят и подарят немного уверенности, которой сейчас ей не хватало. И только глубокой ночью, практически на рассвете третьего дня Ярина осознала, что никто не придет.

И пророчество исполнится.

Ритуал разделения души она проводила в каком-то странном состоянии, похожем на транс. Она делала все спокойно и плавно, словно не разделяла сейчас свою душу, а проводила какой-нибудь другой слабенький ритуальчик.

И только почувствовав холодную, тянущую пустоту внутри, Ярина поняла, что все.

Это конец.

Обратного пути уже не было.

Лишившись большей части души она. Казалось, лишилась и большей части страха. Осталось лишь небольшое беспокойство, почти угаснувшая надежда и горькая обида. Обида на всё: на несправедливый мир, не жестокую судьбу, на парней, которые не пришли, на сестру, которая, казалось, и вовсе забыла о том, что Ярина должна умереть. А может и правда забыла — кто знает, как устроены эти предсказания? Вдруг те, кто услышал о них, тут же забывали об этом?

Ярине казалось, что все происходящее вокруг — лишь долгий, слишком сильно затянувшийся кошмар и ей стоит лишь пережить этот день — и тогда она очнется ото сна. И все станет, как было раньше.

Наверное, именно поэтому принцесса сделала единственное, что могла в данной ситуации — она спряталась в своей тайной комнате, доступ в которую был ограничен. Своеобразный «ключ» от этой комнаты был всего лишь у нескольких близких людей, которые точно не были способны на предательство.

Бессонная ночь, полная волнений, изматывающий и довольно болезненный ритуал, дикий стресс, что испытала Ярина за последние три дня — все это сказалось на девушке и она уснула.

Я и правда не помню, как провела этот день. Единственное, что мне запомнилось, это мысль о том, что нужно как можно скорее лечь спать. Стоит всего лишь уснуть и я узнаю о том, спаслась ли Ярина. И, уже исходя из этого, смогу делать другие выводы.

Вот только сон, как назло, не шел. Я не могла уснуть весь день. Я не смогла сомкнуть глаз и ночью. Волнения и переживания вылились в то, что я просто не могла уснуть — слишком сильным было мое нервное напряжение.

В итоге я не спала двое суток. Просто не могла уснуть. На второй день я даже рискнула и выпила снотворное, но ничего, кроме жуткой головной боли и жажды я не получила.

Спасительный сон пришел ко мне на третьи сутки моего бодрствования — и не дал мне никаких ответов.

Мне снилось что-то невнятное — казалось, меня, связанную, куда-то тащили, чтобы затем сбросить на какой-то камень, смутно напоминающий алтарь.

И на этом все.

Была ли я раздражена таким непонятным сном? О, мягко сказано! Я вновь и вновь вспоминала отрывки сна, стараясь понять, что же мне, все-таки, снилось.

В итоге, так ничего не решив, я решила дождаться следующего сна...

Который мне ничего не дал. Потому что впервые за двадцать пять лет мне ничего не приснилось. Или же я впервые за свою жизнь забыла свой сон.

Стоит ли говорить о том, что осознание произошедшего появилось у меня только через три дня?

Только через три дня я осознала простую истину — больше Ярина мне снится не будет, потому что нет больше принцессы.

Ярину убили.

На осознание другого факта мне пришлось потратить гораздо больше времени. Две недели я потратила на то, чтобы принять это. Две недели я не могла осознать это. И все же не в моих правилах было обманывать себя.

Да, теперь я понимала, что мои странные сны снились мне не случайно.

Путь это даже звучало дико, но факт оставался фактом — мне не зря снилась Ярина.

Потому что она — это я.

Потому что это ее душа каким-то образом оказалась в этом мире.

Ярина — это я. Я — это она, младшая принцесса, чью жизнь я заново проживала в своих снах. А проживала ли? Или будет правильным сказать «вспоминала»?

Принять это было безумно сложно. За эти двадцать пять лет я по-разному относилась к Ярине и по-разному воспринимала ее: я ее любила и ненавидела, я жалела ее и завидовала ей, я восхищалась ею и презирала ее. Она была для меня то потерянной сестрой-близняшкой, то моим отражением в магическом мире, то той, кем я была в прошлой жизни. В последнее время я все чаще воспринимала ее как подругу и вместе с этим она порой казалась мне персонажем из какой-то истории.

Но я никогда не думала о том, что она — это я.

Что я — это она.

И я теперь совершенно не представляла, что делать с этим знанием. Как использовать его? И зачем оно мне вообще нужно?

Раньше я думала, что если бы я наверняка узнала о том, существовали ли Ярина и парни в реальности, то мне бы легче жилось. Легче было бы воспринимать мою странную любовь.

Теперь я понимала, что глубоко заблуждалась на этот счет.

Легче? Как же! От осознания того, что это все реально, становилось лишь больнее. Больнее было оттого, что я просто не могу вернуться в тот мир, потому что не знаю, как это сделать.

Все бы отдала за такие знания и за способ вернуться на Арлион. Ни на мгновение бы не пожалела, покинув Землю навсегда.

А что меня держало здесь? Родители? Так об отце я уже давным-давно ничего не знаю, а матушка... Матушке я никогда не нужна была. Как, впрочем, не особо нуждалась в ней и я. Бабушка? Так ее уже больше шести лет нет в живых. Работа? Нет, определенно нет. Семья? Да нет у меня здесь семьи, не сложилось... Да и вообще в этом мире ни с чем у меня особо не складывалось — ни с отношениями, ни с дружбой, ни с карьерой. Все мое нутро стремилось на Арлион и только сейчас я окончательно понимаю, почему меня всю жизнь тянуло туда. Почему иногда накатывала необъяснимая грусть по этому сказочному миру.

Меня просто тянуло домой.

С самого первого моего вздоха тянуло назад, домой.

Вот только я не знала, как вернуться.

Я усиленно вспоминала все, что знала о магии и о порталах. Старалась каждый день мысленно тянуться к Арлиону, моля о том, чтобы меня вернули обратно. Даже пыталась создать хотя бы простенький амулет. Впрочем, безуспешно — на Земле не было магии, и потому воспользоваться ей я не могла.

Я придумывала сотни способов, и все они не подходили. Были провальными. Невыполнимыми.

Знала ли я, что всего лишь стоило просто взять, успокоиться и немного подождать? Могла ли я подумать, что все так просто? Что важно всего лишь искреннее желание.

Потому что если у человека столь велико желание вернуться домой, то он вернется домой.

Рано или поздно.

Так или иначе.

Но вернется.

Глава 6. Особенный сон

Сколько себя помню, я всегда видела странные сны. Яркие, удивительные, наполненные смыслом... И всегда связанные друг с другом.

Так было раньше...

Теперь же мне уже третью неделю не снилось ничего.

Безрадостные, полные переживаний дни сменялись тревожными ночами.

Я ушла с работы и заперлась в квартире, не в силах вынести тяжелый груз последних дней. Мне нужно было время, чтобы прийти в себя, чтобы успокоиться и начать мыслить трезво.

Смерть Ярины, к моему удивлению, сильно ударила по мне. Это было так... неожиданно. Странно. Даже, пожалуй, слишком странно.

Умом я понимала, что Ярина — это и есть я, но, черт, как же это было сложно принять. Она, наверное, большую часть жизни ассоциировалась у меня с младшей, наивной и светлой сестренкой, с которой я просто не могу увидеться.

Её смерть стала сильным шоком для меня, потому что имена Ярина была рядом со мной все эти годы, поддерживая и направляя, пусть она и не знала об этом. А теперь ее не стало.

Её... Меня...

Это и в самом деле было слишком тяжело осознать — то, что вся ее жизнь происходила со мной. Что вообще нет, и никогда не было никакой «её» — была всегда лишь только я.

Это я росла маленькой принцессой. Это я потеряла родителей во время очередного удачного покушения. Это я влюблялась и страдала. Это я умерла. Это всегда была я.

Так что да, мне понадобилось около двух недель, чтобы принять все эти новости, свалившиеся на меня снежным комом.

И я приняла.

Просто однажды проснулась и поняла, что теперь я уже не отделяю личность Ярины от своей. Просто воспринимаю это, как далекое прошлое, что произошло со мной. Когда многие детали стерлись, а происходящее с тобой кажется нереальным сном.

Все, впрочем, если подумать, так и было

Лишь только одно не давало мне покоя — моя будущая жизнь.

Меня и раньше-то нельзя было назвать общительным человеком или душой компании. Да и не только. Благодаря тому, что я имела возможность наблюдать сразу за двумя мирами и, соответственно, сравнивать их, я видела все недостатки нашего мира, на которые часто попросту закрывали глаза. Да и довольно часто во многих вопросах сравнение шло не в пользу Земли.

Но если раньше я хотя бы могла себя останавливать мыслями о том, что Арлион нереален, что он лишь часть моего воображения, моих снов, то теперь же, узнав, что этот магический мир все же существует, мне стало намного тяжелее контактировать со своим миром. Недостатки застилали все достоинства, и даже сидеть в квартире мне было некомфортно, не говоря уже обо всем остальном.

Кажется, я медленно сходила с ума...

Я понимала, что если до этого у меня, все же, был шанс со временем нормально адаптироваться на Земле, то последние события попросту уничтожили его. Я знала, что

теперь все в этом мире постоянно будет подвергаться сравнению. И если с жизнью и работой я еще как-то могла бы смириться, то с отношениями и личной жизнью в целом...

Теперь я знала, что Лео, Кир и Дар не плод моего воображения. Знала, что они реальны. И это, кажется, попросту убивало последнюю возможность построить нормальные отношения с мужчиной сейчас, здесь, на Земле.

Знаю, многим это покажется странным, но знание того, что эти мужчины реальны, словно заставило мою любовь к ним вспыхнуть с новой силой.

При этом я прекрасно понимала, что это как минимум ненормально.

Впрочем, я и не говорила никогда, что я нормальная. Разве нормальный человек жил бы так, как я? Нет, думаю, он давно бы уже сходил к психологу и постарался решить все странности, что происходили в его голове. Разве нормальному человеку вообще когда-нибудь приснилось бы такое? Сомневаюсь.

Кстати, если уж разговор пошел о моих снах, то здесь стоит отметить, что уже какую неделю подряд мне ничего не снилось. Абсолютно ничего. Мне казалось, что я только закрываю глаза и тут же открываю их, и лишь только время на часах говорило о том, что я все же спала.

Так и в этот раз, ложась спать, я была уверена в том, что мне ничего не приснится.

Как же я, однако, ошибалась...

Мне снилось будущее парней. Видимо, моя душа настолько стремилась узнать о том, что же стало с ними дальше, после моей смерти, что я невольно вернулась сознанием на Арлион.

Увы, понять мне удалось совсем немного — слишком быстро происходили события, кадры смелись каждую секунду и я видела лишь некоторые картинки, что мои глаза успевали выудить из общего потока.

И если в самом начале я видела какие-то сцены из жизни парней, то с каждой секундой история их жизни ускорялась и вскоре я даже понять ничего не могла — на месте мелькающих картинок образовался столп ослепительно-белого света.

Так что понять я действительно смогла совсем мало, практически ничего.

Только одну сцену я хорошо разглядела, и она буквально намертво отпечатлелась в моем сознании.

Хотя, не удивительно, что именно ЭТА сцена так четко отпечаталась в моей памяти.

Это был как раз тот момент, когда меня нашли. Точнее не меня, а мое остывающее тело. Я лежала на небольшой красивой поляне среди цветов и, казалось, не умерла, а на мгновение прикрыла глаза и уснула.

Это, конечно, если не смотреть на многочисленные раны, оставленные кинжалом на моем теле. Сколько ударов совершил убийца, прежде чем успокоиться? Судя по всему, не меньше десяти...

Смотреть на свое мертвое, израненное тело со стороны было на удивление не страшно. Было никак. Наверное, это влияние сна — не думаю, что вид моего истерзанного тела я бы смогла воспринять спокойно, находишься я в реальности.

Я видела, как меня нашли.

Видела, как вперед бросился взмыленный, уставший и побледневший Дар, как он с какой-то болезненной осторожностью взял меня за запястье, безуспешно пытаясь уловить удары моего сердца. И как он замер, осознав, что я умерла.

Видела, как подкосились ноги у Лео. Как он неотрывно смотрел на меня, боясь при

этом подойти — потому что он не хотел верить в то, что я умерла. Не хотел видеть мою смерть, мои раны.

Видела, как медленно, словно на деревянных ногах ко мне подошел Кир. Как он присел рядом со мной, как проверил пульс на моей шее и, не нащупав его, осторожно прикоснулся к моему лицу, а затем к моим волосам. Как он говорил что-то мне, словно пытаюсь дозваться. Как его начинает сотрясать крупная дрожь.

Я видела.

И я больше не смогла смотреть на это.

Слезы застилали мои глаза, пряча за собой боль от увиденного. Мне не было больно от вида собственного тела. Мне было больно видеть, какое страдание я невольно причинила им, умерев.

Только сейчас, увидев, как убиваются мальчики, я реально осознала тот факт, что умерла. Что умерла и что оставила их. Оставила с чувством вины, ведь они точно будут обвинять себя в том, что не успели спасти... И зачем, зачем я написала им эти чертовы письма?! Ведь знала же, что Оракул никогда не ошибается. И что я умру. Так зачем я это сделала?

Зачем?!

Пытаясь унять боль, я повернулась спиной к парням.

И тут же поняла, что не узнаю этого места.

Это место определенно было не тем, где я умерла!

Меня убивали на алтаре, что был установлен в каком-то помещении, но точно не на поляне. А здесь кругом трава да деревья и ни одного строения на ближайший километр. Это я почему-то знала точно. А еще я точно знала, что эта поляна находится часах в двух ходьбы от столицы, где и располагался дворец, в котором я жила до этого.

Кому понадобилось переносить мое тело? Почему сюда? И как парни смогли обнаружить меня так быстро?

Ответов на это не было, а тем временем сцены из жизни парней все ускорялись и ускорялись.

И вот я уже ничего не вижу — белоснежный свет ослепляет меня.

Мгновение — и ослепляющий свет сменяется блаженной темнотой, что окутывает и убаюкивает меня, погружая в сон.

Сон, после которого я проснусь уже в другом мире.

На Арлионе.

Глава 7. Возвращение на Арлион

Я медленно поднялась по лестнице, следуя за девушкой, которой приказали показать снятый мною номер в трактире. Она что-то говорила мне, но смысл слов ускользал от меня, так и не достигнув сознания.

Я знала лишь одно — мне срочно нужно было остаться наедине.

Потому что, если чему и научила меня жизнь, так это тому, что никогда нельзя показывать свою слабость. Особенно при посторонних людях.

Я, как мантру, повторяла себе то, что я должна держаться. Должна дождаться того момента, пока не останусь в одиночестве, в относительной безопасности. Наверное, это помогало — потому что после того, как я прошла в номер и попрощалась с девушкой, я даже смогла запереть дверь и прижать к ней стул — для дополнительной защиты.

И только после этого я, прислонившись к стене, медленно сползла по ней, прижимая обе ладони ко рту для того, чтобы заглушить рвущийся наружу, то ли стон, то ли вой.

Глаза тут же застила пелена слез, а жалкий полувсхлип все же вырвался наружу.

Судьба явно ненавидела меня.

Казалось бы, исполнилось мое желание — я действительно оказалась на Арлионе. И я даже радовалась. Особенно, когда обнаружила, что магия, которой владела... я в прошлом, теперь снова со мной. И даже пространственный карман, в который я иногда прятала необходимые мне вещи, тоже остался. Правда, проблема заключалась в том, что я совсем плохо помню, что именно я туда прятала — как-то не видела смысла в том, чтобы запомнить.

И все же, к моей радости, я все-таки вспомнила о том, что там должен храниться темно-серый плащ. Такой образ, конечно, может привлечь подозрение, но он все же лучше той пижамы, что сейчас надета на мне. Да и в карманах плаща я обнаружила мелочевку, которой должно хватить для того, чтобы добраться до сестры или одного из парней.

Перемещение явно плохо отразилось на моей сообразительности.

Во-первых, я где-то с час не могла поверить в то, что нахожусь на Арлионе. Мне все казалось, что это сон.

Но все же ощущения реальности убедили меня в том, что я не сплю. А магия и окружающее пространство вокруг меня однозначно указывали на то, что я нахожусь не на Земле. Да и ощущения у меня были такими, словно я вернулась домой после долгого путешествия.

Во-вторых, после того, как я все же осознала реальность происходящего, я вдруг почувствовала себя будто опьяненной — такой дикий восторг, вперемешку с нетерпением обуял меня, что я не могла рационально мыслить.

Мне казалось, что теперь все будет просто — сейчас я выберусь с этой странной поляны и найду ближайшее поселение. Потом доберусь до столицы, а уж там сразу пойду во дворец, чтобы тут же дать знать парням, что я жива. И после этого наступит счастье...

Глупо, да?

Конечно же глупо. Но исполнившееся желание настолько окрылило и ослепило меня, что я ни о чем просто подумать не могла. Хорошо еще, что остатки здравого смысла подсказали мне, что появляться на людях в пижаме — не лучшая мысль. Вот тут-то я и

вспомнила о том, что практически перед своей смертью спрятала неприметные плащ и сапоги в пространственный карман. Собиралась, как только Дар вернется со своего задания, уговорить его тайно выбраться за пределы дворца, чтобы посмотреть на людей. Увы, не получилось... Но зато сейчас мне это плащ с удобными сапожками точно пригодятся. Как, впрочем, и несколько монет, что я когда-то небрежно засунула в карман.

И вот так я, все еще не пришедшая в себя от счастья, пошла искать дорогу к людям.

Тут мне снова повезло — буквально через несколько метров от себя я обнаружила хорошо протоптанную тропинку, которая уже через полчаса вывела меня к широкой дороге, которая вела напрямик к каменным стенам.

Мне крупно повезло оказаться совсем недалеко от какого-то города. И, пусть я и не знала, какой именно это город, но это было в любом случае лучше, чем то, если бы я наткнулась на какое-то поселение.

Перемещение точно отразилось на мне, потому что я, без какой-либо подготовки беспечно поспешила к воротам.

Удача явно вела меня, потому что по дороге к городу я никого не встретила, а у ворот, когда стражники поинтересовались моим именем, я по привычке назвала свое земное имя. Стражники, конечно, удивились такому странному имени, но ничего не сказали и пропустили в город.

А я вздохнула с облегчением — все же это было бы слишком — называть свое настоящее имя.

И тут, мне кажется, удача начала разворачиваться ко мне спиной, а судьба, сделавшая подарок, нанесла удар.

Я сначала и не поняла, что мне смущает — я просто шла по главной улице и с каким-то недоуменным интересом разглядывала город и прохожих. Что-то было не так, но вот что именно, я все никак не могла понять.

Наверное, именно это смутное ощущение надвигающегося шторма заставило прийти в себя и наконец-то осмысленно рассмотреть окружающий мир вокруг меня.

Улица, по которой я шла, казалась мне смутно знакомой, но при этом какой-то пугающе чужой. Словно я уже когда-то раньше была здесь, но тут почти все было иначе.

— Эй, — поймала я пробегающего мимо мальчишку, — хочешь монетку заработать?

— Покажи, — тут же хмуро произнес он.

Я, в очередной раз поблагодарив судьбу, достала из кармана плаща медную монетку.

Парень, прищурившись, посмотрела на нее, а потом, кивнув, перевел взгляд на меня и все так же хмуро сказал:

— Ну, чего тебе? Только учти — я грязными поручениями не занимаюсь.

— Да нет, мне нужно, чтобы ты подсказал мне трактир, где я могла бы отдохнуть, не переживая за собственную безопасность. Да и на пару вопросов ответить сможешь?

— Смогу. Пошли, это тебе нужно к дядьке Матыру. Он разбоя у себя не допускает. Так что узнать-то хотела?

Вздохнув, я потеряла лоб и направилась за мальчишкой. С каждой минутой я все яснее начала осознавать, что происходящее не сон. Что это реальность. А от реальности не сбежишь, как ото сна, а значит... значит, нужно срочно приходить в себя. Мне и так только каким-то чудом повезло не вляпаться в неприятности.

— Так, дай соображу, — пробормотала я в большей степени себе, чем мальчишке.

Каждая мысль, посетившая меня с момента пробуждения на Арлионе и до этого

момента теперь казалась дурной глупостью. Куда я рвусь, не подумав? Какой дворец? Какие парни? О чем я только думаю?

Нет, сейчас мне вообще нельзя никуда лезть. Сначала нужно осознать, что я на Арлионе, затем выяснить все детали, а уже потом, обдумав все, принимать решение о том, что делать.

— Где я нахожусь?

— Так в Эйнарде, где ж еще? — протянул паренек, с подозрением посмотрев на меня.

— В Эйнарде? — удивлено воскликнула я, и тут же стала осматриваться, — Быть того не может! Или может?

Я уже бывала в Эйнарде, и не раз, поэтому главную улицу я помнила хорошо. И теперь, осматриваясь, я узнавала это место. Действительно, я в Эйнарде. Вот только когда все так успело поменяться?

Нехорошее подозрение тут же ледяной рукой схватило мое сердце, мешая сделать нормальный вздох.

Да нет, быть того не может. Не может же, да?

— Просто неудачный эксперимент с магией, — произнесла я, заметив подозрительный взгляд паренька, — так хорошо приложило, что мысли в голове до сих пор путаются.

Я старалась говорить беспечно, успокаивая так не только парня, но и, кажется, себя. Ибо отчего-то у меня возникло такое чувство...

— Даже я знаю, что с магией без присмотра экспериментировать не стоит. Если, конечно, не хочешь неприятностей. Тебе повезло — только головой приложило, а если бы были более серьезные последствия? Так тебе тогда только и дорога будет — в Академию Яриан.

— Академия Яриан?

— Ну, Академия отверженных.

— Академия отверженных?

— Ну да. Ты с какой деревни вообще? Все же про нее знают.

— А, так ты про эту Академию. А я сразу и не сообразила. Говорю же, по голове хорошо получила, — протянула я, сделав вид, что до меня только что дошло, о чем говорит паренек. Он и так с подозрением смотрит, не стоит еще сильнее настораживать его. Мало ли — сдаст стражникам. А мне сейчас не хотелось бы вообще ни с кем встречаться. И все же, что это за Академия такая? Почему я о ней ничего не слышала?

Предчувствие чего-то очень нехорошего только усилилось.

— Может, тебе к целителю обратиться?

— Нет, не нужно, само скоро все пройдет, — сказала я, не веря в то, что говорю. Такое само не пройдет...

Мальчишка покачал головой, но ничего не сказал.

Станный, конечно, паренек, но... Может, просто сейчас так принято?

Сейчас. Раньше... Неужели мои подозрения не случайны? Нет, этого не может быть! Хотя мне ли говорить о том, что может быть, а что не может? Ведь совсем недавно я и в существование Арлиона не особо верила. И что в итоге?

— Все, мы пришли, — сказал паренек и протянул руку, требуя плату.

— Держи. Подожди, последний вопрос, — сказала я и замолчала, не зная, как правильно его сформулировать, чтобы не вызвать подозрений.

— Ну? — нетерпеливо протянул паренек.

— Какой сегодня день? У меня почему-то возникает ощущение, что я была без сознания больше одного дня, — тут же постаралась объяснить я свой вопрос.

Быстро ответив мне, мальчишка тут же скрылся с моих глаз. Впрочем, я этого не заметила, потому что полученный ответ буквально выбил почву из-под ног.

Смутно помню, что было дальше — все словно стало в тумане. Кажется, я оплатила комнату на несколько дней. И попросила не беспокоить без срочной необходимости. Или этого не было? Не помню... Все словно в дыму...

Пришла в себя я лишь в комнате.

Я сидела на полу, смотрела на одну точку и лишь изредка вытирала бегущие по щекам слезы.

Судьба явно решила жестоко подшутить надо мной.

Потому что сегодня прошло ровно пятьдесят лет с того дня, как умерла принцесса Ярина.

Прошло ровно пятьдесят лет с тех пор, как умерла я.

Прошло. Пятьдесят. Лет.

И я не имею ни малейшего понятия, что теперь мне делать.

Глава 8. Размышления о насущном

Что означает пятьдесят лет для жителей Арлиона?

Не сушая мелочь, конечно, но и не так уж много по сравнению с той же Землей. Здесь средняя продолжительность жизни более пятиста лет, так что пятьдесят лет... Да, ощутимы, но не смертельно. Для других. Для меня же...

Пятьдесят лет.

С того дня прошло пятьдесят лет. И глупо было бы думать, что с тех пор ничего не изменилось.

Я не знаю, что мне делать. Как дальше жить. Совсем недавно мне казалось, что более простого решения этой проблемы и быть не может. Стоит лишь найти способ добраться до сестры или до парней — и вуаля, все разрешится само собой.

Теперь же, стоило мне узнать о том, сколько времени прошло с того дня...

Я трусиха, на самом деле. Я не боюсь того, чего обычно бояться люди. Не боюсь мышей или крыс, не боюсь змей или тараканов, но боюсь даже жутких чудовищ, которые обитают в этом мире. Я не боюсь даже смерти — уж кому-кому, а мне-то ее бояться как-то странно. Встречалась я уже с ней.

И все же я трусиха, потому что я не смогу.

Не смогу теперь просто взять и явиться на глаза парням. Не после стольких лет.

Я... видимо, я боюсь одиночества. Точнее боюсь понять, что стала никому не нужной.

Боже, прошло пятьдесят лет! Никто не горюет столько времени. Раны со временем имеют свойство заживать. Да, остаются рубцы, своеобразное напоминание на всю оставшуюся жизнь, но любая боль постепенно... нет, не проходит, но уходит на задний план.

Я боюсь этого. Боюсь прийти и узнать, что я уже никому не нужна. Что воспоминания обо мне остались в прошлом, что парни и сестра уже давно живут своей жизнью. Жизнью, в которой для меня просто нет места.

Я боюсь этой неловкости, что возникнет между нами. Это для меня с тех пор прошло несколько дней. Для них же... Пятьдесят лет. Глупо думать, что они остались прежними. Глупо...

Мне нестерпимо хочется увидеть их. Обнять. Сказать, что жива. Но стоит ли? У них совершенно другая жизнь. Есть ли мне место в этой жизни?

Нет, я не желаю знать ответа на этот вопрос. Потому что я боюсь, что мне не понравится ответ на него.

Это больно.

То чего же больно осознавать, что я безнадежно упустила свое время. В этом нет моей вины, и все же я отчего-то чувствую себя виноватой.

Возможно, это потому, что я приняла решение, не спросив остальных?

Ведь я же не знаю, как бы отреагировали на мое появление парни и сестра. Не обязательно ведь, что они так сильно изменились. Возможно... ведь возможно, что они были бы счастливы узнать, что я жива?

Возможно.

Но я не уверена, что хочу это знать.

Это трусливое решение, я знаю. Это очень эгоистично с моей стороны — в одиночку

принять такое решение. И все же...

Все же я решила.

Лишь счастливая случайность даровала мне второй шанс на жизнь. И я не хочу потерять этот шанс.

Пусть для этого мне и придется оставить свою прошлую жизнь в прошлом.

Принять это решение было непросто.

Но еще сложнее было следовать принятому решению.

Каждая моя мысль в итоге скатывалась к размышлению о том, что было бы, если бы я...

То, что я решила оставить в прошлом свою жизнь, не убило во мне мечты и надежду на встречу с теми, кто занял место в моем сердце.

Весь мой день прошел в размышлениях о том, что, возможно, стоит попробовать, попытаться, посмотреть и уже потом принимать окончательное решение... И я дала себе слово, что подумаю. Подумаю и придумаю способ проверить, помнят ли еще обо мне. И уже тогда решу, стоит ли что-то предпринимать или нужно все-таки оставить прошлое в прошлом.

На следующее утро я готова была смеяться от своей глупости и некой наивности.

Решила проверить, молодец, конечно! Вот только стоит сначала убедиться, что за эти пятьдесят лет ничего не случилось ни с сестрой, ни с парнями. Отчего-то я даже не подумала о том, что с ними могло что-то произойти. Конечно, даже думать о таком было страшно, но жизнь весьма непредсказуема и никогда не знаешь, когда ты встретишь свой конец. В этом я уже успела убедиться на своем опыте.

Приняв решение узнать о жизни парней и сестры за последние пятьдесят лет, я сразу же столкнулась с некой проблемой.

Я совершенно не представляла, как именно узнать о том, что меня интересует. И при этом еще следовало суметь как-то не привлечь к себе внимание. А с такими вопросами это будет непросто.

Узнать информацию о своей сестре было проще всего. Все же Иллиана Императрица. Или была ей, хотя об этом варианте думать не хотелось.

А вот о узнать что-то о парнях... не думаю, что будет просто. Особенно о Дарриане — ведь он, в отличие от Кира и Лео не обладал титулом и вообще работал в Теневом ведомстве.

А я еще хотела напрямую искать с ними встречи. Какая глупость и наивность! Да меня быстро спеленают и тихонько пришибут, и даже разбираться не станут, кто я такая — все же некоторая информация, которой я обладаю, несмотря на то, что прошло пятьдесят лет, до сих пор оставалась для очень узкого круга лиц.

Кстати, по поводу «пришибут»... Я ведь так и не знаю, кто замешан в моей смерти. Возможно, конечно, что мое убийство было тщательно расследовано и моего похитителя, заказчика моего похищения и убийцу все же нашли, но... Что-то подсказывало мне, что тот, кто виновен в моей смерти, все еще находится на свободе. Я не знала, откуда у меня возникло это чувство, но я была практически уверена в том, что моего настоящего убийцу так и не нашли.

А значит... значит, мне стоит быть вдвойне осторожной. И вариант с моим открытым

появлением отпадает — думаю, меня убьют раньше, чем информация о том, что я жива, дойдет до нужных людей.

Я знаю, что пообещала себе, что проверю, помнят ли обо мне. И исходя из полученной информации, решу, стоит ли говорить кому-то о том, что я жива. Знаю. Но с проверкой придется немного повременить.

Сначала мне следует вновь познакомиться с этим миром и узнать, какие изменения произошли за последние пятьдесят лет.

Опять же, здесь тоже таится проблема.

Конечно, кое-какие деньги у меня есть, к тому же, кажется, в пространственном кармане завалялось пара украшений, которые можно будет продать, но надолго ли мне хватит этих денег? И что делать потом, когда деньги закончатся? Идти работать? Но кем? Большая часть моих знаний довольно специфична, да и не шпион я — скрываться и притворяться у меня не очень хорошо получается, так что рано или поздно любой поймет, что я не из простых. Начнутся вопросы, а именно этого я и хотела избежать. Да и во многих случаях при приеме на работу могут попросить хоть какой-нибудь документ или заверительное письмо, что подтверждало бы часть моих знаний. А этого у меня нет.

А еще я совсем забыла про свою внешность.

Ведь я — полная копия принцессы Ярины и с этим определенно нужно что-то делать. Потому что стоит кому-то из тех, кто был со мной знаком увидеть меня... Мне повезло, что по дороге в трактир я старалась прятать свое лицо в капюшоне. Прятала я, конечно, свое шокированное выражение лица, совершенно не думая о том, как отреагирует народ на лицо умершей принцессы.

Так что мне повезло. Да и в трактире, где царил некий полусумрак, было довольно непросто разглядеть лицо.

Ну и, конечно, меня, вероятнее всего, спасло то, что если кто и увидел мое лицо, то у этого человека вряд ли бы возникла ассоциация с лицом принцессы, умершей полвека назад. Тут лица знакомых через несколько лет начинают тускнеть в памяти, что уж говорить о моем лице?

Но это, конечно, не будет касаться тех людей, кто знал меня достаточно хорошо. Так что придется прятать свое лицо. Помниться, что-то из этой области я изучала на уроках артефакторики. Да, припоминаю. Думаю, даже смогу повторить — все же в этой области магии я была довольно сильна. Единственная проблема заключается в том, что практически любой артефакт можно отобрать, и прощай моя маскировка. Конечно, можно было бы скрыть артефакт, да вот только от него все равно будет немного фонить. Для многих незаметно, но если меня начнут тщательно обследовать, то обнаружат.

Есть, правда, два варианта, при которых засечь изменения в моей внешности практически нереально. И оба варианта мне совсем не нравятся.

Можно было бы вживить в себя артефакт. Очень болезненно, но весьма эффективно. Вряд ли кто-то обнаружит — потому что при этом варианте нужно знать, где искать. А о том, что артефакты можно вживлять, знает очень узкий круг лиц — эту часть артефакторики стараются преподавать только императорской семье, самым приближенным и тем, кто дает клятву о неразглашении. В общем, вариант хорош, вот только, как я уже сказала, очень уж он болезненный. Да и вероятность успеха не так и высока — тело, при малейшей ошибке, может просто отторгнуть артефакт. Да и сам артефакт должен изготавливаться из особого материала. И это я не говорю про размер... В общем, это должна быть филигранная работа.

И с этим могу возникнуть трудности.

Другой же вариант нравится мне еще меньше. А кому вообще может понравиться идея сделать артефакт из части собственной плоти? Плюс, конечно, огромный — такой артефакт никто обнаружить не сможет. Да и сделать проще простого. А вот минусов гораздо больше — здесь и то, что это довольно болезненно, и то, что весьма опасно, ибо нельзя повреждать или подвергать сильному изменению ту часть тела, которой становится артефакт, и, самое главное — от такого артефакта можно избавиться лишь путем отсечения. Как вам мысль, что чтобы избавиться от артефакта, вам придется отрезать палец? А ведь я вовсе не уверена в том. Что хочу изменить свою внешность навсегда. Так что этот вариант не подходит.

Что ж, значит, будем вживлять артефакт в тело. Значит, практически все деньги, что у меня есть, придется потратить на заготовку к будущему артефакту. Что, в свою очередь означает, что денег у меня практически не остается и мне срочно нужно решать, что делать и куда податься.

Значит, нужно как можно незаметнее расспросить о том, что сейчас творится в мире.

Есть у меня одна идея...

Глава 9. Новости и судьбоносное решение

Да, мне следовало срочно добыть информацию. Хотя бы минимум, чтобы разбираться в том, что сейчас происходит в мире. Ту информацию, которой в принципе обладает каждый человек. И даже ходить далеко не нужно — кто, если не хозяин трактира обладает ворохом необходимых мне сведений? Здесь и делать-то особо ничего не придется — сиди и слушай.

Но для начала... Для начала следовало немного подправить внешность. Да, сейчас невозможно было использовать артефакт, чтобы изменить себя. Да и не нужно пока — для трактира хватит и обычного артефакта, сделанного на скорую руку. Но это так — на первое время, пока я не найду возможность приобрести то, что необходимо для создания качественного артефакта.

Возможно, со стороны это выглядит странно и может показаться непонятным мое решение по поводу смены внешности. Можно ведь было пойти и более простым способом — поменять прическу, немного загримироваться — и вуаля — вряд ли кто-то бы меня узнал. Да и вообще можно было бы не появляться в столице, а осесть где-нибудь в тихом городке и спокойно жить.

Да вот только ничего не выйдет.

Во-первых, я уже решила, что все же найду способ взглянуться на сестру и парней. Хотя бы один раз, но я хочу увидеть их. Пусть, возможно, и для того, чтобы попрощаться.

Во-вторых, спрятаться в тихом городке у меня не выйдет. Не тот склад характера. Конечно, не факт что меня как-то вычислят, но то, что сочтут странной и подозрительной — это точно. Да и не смогу я спокойно жить. Только не после того, как оказалась в мире из моих снов-воспоминаний.

Прическа и грим... Это было бы неплохим вариантом... находишь я на Земле. Потому что там я хотя бы знала, где возможно все это приобрести. Здесь же понадобится какое-то время. Да и наносить грим каждое утро — не воодушевляет. К тому же это весьма ненадежно — стоит мне лишь попасть под дождь и все, тут же возникнут вопросы. Так что как способ скрыться на несколько часов — вариант неплох. Для длительного же использования он совершенно не подходит. Да и не умею я особо гримироваться.

А еще мне, как бы это нелепо и наивно не звучало, не хотелось кардинально меняться. Хотелось остаться собой. И пусть другие будут видеть меня другой, пусть и в зеркале будет отражаться другой человек, но я-то буду знать, что за иллюзией скрывается моя настоящая внешность. И я могу вернуть ее, пусть и весьма болезненным способом.

Да, это тоже не самый надежный вариант, но вряд ли кто-то станет специально искать артефакт, вшитый в мое тело. А значит, шанс его обнаружить минимален.

Но это все позже, а сейчас...

Руки как-то привычно начали выполнять пассы, словно я только вчера изучила как создавать простенький амулет, в котором содержится иллюзия. Надолго этого, конечно, не хватит — всего пара часов, но и этого мне должно хватить, чтобы успеть распрощаться с трактирщиком.

Конечно, мои вопросы могут показаться странными, но есть у меня одна идея, как если не развеять подозрения, то значительно их уменьшить.

Да, средняя продолжительность жизни у жителей Арлиона составляет пятьсот лет. Но

некоторые живут гораздо дольше, особенно маги. Я лично была знакома с одним магом, что праздновал свой тысячный день рождения. Но речь не об этом.

В долгожительстве есть свои недостатки. И одним из недостатков является усталость. Усталость от мира, от суеты, от людей. Поэтому иногда, устав от такой жизни, некоторые люди на время оставляют все мирское и становятся отшельниками. Кому-то хватает и пары лет, чтобы отдохнуть, а кто-то остается отшельником на протяжении нескольких десятков лет.

Случалось и так, что отшельники, чтобы скрасить свое одиночество, брали себе ученика. Да, такое случалось довольно редко, но все же случаи были.

И именно ученицей такого отшельника я и хотела притвориться. Отсюда стал бы и понятен мой интерес к произошедшим событиям — отшельники чаще всего жили вдали от людей и то, что я не знала о жизни за последние десятилетия, не было удивительным. Да и вопросов ко мне было бы немного — имена отшельники оставляли в прошлом, поэтому узнать, у кого именно я проходила обучения, довольно сложно. Здесь даже прекрасно вписывалось в то, что я, не знающая о событиях настоящего, неплохо разбираюсь в тех событиях, что происходили пятьдесят лет назад.

Так что можно было уверено говорить о том, что мое обучение у отшельника закончилось и теперь я... ну, например, решила продолжить обучение и поступить в какую-нибудь Академию. Я бы и правда не отказалась поучиться, да вот только кто меня возьмет учиться без документов? Да и чаще всего при поступлении необходимо было ответить на несколько вопросов, которые проверялись на своеобразном детекторе лжи. Соврать не выйдет.

Кстати, по поводу Академии... О какой Академии отверженных говорил тот паренек? В мое время ничего подобного не было даже в планах. Значит, она была построена совсем недавно. Да и название странное. Нужно будет расспросить у трактирщика еще и об этом.

Что ж, это было легче, чем я думала.

И одновременно с этим тяжелее.

Разговорить трактирщика было несложно. Клиентов было всего пару человек, и им было явно не до разговоров. Так что мужчина откровенно скучал и, кажется, был не прочь с кем-нибудь поболтать. Тем более и собеседник ему попался внимательно слушающий.

Ну еще бы — слушать действительно приходилось внимательно, стараясь не упустить ни одной детали. К тому же приходилось постоянно анализировать, ибо многое из сказанного приходилось делить на два или вовсе отбрасывать как нелепость — до того были неправдоподобными некоторые новости и слухи.

Было непросто. И не потому, что событий за пятьдесят лет произошло достаточно много. Было непросто оттого, что за этими безликими словами, за новостями и слухами скрывались люди, которых я хорошо знаю.

Сложно оставаться равнодушной, когда узнаешь, что у твоей сестры дети, которые старше тебя. А ее младшая дочь, принцесса Ириса, одного возраста со мной. Сложно безразлично принять ту новость, что и Кир, и Лео были женаты. Правда, оба уже развелись, но у них обоих подрастают наследники. О Дарриане же вообще ничего не было известно. Я

искренне надеялась, что это потому, что он по-прежнему работает на Теневое ведомство. Не хотелось думать, что он...

Именно сейчас, слушая новости о том, как сложилась жизнь у сестры и мальчиков, я отчетливо осознала, что прошлое не вернуть. Не было обиды — какая обида? Разве могу я винить кого-то в том, что они продолжили жить без меня? Нет. Я была даже рада, что они нашли в себе силы жить дальше. Просто было так горько, так тоскливо и больно осознавать, что я теперь уже не та Ярина. Что они тоже уже не те люди, которых я знала раньше.

Я умерла для них. Умерла уже давно. Думаю, они смогли с этим справиться, смогли пережить это горе. Разве имею я право вновь появляться в их жизни? Да, я не виновата в своей смерти, но все же почему-то чувствую вину за то, что оставила их.

Они пережили мою смерть однажды. И мое возвращение вероятнее всего причинит им боль. А это неправильно. Так не должно быть. Они уже отпустили меня.

И, наверное, будет правильно, если я тоже отпущу их.

Да.

Это будет правильно.

И все-таки как же больно...

Наверное, именно поэтому о своей смерти я слушала даже с некоторым безразличием. Как я и предполагала, моего убийцу так и не нашли. И вот уже на протяжении пятидесяти лет мое убийство остается одной из самых загадочных смертей. Кому только мое убийство не приписывали! Но никто так и не смог понять, каким образом я оказалась за пределами города. Почему я отправилась туда? И кто же все-таки решил на меня напасть?

Я бы могла пролить свет на часть этой загадки. Могла бы рассказать о том, что была убита совсем не там, где меня нашли. Но стоило ли? Думаю, нет. Раз за все эти годы никто так и не раскрыл эту тайну, то значит... значит, есть кто-то, кто тщательно оберегает эту загадку от остальных. И мне не следует в это лезть, если я не хочу вновь лишиться своей жизни.

Самой полезной и, я бы даже сказала, судьбоносной новостью для меня стала история об Академии Яриан.

Академия отверженных.

Она была создана относительно недавно, каких-то сорок лет назад и выпускала многопрофильных специалистов... которых чаще всего сразу принимало к себе Теневое ведомство. В общем, обучали там и магии, и военному делу и многому тому, чему не обучали в обычных Академиях. В этой Академии готовили элитных воинов. И готовили их из отверженных обществом людей. Из тех, кто отличался от остальных, из тех, кто никому не был нужен.

Конечно, откровенных подонков и отбросов, которым место в тюрьме, не принимали. При поступлении каждый студент отвечал на несколько вопросов, где были в том числе вопросы о том, совершал ли поступающий какие-то преступления. Каждое дело рассматривалось отдельно и, тем, кто оступился и искренне хотел исправиться, давали шанс.

В Академию мог поступить кто угодно. Им не важен был ни пол, ни происхождение. И все равно, даже несмотря на то, что это был огромный шанс для тех, кто хотел начать новую жизнь, в Академию шли немногие. Кого-то пугала тяжесть обучения, кто-то не хотел оставлять прошлую жизнь, кто-то боялся того, что твориться в Академии. Да, про эту Академию ходили разные слухи, и далеко не все они были в позитивном ключе.

Но больше всего меня зацепило то, что эта Академия готова была принять человека без

прошлого и без имени. Конечно, кое-какие вопросы они задавали, но им не важно было кто ты и кем ты был в прошлом. Они требовали лишь серьезного отношения к учебе. Больше ничего.

Учебы я никогда не боялась.

А то, что я могу поступить в Академию, где не спрашивали бы моего имени... Это был мой шанс на новую жизнь. Да, было страшно решиться поступать в Академию со столь сомнительной репутацией. Но свой шанс я упускать не собиралась.

Поэтому...

Поэтому я решила, что первый мой путь в новой жизни без прошлого лежит в Академию Яриан.

В Академию отверженных.

Глава 10. Перед поступлением

— ...возможно, этот день станет решающим для вас. Поступив в нашу Академию, вы точно измените свою жизнь. Будет непросто — в нашей Академии не терпят ленивых, не желающих учиться людей. Также отдельно хочется обратить внимание на дисциплину в нашей Академии — здесь все очень строго. Никаких драк. Хотите выяснить отношения — добро пожаловать на спарринги. Вы должны понимать, что, переступив порог Академии, вы оставляете прошлое. Взамен вы получаете шанс на будущее и семью в виде братьев и сестер, что будут обучаться вместе с вами...

Уже довольно продолжительное время суровый мужчина, встретивший нас у входа в Академию, рассказывал нам о порядках, что здесь царят.

Мне крупно повезло — я оказалась в этом мире как раз в то время, когда во всех Академиях был объявлен набор новых студентов. Академия Яриан располагалась в столице. А от столицы до Эйнарда, где я и находилась, было всего несколько часов пути на лошади.

Лошадь я покупать не хотела — не видела смысла ее покупать лишь для того, чтобы добраться до столицы. Тем более можно было поступить проще — договориться с проезжающими караванами, в котором всегда можно было отыскать место. Так и получилось — уже через несколько дней после того, как я приняла решение поступать в Академию, я подъезжала к столице.

Почему не отправилась в первый же день?

Причина была проста — мне необходимо было создать артефакт с иллюзией и вживить его в свое тело. А для этого сначала требовалось найти особый материал, который в будущем станет основой артефакта.

Проще всего было отыскать серебряную жемчужину, которая идеально подошла бы для артефакта. Она маленького размера — чуть больше спичечной головки, и, что немаловажно, она не была настолько редкой, как другие варианты. Да и она была единственной из возможных вариантов, что я могла себе позволить приобрести. Был лишь один у нее минус — она довольно тяжело воспринимала накладываемую на нее магию, а значит, изменения в моей внешности будут не столь кардинальными, как мне бы хотелось.

Впрочем, много мне и не нужно было — немного изменить овал лица, скулы, нос, возможно разрез и цвет глаз. Этого вполне должно было хватить. Прическа моя все равно отличалась от той, что была у меня в прошлом. Тогда шелковым водопадом они спускались ниже спины. И были они, вероятнее всего из-за их тяжести, прямыми. Сейчас же мои волосы едва ли достигали плеч, к тому же они вились кольцами. Так что с этим не должно было возникнуть проблем.

Изменять остальное тело я не видела смысла. К тому же знающий человек сразу бы увидел некоторую странность — все же от строения тела многое зависит — начиная от походки, заканчивая вообще каким-либо движением. Не хотелось рисковать и попасться на такой мелочи.

А вот что бы я точно попробовала изменить, так это голос. Но, увы, тут даже магия иллюзий не поможет — совершенно другой уровень. Возможно, смог бы целитель. Или же маг, который очень тонко работает с воздухом. Впрочем, буду надеяться, что мой голос не узнают. Или спишут все на совпадение. Да и несмотря на то, что голос одинаковый,

говорила я теперь совершенно по-другому — тихо и спокойно, отчего иногда мой голос звучал несколько низко. Уж явно не тот звонкий голосок, которым я разговаривала в прошлой жизни.

В общем, удача в эти дни сопутствовала мне. Удалось отыскать серебряную жемчужину и даже приобрести ее за относительно недорогую цену. Я смогла создать, пусть и не с первой попытки, артефакт, который изменил бы мою внешность. Было непросто — нужно было все точно рассчитать. Например, все изменения, произошедшие на моем лице, должны были тут же отобразиться на иллюзии.

О том, как я вживляла артефакт в свое тело, лучше вообще умолчать. Было безумно больно. Пришлось самой резать себя, затем скользкими от крови руками вталкивать артефакт, а после этого поливать рану зельем для быстрого заживления ран. В общем, это воспоминание можно смело отнести в одно из самых худших. Оно, наверное, уступает лишь воспоминанию о том, как меня убили.

После этого пару дней я просто проваливалась в кровати, восстанавливаясь — вся эта морочка с артефактом отняла у меня много сил.

А потом, собравшись, я отправилась искать главного в караване, который любезно бы согласился выделить мне место до самой столицы.

И вот теперь я здесь — стою в Академии Яриан среди таких же возможных будущих студентов и слушаю затянувшуюся речь.

Нас здесь совсем немного — человек десять, не больше. Это не удивительно — набор в Академию идет уже не первый день и все те, кто стремился сюда, видимо, уже прошли все это.

— ...и все, что вам нужно сделать, чтобы поступить в Академию, это пройти три испытания. Первое испытание — анкетирование. Мы не требуем вас рассказывать нам все о вашем прошлом. Вам лишь требуется ответить на несколько простых вопросов: ваш возраст, способности и умения, совершали ли вы преступные действия, не являетесь ли вы иностранным шпионом и тому подобное. Лгать не советую — листы зачарованы и, при лживом ответе они тут же отреагируют. И вы тот час лишаетесь возможности поступления к нам. Как минимум в этом году.

Вторым испытанием станет тестирование. Пусть мы и не просим у вас определенных знаний, но все же какой-то минимум должен быть. Хотя бы умение писать и читать. Третьим испытанием станет проверка ваших физических сил. Это будет очень просто. На моей памяти еще ни один поступающий не провалил данное испытание. На этом все. А теперь проследуйте за ребятами, что стоят в том углу и ждут вас — они подскажут вам, где будет проходить первое испытание.

Профессор, окинув нас насмешливым взглядом, взмахнул рукой и исчез. Осмотревшись, я недовольно подняла глаза вверх и тихо вздохнула. Вот, спрашивается, не поспешила ли я? Можно ведь было бы взять еще время на размышления, и более тщательно продумать...

Нет. В моей ситуации это было самое правильное решение. Куда еще я могла пойти без имени? Есть варианты, но все они очень далеки от идеальных.

Резко передернув плечами, прикрыла глаза, стараясь унять невольную дрожь. Вроде бы и бояться нечего — сказали же, что нас о прошлом не должны спрашивать, и все же... Все же страшно оттого, что кто-то может узнать, понять, заподозрить...

Да уж, только с таким настроением и нужно идти на первое испытание, да?

— Итак, все здесь? Сейчас вы подходите к одному из сопровождающих и он вас

проводит на первое испытание. После этого — перерыв в пятнадцать минут. За это время разбираются все неоднозначные моменты в вашей анкете, если такие будут иметься. Далее, если вы прошли это испытание, вас проведут на второе. Там вам объяснят, что нужно делать дальше. Все поняли? Прекрасно, тогда начнем.

Тряхнув головой, решительно направилась в сторону парня, что казался самым спокойным, попутно рассматривая его. Он не был красив в привычном понимании, нет. Жилист, с растрепанными черными волосами, со шрамом на правой щеке. Ах, да, и еще небольшая серьга в ухе, указывающая на один бесспорный факт, отпугивающий всех не хуже нежити — передо мной был темный маг.

Темные маги были редкостью. Я знала лишь одного — Дарриана.

— Добрый день, — произнесла я, внимательно осматривая парня. Мог ли он быть родственником Дара? Его сыном? Ведь такой дар чаще всего все же передавался из поколения в поколение.

Но на Дара этот парень был совсем не похож.

Несмотря оторвавшись от, несомненно, забавной картины распределения сопровождающих, парень посмотрел на меня и приподнял брови. Еще бы, ведь перед ним стоит не его будущий собрат, не воин, как какая-то мелкая, обычная, ну совершенно ничем не примечательная человечка в легком летнем платье и с растрепанной простой прической.

Что поделать — это была единственная вещь в лавке, которая подходила мне по размерам. Я, конечно, была бы рада, если бы смогла отыскать какой-нибудь мужской костюм — но увы, не повезло. Можно было, конечно, поискать в других лавках, но я, по правде говоря, несколько торопилась.

Пауза затягивалась.

Наконец-то парень отмер, и, последний раз бросив взгляд на меня, тихо произнес:

— Приветствую. Уверена, что ты хочешь поступить именно сюда? Не передумаешь.

— Да, уверена. И нет, не передумаю.

— Что ж, хорошо. Я — Вейросс. Следуй за мной.

Глава 11. Первое испытание и интересное знакомство

Ловить на себе насмешливо-недоуменные взгляды было несколько странно и немного неприятно. Видимо, мой внешний вид настолько отличался от того, что здесь принято видеть, что это многих озадачивало и, кажется, вызывало у некоторых дикое желание позубоскалить.

Ну ничего — скоро они убедятся, что сюда я пришла намерено, а не забрела по ошибке.

А чтобы успокоиться окончательно, я просто представила, какие взгляды на меня бы бросали, если бы узнали, кто я есть на самом деле. Да уж, они бы изрядно удивились.

Впрочем, главным было то, что я знала, куда шла, и то, что я была уверена в своем решении. Что до остальных... меня это, как минимум, не должно волновать и как-то заботить. Я сюда пришла не общение искать. Конечно, становиться одиночкой и изгоем я не планировала, но и дружить со всеми сразу... Не настолько я наивна, чтобы в это верить. Да и чем меньше будет вокруг меня посторонних лиц, тем больше шансов, что мои тайны останутся лишь моими тайнами.

— Проходите, присаживайтесь, — возле кабинета, куда проводил меня Вейросс, уже стоял добродушного вида мужчина, который суетливо пытался проводить каждого пришедшего на свое место, при этом произнеся пару приободряющих слов, — ничего не бойтесь, это стандартная процедура. И даже если что-то не так, не переживайте, комиссия рассмотрит ваше дело отдельно и обязательно даст вам высказаться. Вы же знаете, наша Академия многим дает второй шанс на нормальную, обеспеченную, честную и интересную жизнь. Сейчас я вам раздам анкеты, которые вам необходимо будет заполнить. Врать не советую — мы все же не самая захудалая Академия и наложить парочку заклинаний на бумагу можем. Поэтому ложь бумага распознает сразу. Кстати, в Анкете требуется указать имя. Это единственный вопрос, который не требует указать правдивого ответа, то есть вам не обязательно указывать то имя, что было дано вам от рождения. Нужно лишь написать то имя, на которое вы откликаетесь. Другое дело, что использовать чужое имя действительно существующего человека не следует. Правда выяснится в любом случае, и вы будете наказаны по всей строгости, потому что использовать чужое имя существующего человека — это преступление. По поводу остальных вопросов я уже пояснил. Если уж вы так сильно не хотите отвечать на какие-то вопросы, то можете не отвечать, но, предупрежу сразу, это тут же вызовет вопросы комиссии и она все равно потребует у вас пояснений и ответа. Впрочем, решать вам. На написание ответов вам дается полчаса. Этого более, чем достаточно, потому что в анкете всего десять вопросов. Всем все ясно? Вопросы? Что ж, если нет вопросов, тогда приступим.

Нам тут же раздали бумагу, на которой действительно было указано десять вопросов.

Графа «Имя» стояла первой в анкете.

Именно с именем, как я думала до этого, могли возникнуть трудности. Но, раз сказали, что правдивость написанного проверять не будут, то проблем не должно было возникнуть.

К тому же не сильно я и врала, просто записала не полное имя, а сокращенное.

А что?

Яра... Вполне звучит. И, что самое важное, тесно переплетается с моей прошлой

жизнью — и когда я была принцессой, и когда я жила на Земле.

Возраст указать было легче, тут даже не пришлось лгать — на данный момент мне было 25 лет. Конечно, для этого мира, где совершеннолетие наступает в 25, а люди живут здесь несколько столетий, я казалась еще очень молодой. И все же мне уже можно было поступать в Академию.

И вот что удивительно — стоило мне вписать свой ответ в строчку с указанием возраста, как она тут же засветилась ровным, но практически незаметным золотым цветом. А стоило прикоснуться к бумаге, как подушечки пальцев тут же едва ощутимо закололо.

Прекрасная работа — это я, как маг, специализирующийся на артефактах и амулетах, не могла не отметить. Так качественно зачаровать бумагу...

На следующие вопросы я ответила намного быстрее — тут я, если и о чем-то умолчала, то о чем-то довольно незначительном. Да и врать не пришлось. Увиливать — да, но не врать.

Преступлений против императорской семьи и страны я не замышляла. Иностраннным агентом не являлась. Да и вообще никаких преступлений не совершала.

Небольшие проблемы возникли с указанием способностей. Но, подумав, я пришла к выводу, что могу лишь указать свои способности артефактора, и то, я ведь даже не знаю, многое ли изменилось за последние пятьдесят лет.

Больше всего проблем возникло с указанием того, был ли у меня наставник или нет, и, если он был, мне необходимо было указать его имя и прочие данные. В итоге я написала лишь о том, что мой наставник был отшельником. В любом случае я прекрасно осознавала, что меня, вероятнее всего, вызовут побеседовать. Не удивительно, ведь я совсем не казалась той, кому нужно обучение в Академии отверженных. Юная невинная девица, только что справившая совершеннолетие, неплохо разбирающаяся в артефакторике, рвется в Академию с суровыми порядками для тех, кому уже нечего терять. Да это же курам на смех.

Думаю, меня попытаются отговорить. Но пока я не была уверена, когда именно они попытаются это сделать — сразу сейчас, после анкетирования, или же немного позже, когда проверят мои знания и физические данные?

В любом случае сейчас я ничего не могла сделать. Так что придется ждать первого шага от руководства Академии. И уже тогда я приложу все силы, чтобы убедить комиссию в том, что я действительно нуждаюсь в этой Академии. Отступить я не намерена.

В общем, с анкетированием я справилась довольно быстро. Впрочем, я была далеко не первой. Некоторые ребята уже справились с заданием. Это не вызывало удивление — все же мне пришлось потратить время, чтобы обдумать, что именно писать в некоторых строчках. Думаю, что не у всех могли возникнуть подобные трудности.

Как только последний парень сдал свои бумаги, мужчина, что их собрал, тут же вышел из аудитории, попросив нас оставаться на своих местах. Он пояснил, что тестирование будет проходить тут же, так что выходить нам никуда не нужно. Еще он добавил, что если у комиссии возникнут вопросы к кому-то из присутствующих, его тут же позовут. А вот остальные пока могут собраться с мыслями перед тестированием.

Видимо, здесь не все были одиночками, и кто-то пришел поступать с другом. По крайней мере несколько парней тут же разделились по парам и завели непринужденную беседу.

Нас было всего тринадцать человек, и, помимо меня, здесь присутствовали еще две девушки. Обе, видимо, пришли поодиночке, потому что, осмотрев аудиторию и оценив ребят, обе девушки тут же начали активно строить глазки какому-то рыжему парню, что

сидел в отдалении ото всех и ни на кого не обращал внимания.

— Привет, — неожиданно раздался совсем мальчишеский голос рядом со мной, а через мгновение ко мне подсел молодой паренек и немного неловко улыбнулся, — я Ант. Могу я посидеть возле тебя?

— Привет, — немного неуверенно произнесла я, удивленная поведением парня, — Яра. Не пояснишь? — спросила я, намекая на его действия.

— Возле тебя спокойно, — устало прошептал он, прикрыв глаза и положив голову на руки, что лежали на парте, — остальные нервничают и возбуждены происходящем. Из всех ты самая спокойная. Ну и рыжий еще не сильно нервничает, — добавил он, приподняв голову и посмотрев на того парня, чье внимание активно привлекали девушки, — но к нему я подходить несколько опасаясь. Он словно окружен ледяным панцирем. И его холод... кусает.

Эмпант — сразу поняла я.

Ну да, нам же говорили, что многие артефакты в этой аудитории не будут действовать. Это мой артефакт, вживленный в мое тело, уже успел слиться с моей аурой и стал незаметен. У других же с артефактами, судя по всему, возникли проблемы — они попросту не работали. Вот и у паренька, видимо, артефакт, защищающий его от чужих эмоций, перестал действовать.

Эмпанты... Довольно редкая способность. Врожденная, но редко передающаяся через поколения. Разве что при сильном даре.

Насколько я могу судить, данная способность больше мешает жить, чем помогает в жизни. А кому хотелось бы постоянно ощущать эмоции находящихся рядом людей? Да и люди часто бывают и к менее одаренным людям жестоки. А уж сколько слухов про эмпантов ходят... И про то, что они умеют влиять на чужие эмоции, и про то, что они могут изменять чувства человека, и про то, что они даже умеют читать мысли.

И, если первое еще соответствует действительности и эмпант может немного, совсем чуть-чуть приглушать эмоции рядом стоящего человека, то остальное... Хотя не сложно понять, откуда такие слухи — зная об эмоциях человека, несложно догадаться, о чем он думает.

— Не боишься? — пробормотал светленький парень тихо, едва слышно.

— Не очень. Не думаю, что мне есть что-то скрывать, — ответила я парню. Конечно, секреты есть у всех и мой секрет заключается в моем прошлом. Да вот только не думаю, что в ближайшее время с со своим прошлым хоть как-то столкнусь.

— А как же чтение мыслей и прочая нелепица?

— Ну, ты же сам сказал, что нелепица. Не скажу, что достаточно разбираюсь в этой теме. Но даже моих знаний хватает, чтобы понять, что бояться — несколько глупо. Да и не думаю я, что ты тут же побежишь всем рассказывать о том, какие эмоции я испытываю. Это, во-первых, никому не интересно, а во-вторых, не думаю, что ты действительно хочешь, чтобы все знали о том, какими способностями ты обладаешь. А стоит тебе начать рассказывать, как все тут же если не поймут, что за талант у тебя, то уж точно заподозрят его наличие у тебя.

— Логично, — произнес парень и замолчал, отдыхая.

Я тоже не особо сейчас была настроенная на разговоры — за все время, что мы разговаривали, вызвали всего пятерых человек и трое из них не вернулись. К тому же пятнадцать минут отдыха подходили к концу, и теперь я отчего-то была уверена в том, что

сейчас меня никто вызывать не будет — видимо, меня решили сначала проверить, а уже потом на основе всего делать выводы и принимать решение.

Глава 12. Второе испытание и смутно знакомый голос

Еще когда я только размышляла о возможности поступления в Академию, я начала сомневаться в том, нужно ли мне показывать все свои знания? Или же стоит ограничиться?

Одна мудрость гласит, что если ты умеешь считать до десяти, остановись на семи. Это логично, и я бы не оказалась иметь в рукаве пару лишних козырей в виде знаний. Все бы ничего, но о каких именно моих знаниях стоит умолчать? И, скрывая то, что я знаю куда больше, чем показываю, не сделаю ли этим я только себе хуже?

Я не обольщалась — понимаю, что на практике гораздо сложнее скрыть то, что ты много знаешь, чем в теории. Это на какое-то короткое время я могу притвориться довольно посредственным магом. В перспективе на длительное время... это скорее всего обернется провалом.

Уж если не студенты, то уж преподаватели точно вскоре поймут, что я умнее, чем кажусь на первый взгляд. Это явно вызовет вопросы и подозрения, которые я хотела бы избежать.

Но и раскрывать все свои знания — тоже не вариант.

Дилемма.

Впрочем, если постараться, то какие-то определенные знания я смогу скрыть. Например все, что преподавалось только для членов императорской семьи. С этим, кстати говоря, проще всего — я едва ли не на интуитивном уровне понимаю, когда мои знания относятся именно к этой категории.

Думаю, стоит умолчать и обо всем том, что я знаю о темных магах. Такие знания точно не могут не вызвать вопросы. А сказать о том, что все это я узнала непосредственно у темного мага — это практически раскрыть себя. Такими знаниями не делятся с посторонними людьми. И темных магов на Арлионе очень, очень мало. Поэтому понадобится не так уж и много времени, чтобы сложить два и два. И если даже не поймут, кто я такая, то начнут разбираться, возможно найдут и приведут Дарриана... А я пока хотела избежать этого.

Не время.

Какие знания я еще могу утаить? Некоторые специфичные, наверное, тоже не следует показывать. И вообще, думаю, нужно сделать акцент именно на знаниях, которые дают артефактору. Тут даже некоторым специальным заклинаниям не удивятся — все же я собираюсь упорно настаивать на той версии, что меня воспитывал отшельник. Имени я не знаю, а если попросят показать место, где мы проживали с этим отшельником... это не принято. Но даже если будут настаивать, то что мне стоит указать любое место? Уж если я жила у отшельника, что разбирается в артефактах, то скрыться ему от чужих глаз ничего не стоит.

Был один довольно опасный момент в моей легенде — я совсем не выглядела как человек, который прожил большую часть жизни в лесу. Я, конечно, многое умела — все же жизнь на Земле подарила мне какие-то знания, в том числе и знания о том, как выжить какое-то время в лесу. Вот только лето, проведенное в деревне, и несколько походов с ночевкой в лес лишь только добавляют уверенности в том, что стоит мне оказаться в лемму

— и все сразу поймут, что история про жизнь с отшельником — ложь. Да и не выглядела я, как «ребенок леса». Взять то же поведение в людном месте...

Сказать, что я обучалась в отшельника всего пару лет? Да, видимо, это лучший вариант. Проблема будет лишь в том, что у меня могут спросить о том, как я жила до этого. Впрочем, не зря же я поступаю именно в эту Академию? Не думаю, что все так уж и будут вдаваться в подробности, ведь это противоречит едва ли не главному правилу Академии. Думаю, можно будет даже сделать вид, что моя семья была достаточно знатной — отсюда будут понятны мои знания об этикете. Я ведь не стану упоминать о своем полном имени, так что невозможно будет понять, из какого я рода. Закон я не нарушала, чужим именем не называлась. А так... какие только скелеты не скрываются в знатных семьях. Даже в императорской семье...

— Приступайте, — неожиданно произнес мужской голос, вырвав меня из раздумий. Минут пять назад мужчина зашел в аудиторию и, раздав запечатанные свертки с тестами и вопросами, быстро начал разъяснять происходящее.

Нам давалось два часа на то, чтобы решить тестовую часть и ответить на несколько вопросов. И, уже исходя из знаний, что мы покажем, будет решаться не только то, попадем ли мы в Академию, но и то, в какую именно группу нас распределят.

Новость о распределении по группам лично для меня стало новостью, хотя некоторые из ребят не показали удивление сказанным. Почему-то об этом моменте никто не упоминал, хотя об Академии и царящих здесь правилах и порядках я спрашивала не только у хозяина того трактира, но и у других людей. Нововведение? Не похоже. Так очевидно, что даже не стали рассказывать? Не думаю, что так. О таком бы точно сказали. Видимо, о таком подходе обучения просто не принято распространяться. Или здесь есть какой-то подвох. Впрочем, сейчас это не так и важно.

После того, как мы закончим с работой, у нас будет два часа свободного времени. Работы будут проверяться и некоторых, возможно, будут вызывать на беседу. А в это время всем остальным предлагают пройтись по Академии и рассмотреть возможное будущее место обучения. К тому же за каждым абитуриентом уже закреплен сопровождающий, который проследит за тем, чтобы его подопечный не заблудился и не зашел куда-нибудь не туда.

После этого нам и разрешили приступить к работе.

Вопросы оказались несложными, но некоторые из них были с подвохом, и, если не изучать некоторые предметы более углубленно, то можно легко ошибиться. Вообще, все вопросы делились примерно на три части — те, ответы на которые знают едва ли не все. Затем такие вопросы, на которые нужно немного подумать. И те вопросы, на которые без определенных знаний не ответишь.

Тест в итоге я закончила писать минут за пятнадцать до окончания. В аудитории, не считая меня, оставалось еще пятеро — одна из девушек, мой новый знакомый, рыжий и еще парочка незнакомых мне ребят, которых я толком и не рассмотрела.

Запечатав и сдав свою работу, я направилась на выход — мне действительно хотелось немного пройтись и осмотреться. Мои парни не раз, смеясь, говорили о том, что самая хорошая привычка, которая может спасти жизнь — это привычка разузнавать обстановку заранее, чтобы знать пути отступления. Думаю, они были правы и мне сейчас стоит последовать их совету.

— Яра, подожди! — вдруг меня окликнул юношеский голос.

Обернувшись, я увидела Анта, спешившего ко мне. Странно, но за ним почему-то

следовал его сопровождающий с совершенно непередаваемым выражением лица. Ах, ну да, кажется, он не особо ладит с моим сопровождающий — потому что когда я спросила, где я могу найти его, прежде чем мне ответить, меня одарили таки-и-им взглядом.

А вот Анту, кажется, было совершенно все равно на недовольство его сопровождающего. Я бы даже сказала, что он это недовольство и вовсе не заметил, если бы не понимала, что это не так. После времени, проведенного в аудитории, где не работали артефакты, им необходимо было какое-то время, чтобы вновь начать выполнять свою функцию. А значит, артефакт, защищающий эмпанта от чужих эмоций, пока не работал. И Ант все прекрасно «ощущал» не только недовольство, но и все остальные эмоции.

— Не против, если я пойду с тобой? — спросил юноша, умоляюще глядя мне в глаза.

— Да без проблем, — ответила я, кивнув ему.

— Извини, я не хотел навязываться, но боюсь, что вот это, — сказал он, показав на свой артефакт, висящий на шее, — еще какое-то время не будет работать. А с тобой я хотя бы немного отдыхаю от постороннего шума.

— Я правда не против, — сказала я, мягко улыбнувшись, — но знаешь, думаю, тебе стоит подыскать артефакт получше. Уверена, он лишь на половину скрывает тебя от... всего чужого.

— Но откуда ты...?

— Неплохо разбираюсь в артефакторике.

— Тогда почему ты здесь? Прости, но ты совсем не похожа на человека, который хочет обучаться тому, чему обучают здесь. Ты не похожа на воина.

— Первое впечатление бывает обманчивым, — пожал плечами, ответила я, — к тому же у каждого из поступающих в эту Академию есть свои причины прийти сюда. И я не исключение.

Ант не стал дальше расспрашивать, видимо, почувствовав, что сейчас я не хотела откровенничать. К тому же мне показалось, что я где-то недалеко услышала голос своего сопровождающего.

Я прибавила шаг, надеясь поскорее найти Вейросса и попросить его вывести меня на улицу — после душного помещения хотелось немного подышать свежим воздухом.

Но в следующее мгновение я резко остановилась, словно наткнувшись на невидимую преграду.

Я услышала голос.

Голос, который я уже когда-то слышала. Смутно знакомый, он почему-то заставил мое сердце сбиться с ритма.

Я уже слышала этот голос, но никак не могла вспомнить, где именно.

А еще у меня почему-то глаза наполнились слезами, в горле дико запершило, а в ушах словно забило набатом. Казалось, еще секунда, и я вспомню...

Но вдруг к моему плечу кто-то осторожно прикоснулся, и я словно очнулась.

— Ты в порядке? Что произошло? — спросил Ант. Выглядел он при этом не очень — мне показалось, парень сильно побледнел. Кажется, он невольно уловил все чувства, что я только что испытала. Стало неловко.

— Извини. Я... не знаю, что произошло, — ответила я.

Я бы могла соврать и сказать, что мне стало душно. Или что я просто переволновалась. Но это не было бы правдой, и Ант бы точно это понял. А врать этому парню не хотелось. Даже не потому, что он, как эмпант. Тонко чувствует, когда ему лгут, нет. Просто... просто

почему-то показалось неправильным ему солгать даже в такой мелочи.

— Думаю, нам всем не помешает глоток свежего воздуха. Пойдем.

Сделав несколько шагов и повернув за поворот, мы столкнулись с Войроссом, который, кажется, как раз направлялся к аудитории. Вот только в коридоре он был один, и никого с ним уже не было. Этот неизвестный с таким знакомым голосом уже ушел? Но кто это мог быть?

Глава 13. Занимательные разговоры

Свежий воздух мне не особо помог. Да, меня немного отпустило, но этот таинственный голос никак не давал мне покоя. Почему он вызвал во мне такую бурю эмоций? Отчего так встревожил?

Зато вот Анту, кажется, стало легче. Бледность прошла, да и дышать, кажется, он стал глубже — до этого казалось, что он дышит часто и неглубоко — словно таким образом удерживает боль.

На осторожные вопросы о том, с кем разговаривал Войросс, парень отвечал неохотно. Неудивительно, потому что даже я понимала, что мои расспросы выглядят несколько странно. Пришлось сказать полуправду — я что-то пролепетала о том, что голос показался знакомым, вот я и интересуюсь, не моего ли это знакомого занесло сюда.

Не знаю, поверил ли мне мой сопровождающий, но, после недолгого молчания, он сказал, что его собеседник — вряд ли мой знакомый. Ведь нет же у меня знакомых среди преподавателей этой Академии, верно?

Таких знакомых у меня не было. Лет пятьдесят назад. Сейчас же... Конечно, многое изменилось, но я с трудом представляю, как кто-то из моих знакомых вдруг решил заняться преподавательской деятельностью. Хотя, как я уже сказала, за эти годы многое изменилось, поэтому сразу отрицать такую возможность не следовало.

Вот уж не было печали...

Да, имени обладателя этого таинственного голоса я не выяснила, зато удалось узнать кое-что другое. Во-первых, Войросс сказал, что разговаривал он с наставником, что курирует его группу. И, пусть его наставник и не обучает только что поступивших студентов, одна встреча с ним у всех нас все же состоится — когда нам торжественно объявят, что мы зачислены в Академию. Поэтому я и не сильно расспрашивала Войросса — я абсолютно точно в силах сдержать свое любопытство на несколько дней.

Во-вторых, из его оговорки про наставничество и группу, я узнала кое-какую интересную информацию.

Оказывается, нас, исходя из наших знаний и умений, разделят на группы. Кого-то будут усиленно натаскивать на нападение, кого-то на защиту. Кого-то будут натаскивать, как командира, а из кого-то сделают аналитиком группы. В общем, каждого из нас будут готовить, как особенную боевую единицу, но при этом делая упор на том, в чем у нас проявляется талант.

На это уйдет целый год.

Вообще, стоит заметить, что обучение в Академии длится три года. Первый год направлен на индивидуальное обучение каждого студента. Так что распределение в группы лишь чисто символическое — для упрощения работы.

На втором году обучения, проанализировав наши успехи, руководство Академии сформирует из оставшихся несколько групп, и вот уже эта группа, в теории должна соответствовать образу идеальной боевой группы, где каждый из членов этой группы отвечает за свою часть работы.

Это, конечно, только в теории. На практике же, чтобы добиться хоть какой-то слаженной работы, уходит довольно много времени. И именно весь второй год обучения мы

будем работать над слаженностью.

Сначала я не могла понять, зачем нужно так много времени. А потом поняла — теоретически. Конечно, все это можно сделать быстрее, но, вероятнее всего, здесь вмешивается человеческий фактор.

Довольно сложно предугадать, как поведет себя тот или иной человек.

Кто-то, несмотря на «идеальную совместимость» просто не сможет слаженно работать в команде из-за каких-то внутренних конфликтов и разногласий. Именно поэтому дается целый год — с запасом, для того, чтобы, в случае чего заменить члена одной команды на другого.

Третий же год самый интересный.

Команды уже сформированы, работа кое-как налажена, и наступает время закрепить полученные навыки на практике. Во время второго года обучения за каждой из групп будут пристально наблюдать, чтобы на третьем году обучения подобрать самого подходящего наставника. Здесь ведь тоже есть отличия — там, где нужно давать проявлять некоторую инициативу одной группе, другой в это же время необходимо отдавать четкие указания без малейшего намека на самостоятельность.

Ну а затем, после окончания обучения, такие группы распределяются по разным местам. Кого-то отправляют работать на границу, кого-то тут же забирает к себе на службу Тайное ведомство или императорская семья, а кого-то распределяют в те города, где необходима помощь вот такой группы.

Передумала ли я поступать в Академию после такого?

Нет. Определенно нет.

Да, профессия воина никогда не вызывала во мне какого-то бурного восторга, но и неприятия я не чувствую. Мне все равно сейчас некуда деваться. А так... Так у меня есть хорошая возможность получить новые знания. Я стану сильнее — и уже никто не сможет застать меня врасплох и похитить, чтобы убить. Да и если есть реальный шанс попасть в Тайное ведомство — я сделаю все, чтобы туда попасть. Не то, чтобы я так сильно туда рвалась — просто это самый лучший вариант для того, чтобы выяснить о том, как сейчас живут сестра и парни. И о том, что же произошло тогда, пятьдесят лет назад.

Я хочу оставить прошлое в прошлом. И я сделаю это. Но только после того, как все тайны, что мучают меня, будут раскрыты. Я знаю — пока я не отыщу своего убийцу, пока не узнаю имя того, кто все это спланировал, прошлое я не смогу отпустить. В глубине души всегда будет жить страх — страх того, что убийца снова найдет меня и окончательно завершит то дело, произошедшее пятьдесят лет назад.

Но это все позже.

Ну а пока... почему меня до сих пор не вызвали на разговор?!

Нет, ну правда, я была уверена, что за эти два часа меня точно вызовут, хотя бы для того, чтобы спросить — уверена ли я в своем решении?

Даже Анта вызвали. Причем практически сразу после того, как мы вышли на улицу. Парень даже толком не успел прийти после того случайного удара, что я нанесла ему своими эмоциями. Впрочем, это даже хорошо, что он ушел подальше от меня на некоторое время — мне необходимо было остыть, успокоиться, и привести свои эмоции, чувства и мысли в порядок.

Так что через пятнадцать минут, когда Ант вернулся после разговора с комиссией, он вновь смог спокойно находиться возле меня, не боясь эмоционального выброса — я успела

все обдумать и успокоиться. И даже мое легкое волнение по поводу того, что меня до сих пор не вызвали на беседу, кажется, Анта совершенно не беспокоило.

Он непринужденно болтал о всякой ерунде, втягивая в разговор то своего сопровождающего, то моего. И, кажется, его даже не волновало то, что никто из нас троих на беседу настроен особо не был — сопровождающий Анта был явно недоволен компанией, Войросс вообще показался мне крайне немногословным человеком, а я — ну а я, конечно, беспокоилась по поводу беседы.

Думала, что меня решили оставить напоследок.

Но в итоге вызывали меня на разговор уже после того, как мы прошли третье испытание.

Хотя испытанием-то его было довольно трудно назвать. Нужно было лишь пробежать три небольших круга, а затем пройти наипростейшую полосу испытания, с которой не смог справиться только, пожалуй, пятилетний ребенок. И то, только потому, что ему бы не позволил это сделать его маленький рост. Так что я, как и многие другие, остались в недоумении от этого испытания — мы так и не поняли, для чего это было нужно. Неужели действительно смог бы найтись такой человек, который бы с этим справился? Или с этим испытанием не все так просто и есть какой-то подвох? Вот только в чем этот подвох может заключаться? Нет, вряд ли я смогу понять в ближайшее время...

И вот меня наконец-то привели к той двери, за которой сидела комиссия. Пусть у меня и не было особого повода переживать — я была практически уверена в том, что меня примут в Академию — я все равно волновалась. Мало ли, вдруг что-то могло пойти не так. И это волнение изрядно утомило меня.

Именно поэтому, узнав, что меня приглашают для беседы, мне не удалось удержать облегченного выдоха. И именно поэтому я едва ли не бежала к этой злосчастной двери. Мне уже дико хотелось поговорить — и спокойно выдохнуть.

Ожидание... утомляет.

— Добрый день, — произнесла я и почтительно склонила голову, высказывая уважение.

— Здравствуйте, присаживайтесь, — произнес сидящий в центре седовласый мужчина с неожиданно твердым и цепким взглядом, внимательно осматривая меня с головы до ног с непонятым интересом. Впрочем, осматривали меня все четверо, и у троих в глазах я заметила интерес. А вот четвертый мужчина, сидящий чуть отдельно от всех остальных, смотрел так же, как смотрели на меня сегодня все остальные — несколько недоуменно и насмешливо, даже с едва уловимым пренебрежением. И то, последнее я смогла уловить лишь благодаря тому, что меня когда-то специально учили считывать эмоции по лицам — довольно полезный навык для принцессы.

Впрочем, кажется, я отвлеклась.

— Итак, Яра... верно?

— Да, все верно.

— Итак, Яра, у нас к вам возникло несколько вопросов. Но для начала хотелось бы отметить, что вы неплохо справились с тестовыми заданиями, особенно нас порадовали ваши знания в области артефакторики, а в вашей анкете не было найдено ничего предосудительного. Поэтому у нас закономерно возник вопрос: действительно ли вы уверены в том, что вам необходимо обучение именно в нашей Академии?

— Да, — спокойно произношу я, останавливая взгляд на единственной женщине среди комиссии. Она, немного склонив голову на бок, с каким-то странным выражением лица

смотрела на меня. Прищурившись, она переводила взгляд с моих глаз на мои руки, затем на солнечное сплетение, где примерно находился источник моей магии, а затем обратно. Казалось, ее что-то смущало в моем виде, но что именно, она не могла понять. И я тоже.

— А вы немногословны.

— Предпочитаю слова действиям, — спокойно ответила я, и, немного подумав, добавила, — раз я пришла сюда, значит, я все для себя решила. Я хочу учиться именно здесь.

— Прелестно, прелестно, — благодушно произнес седовласый мужчина, — такая уверенность в своих решениях похвальна. Теперь я вижу, что вы не зря сюда пришли. Я даже не удивлюсь, если на третьем году обучения вашим наставником станет наш ректор. Он ценитель подобных талантов и ему доставляет удовольствие помогать одаренным ребятам становиться сильнее. А потом... Ох, и повоюет же он за вас со своими друзьями из Тайного ведомства, будьте уверены. Да уж, интересно будет взглянуть на это.

— Не думаю, что Тайное ведомство будет заинтересовано этой девушкой, — неожиданно произнес мужчина, сидящий в отдалении ото всех. Мне показалось, что ему чем-то не понравились слова седовласого мужчины.

— Будет, будет, — уверено произнес мужчина, — еще как заинтересуется. Вот увидишь — твой начальник сам придет за этой девушкой. А наше ректор...

— Я не думаю, что сейчас уместно...

— Мне кажется, вы немного отклонились от темы, — наконец-то произнес третий мужчина, молчавший до этого момента, — а между тем мы еще не задали все вопросы, что нас интересовали.

— Теперь, когда я вижу, что эта девушка серьезна в своих намерениях и стремлениях, думаю, свои вопросы я отложу на более позднее время. Вы же не откажитесь поболтать со старым человеком на разные отвлеченные темы?

— Буду рада, — ответила я, неуверенно улыбнувшись.

— Я бы тоже была не прочь поболтать с вами, Яра, — неожиданно произнесла женщина. Не знаю, что она смогла во мне рассмотреть, но, вдруг усмехнувшись, она улыбнулась мне и откинулась на спинку стула.

— Что ж, раз мои коллеги не против, то тогда и я...

— Стойте — стойте, — вдруг произнес тот самый недовольный мужчина, — с чего вдруг такое скоропостижное решение? Лично меня весьма интересует анкета девушки. А именно то, что она не указала своего полного имени, а также то, что ее запись об обучении у отшельника выглядит весьма...

Этот мужчина мне уже определенно не нравится. Нашел же, к чему придраться! Хорошо, что я когда-то, будучи принцессой, смогла получить пару уроков у отшельника и анкета, пусть и со скрипом, все же посчитала мой ответ про обучение правдивым. А вот если начнутся расспросы...

— Она не иностранный агент, не убийца и ничего не замышляет против императорской семьи. Она вообще не совершала никаких преступлений. Что вам еще нужно? Попрошу, не забывайте, в какой Академии мы сейчас находимся. Мы принимаем сюда многих, даже людей без прошлого — таково наше правило. И не вам с вашим Тайным ведомством его нарушать.

— Ваш ректор был не в себе, когда сорок лет назад решил создать эту Академию.

— Наш ректор дал многим ребятам второй шанс на жизнь. И не вам его судить. Или мне вам напомнить о том, сколько студентов из нашей Академии направляется прямиком к вас

на службу? И, когда вы забираете лучших, вас не особо интересует прошлое таких студентов. Так что давайте оставим эту тему. А если вам что-то не нравится — так говорите об этом не нам, а вашему непосредственному начальнику. Любому из них двоих — и уж пусть тогда они решают все проблемы и разногласия с нашим ректором.

— Решат, как же, — зло пробормотал мужчина. — всем известно, что они друзья еще с давних пор.

— А вот с этим бы я поспорил — многие знают, что уже довольно долгое время между ними нет былой дружбы. А все из-за баб...

— Кхм, не думаю, что это вообще уместно обсуждать, тем более сейчас, — холодно произнес седовласый мужчина, — так что думаю, на этом закончим. А вас, Яра, я поздравляю с зачислением в нашу Академию. Конечно, официально об этом вам объявят позднее, но решение уже принято сейчас. Буду рад вас видеть на своих занятиях. А теперь можете быть свободны.

— Благодарю, — пробормотала я, немного ошарашенная произошедшим.

Слишком быстро все произошло. Да и столько новой информации.

Выходила я из кабинета на негнущихся ногах.

А в голове был лишь один вопрос...

Что это сейчас вообще такое было?!

Глава 14. Встреча с "призраком из прошлого"

Я не могла вымолвить ни слова — горло перехватило от волнения, а гамма эмоций, обрушившаяся на меня при виде него, распирала настолько, что я, кажется, и вовсе позабыла все слова.

Я могла бы в это мгновение даже гордиться собой — я ничем не показала тех чувств, что в одно мгновение смели мое спокойствие. Даже тихий судорожный вздох, вырвавшийся из моего горла, остался незамеченным для всех.

Для всех, кроме, пожалуй, Анта. Но он даже и без этого вздоха догадался бы, что что-то произошло. Что-то очень серьезное, что-то, что заставило мои внутренние стены сдержанности и невозмутимости рухнуть под огнем моих чувств. Что-то настолько сильное, что ударило не только меня, но и эмпанта, даже не заметив артефакта, защищающего его от подобных случаев.

Бедный Ант — не повезло ему с первым другом. Если подобное будет продолжаться и дальше, то ему лучше будет подыскать другой источник спокойствия — пусть я и большую часть времени довольно хладнокровна, но эта сила эмоций, бьющая ничуть не легче любого другого физического удара...

Но, кажется, досталось ему на этот раз не так уж и сильно — видимо, все-таки артефакт смог перетянуть на себя большую часть удара. Ант лишь вздрогнул, как после легкого толчка, после чего, кажется, пристально посмотрел на меня.

Я этого толком и не видела — лишь краем сознания зафиксировала тот факт, что Ант не сильно пострадал.

Хорошо.

Все мое основное внимание было уделено ему.

Моему призраку из прошлого, что так неожиданно появился в моей жизни. Моему другу, человеку, ради которого я готова была и жизнь отдать. И, я была уверена в том, что он тоже поступил бы так же. По крайней мере тогда.

Наверное, со стороны я выглядела несколько равнодушной — я настолько сильно была удивлена встречей с ним, что даже не могла и пошевелиться. Наверное, это меня и спасло.

Лишь только мой взгляд, думаю, выдавал меня с головой.

Я смотрела на него жадно, ненасытно и все никак не могла насмотреться. Казалось, отвлекись я на него хотя бы на мгновение — и он исчезнет, словно мираж.

Я смотрела не него, впитывая всей своей сущностью каждую черточку его лица. Каждое движение губ. Каждый взмах ресниц.

Он так сильно изменился, и все же я легко узнавала в нем того парня, которого полюбила всем сердцем.

Возмужал. Даже появилось пару едва заметных шрамов. И смотрит на мир теперь совсем иначе — это взгляд уже не мальчика. Это взгляд мужчины. Воина.

А эта едва заметная горькая складка между бровями, словно свидетельство долго мучающей боли? Раньше ее не было...

Что же ему пришлось пережить за эти годы? Что же такого случилось за это время, что он так изменился? Почему он выглядит как воин, что ожидает нападения в любую минуту? Как он живет в таком постоянном напряжении? Нет, он и раньше никогда не был доверчивым и наивным, но... боги, сколько ему пришлось сражаться? За себя? За свою

жизнь и свою свободу?

Кажется, я разучилась дышать.

Кажется, я сошла с ума, иначе как объяснить это дикое желание, плюнув на все, просто подойти к нему, обнять, уткнуться в плечо и разрыдаться, как маленькая девочка. Реветь навзрыд от несправедливости мира, от того, что судьба отняла меня у него, от того, сколько боли он пережил за эти годы...

Может, никто другой этого и не видел. Но я, знающая его столько лет, знающая его едва ли не лучше всех остальных... я видела в нем некоторую надломленность.

И от этого мое сердце разрывалось на части.

От этого навзрыд рыдала маленькая девочка в моей душе.

Кажется, я даже попыталась сделать шаг ему навстречу.

И кажется, я слишком пристально смотрела на него.

Потому что в следующее мгновение в мое плечо впились железной хваткой и резко дернули в сторону, пряча за спинами других поступивших. И вовремя — я успела заметить, как причина моего раздвоя в душе резко перевела взгляд в мою сторону, словно почувствовав, что за ним наблюдают.

Он не успел поймать меня и мой наполненный слезами взгляд — лишь на мгновение, но не успел.

И я даже в первое мгновение не могла понять: хорошо ли это или плохо? Может, было бы лучше, если бы он подошел, увидел меня, узнал...

Нет, вряд ли бы он меня узнал.

Нет, это было бы определенно плохо. Я едва все не испортила.

Боль от впившихся в плечо пальцев резко привела меня в чувства, и я тут же сообразила, что чуть не натворила. И от чего меня уберег Ант.

— Тш-ш-ш, — тихо, на грани слышимости произнес он, словно успокаивая маленького ребенка.

Кажется, он еще и притуплял мои эмоции — иначе я не могу объяснить этого резкого «отрезвления».

— Спасибо, — практически одними губами произнесла я, но эмпант услышал. Он тут же отпустил мое плечо и виновато улыбнулся, словно извиняясь за причиненную мне боль. Но синяки ничто по сравнению с теми последствиями, к которым бы привело мое поведение.

Ант спас меня — и, вероятнее всего, потребует объяснение происходящему. Поэтому следовало подумать и решить, что я могла ему рассказать, не соврав при этом.

Вот только единственное, о чем я сейчас могла думать, это о том, как я не могла узнать этот голос. До конца не хотела верить, что он принадлежал именно ему? Или за это время я уже успела забыть, шелест его голоса?

Но как я могла его забыть? Именно этим голос были рассказаны интересные, порой весьма жестокие, жизненные истории. Именно этот голос звучал, когда я слышала его редкие, но такие точные и немного едкие комментарии. Это именно его вкрадчивый шепот я слышала, когда он терпеливо объяснял, в чем я была неправа.

Ну как же я могла его не узнать?!

После беседы с комиссией все завертелось так быстро, что я успевала лишь отмечать определенные моменты.

Сначала мы получили какие-то документы, подтверждающие тот факт, что мы зачислены в Академию Яриан. Нам даже выдали особый значок, который указывал на то, что мы являемся студентами первого курса данного заведения.

Затем мы заселились в общежитие, где каждому из нас выдали пусть и по небольшой, но уютной комнатке с отдельным душем и туалетом. А вот кухня была общей, и каждый мог готовить на ней из тех продуктов, что хранились в холодильном шкафу. Никаких изысков не было, но зато, как сказал сопровождающий, продукты всегда были свежими и они постоянно пополнялись. Впрочем, можно было питаться и в столовой, что находилась в двух шагах от Академии. Не бесплатно, конечно, но и не дорого. Вот только, боюсь, даже этого я себе позволить не могла — на серебряную жемчужину ушли практически все мои деньги, даже те, что я получила, продав те украшения, что находились в моем пространственном кармане.

Возможно, там было что-то еще, но этого я никак не могла вспомнить. Порой случалось так, что я машинально убирала какую-то вещь туда, а затем забывала о ней на долгое время. Да и с тех пор, как я в последний раз что-то туда убирала, прошло много времени. Да и не всегда я обращала внимания и запоминала, что именно я из сна-прошлого убирала туда.

После заселения нам выдали несколько комплектов формы, что мы были обязаны носить во время обучения.

Здесь возникла небольшая проблема — я хоть и знала, что не являюсь высокой, никак не ожидала, что на мой размер ничего найдется. Сняв с меня мерки, мне, конечно, пообещали, что парадную форму и несколько форм для повседневного ношения мне выдадут. Но, вероятнее всего, только к концу этого года. Так что пришлось мне брать самый маленький комплект из имеющихся, а затем вспоминать уроки домоводства. Обращаться с иглой я умела, хоть и не особо любила это дело. Так что подшить штаны и немного ушить рубашку с пиджаком, было в моих силах. Вышло, конечно, не идеально, но и не плохо. Сойдет. В любом случае мне было комфортно, а что касается красоты — не за этим я сюда пришла.

Так же, на том же складе, нам выдали набор писчих принадлежностей. А вот учебники не выдали. Как мне потом объяснили, первые две недели с каждым из поступивших в Академию, будут работать едва ли не индивидуально, выявляя все сильные и слабые стороны. А потом, исходя из полученной информации, нас распределят по группам и для каждого составят специальную программу обучения. И только после этого выдадут список литературы, которую мы должны будем получить на том же складе.

А вот за дополнительной информацией придется идти в библиотеку, которая располагалась в главном корпусе Академии.

Так, за обустройством и решением проблем, я и не заметила, как пролетело несколько дней.

Наступило время торжественного приветствия только что поступивших в Академию.

Именно здесь-то я впервые и встретила ректора данной Академии.

Здесь-то я впервые за это время и встретила своего «призрака из прошлого».

Здесь-то я и поняла, чей голос тогда показался мне таким знакомым.

Именно здесь я впервые, после нашей последней встречи увидела его.

Дарриана.

Глава 15. Размышляя о произошедшем

Осознание появившейся передо мной проблемы навалилось неожиданно и неотвратно. Это казалось злой усмешкой судьбы — стоило ли так бежать от прошлого, чтобы со всей скоростью влететь в его объятия? Я так старалась этого избежать. Придумала, как мне казалось, идеальный план. И он, едва начав исполняться, рухнул.

Кто бы мог подумать, что Дарриан станет ректором Академии? Что он, судя по словам того мужчины из комиссии, сам создал эту Академию с нуля? Кто бы мог подумать... Никогда за ним не замечала любви к наставничеству. Хотя, возможно, что-то и было такое — все же он любил, пусть и в мягкой форме, указывать на мои неправильные решения. Он вообще многому меня научил, тому, чего не узнаешь из книг или учебников.

Значит, вот чем он занимался все это время. Удивительно. Я даже испытываю гордость за него — несмотря на все трудности, он смог создать эту Академию. А в том, что трудности точно были, я и не сомневалась — одно лишь то, что Дарриан является темным магом, могло стать огромным препятствием.

И я даже догадываюсь, что могло стать причиной создания этой Академии.

Когда-то и Дарриан был таким — никому не нужным человеком, которому некуда было просто идти. Темных магов мало где любили, и еще меньше, где принимали. Да и будь он простым магом — намного ли его жизнь была бы лучше?

А теперь он помогает таким ребятам, как каким когда-то был и он сам. Помогает начать новую жизнь, дает второй шанс.

Он и сам был когда-то отверженным. Теперь-то мне понятно, насколько глубокий смысл в этом, казалось бы, странном и нелепом прозвище Академии. Кто еще может быть ректором Академии отверженных, если не человек, который сам был отверженным долгое время?

Как, порой, забавно переплетаются судьбы людей.

Когда-то, давным-давно я протянула руку помощи хмурому парню, который спас мне жизнь. Не отделалась словами благодарности и какой-то суммой денег. Не оставила его. Дала ему шанс на другую жизнь.

А теперь он практически делает то же самое для меня. Сам того не зная, он с лихвой вернул мне все то, что я дала ему. И, кажется, теперь я снова должна Дарриану за свое спасение.

У судьбы такое странное чувство юмора...

Я безумно горжусь Даррианом.

Но это не отменяет того факта, что я не хочу говорить о том, кем я являюсь на самом деле. Даже сама не понимаю, почему. Все так смешалось...

Я приняла решение. И я буду следовать ему.

И поэтому у меня возникает проблема — мне опасно находиться даже рядом с ректором. Он слишком хорошо меня знает — пожалуй, лучше всех в этом мире. Он когда-то был моей тенью, хранителем моей жизни, и он не может не знать меня. В этом-то и опасность — меня может выдать что угодно. И здесь смена внешности — не решение проблемы. Голос, походка, мимика, характерные жесты, определенные фразы — даже без внешности, лишь по этим деталям можно меня узнать.

Ладно, с жестами меньше проблем — все же жизнь на Земле оставила свой след. Да и не было у меня каких-то особенных, запоминающихся жестов. Определенные фразы? Здесь сложнее. Я за собой ничего такого не замечала, но это не значит, что этого нет. Значит, меньше слов, больше дела. Да и говорить стоит негромко — тогда и вероятность того, что узнают по голосу, меньше. Мимика и походка — с этим, наверное, сложнее всего. Хорошо, походка, вероятнее всего, скоро изменится — все же я поступила не в обычную Академию. Здесь будут обучать воинскому делу, а значит, не обойдется и без тренировок. Да и владению холодным оружием, вероятнее всего, тоже будут обучать. А это, насколько мне известно, меняет походку.

А вот мимика... Мне лишь нужно еще усерднее тренироваться держать лицо.

Ну и, конечно, следует как можно меньше попадаться на глаза Дарриану. Вот уж не думаю, что с этим возникнут проблемы. Не в ближайший год точно — вряд ли ректора заинтересует студентка первого курса. К тому же, как я поняла, сейчас он является наставником группы, в которую входит Войросс. Да еще и, вероятнее всего, помимо обучения у него много времени занимает сама Академия.

Так что год у меня в запасе точно есть.

А вот потом... Возможно, какое-то время и на втором году обучения я смогу избежать внимания ректора. Но ведь потом наставники начнут выбирать себе группу. И не с моим везением верить в то, что Дар пройдет мимо меня, не обратив внимания. Более того, сейчас, узнав, кто является ректором, слова того мужчины из комиссии о том, что Дарриан станет моим наставником, звучат едва ли не пророчески.

С недавнего времени у меня абсолютное не перебаривание любого пророчества. Но это не отменяет того факта, что они чаще всего имеют свойство исполняться. А с моим везением...

Итак, у меня есть год. Возможно, немного больше. И за это время я должна что-то придумать.

Бросать Академию? Нет, не вариант. Да и не сдамся я так просто.

Остаться здесь? Да. Но стоит предпринять все возможное, чтобы сталкиваться с Даррианом как можно реже. А при встрече необходимо делать все, чтобы он не узнал во мне принцессу.

Кстати, если уж я вспомнила про тот разговор между мужчинами из комиссии... Что-то странное было в нем.

Что же там было?

— Что-то про дележку моего брэнного тела, — пробормотала я, усмехнувшись.

Да, кажется, намекалось на то, что Тайное ведомство сразу же после окончания обучения приглашает к себе на службу самых лучших вчерашних студентов Академии. И это, насколько я поняла из оговорок, не особо Дарриану нравится.

Было еще что-то про начальников, что вроде как друзья Дарриана.

Странно, но, насколько мне было известно, Главой Тайного ведомства. Традиционно, становился лишь один человек. Но никак не двое. К тому же, я отчетливо помню, что на эту должность готовили старшего брата Лео. Не мог же Лео стать главой? Нет, такая вероятность есть, но лишь в том случае, если с его старшим братом что-то произошло.

Ох, как же не хватает информации!

К тому же про начальником-друзей упоминалось во множественном числе. Кир? Но его не могли сделать Главой! Очень маленький шанс, ведь его просто не должны были одобрить.

Он, хоть и был предан императорской семье, был сыном предателя. Такое обычно ставило крест на получении такого кресла.

Или я просто преувеличиваю и везде стараюсь найти своих парней?

Мало ли что за это время произошло у Дарриана? Глупо полагать, что за эти пятьдесят лет у него не появилось новых друзей. К тому же он какое-то время работал на Тайное ведомство, и знакомых там у него было достаточно.

Да и никто не говорил, что начальники того мужчины являются именно Главами Тайного ведомства. Ведь вовсе не обязательно!

А что касается «ссоры из-за бабы»... Пятьдесят лет прошло. За это время Кир и Лео например, успели жениться, обзавестись наследниками, и развестись. Так почему бы и Дару не найти себе невесту? А потом поссориться из-за нее с друзьями? Я ведь даже не уверена, что Дарриан сейчас не является счастливым семьянином. Не похож, конечно, но мало ли. Я и сама сейчас меняю маски, одну за другой...

Нет, так я ни до чего хорошего не додумаясь. Слишком мало информации. И слишком хорошая фантазия — могу такого напридумывать... Не стоит. Думаю, со временем я узнаю правду.

Мне же едва ли не пообещали, что за меня будет бороться Тайное ведомство, верно?

Глава 16. На пути к...

Спустя полтора года...

— Яра, локоть выше. Еще выше. Да, так и держи. Начали.

Неспешно схватив меч, я не спешила нападать. Не в этот раз. Лин сильнее меня, а еще он очень верткий — ну точно вылитый лис. И такой же рыжий.

Нет, здесь не срабатывала та тактика, которая могла сработать с кем-то другим. Даже с Антом, при условии, конечно, полного контроля над эмоциями. А то этот шельмец приноровился считывать поверхностный, легкий флер эмоций и теперь пользуется этим вовсю. Что, впрочем, еще раз доказывает, что в бою нужна холодная голова.

Здесь следовало действовать по-другому.

Прищуриив глаза, я пристально наблюдала за каждым движением Лина. Я уже не первый раз наблюдала за его танцем и успела заметить одну маленькую деталь...

Выпад. Еще выпад. Кажется, нашему рыжему другу надоело ждать меня, и он решил начать действовать первым. Это еще одна его ошибка — он слишком скор. Он подобен яростному пламени, что не удержать. Слишком быстр он в своих решениях, слишком нетерпелив — от этого и проблемы. Он не из тех, кто лишний раз остановиться, чтобы обдумать. Он слишком порывист.

Блок. Пробный удар. Еще один. И глухая защита.

Порывист и эмоционален. Он хорошо держит лицо — порой, даже искуснее меня. Но внутри у него бушующее, не утихающее пламя. Такого же цвета, что и его волосы. Интересно, все рыжие такие эмоциональные? Вот и Лео... Нет, стоп. Нельзя. Не сейчас. Итак, Лин. Проблема в том, что он легко увлекается. И это заходит слишком далеко. В своем стремлении чего-то достичь, он не видит полной картины. Такое упорство и стремление к достижению поставленной цели — хорошо. Но он при этом слеп — и это плохо.

Удар. Приходится уходить в перекате. Резкий разворот. Удар. Блок.

Лин — хороший воин, с этим трудно поспорить. Намного лучше, чем я или Ант. Прекрасно владеет мечом. Он вступает в бой с ясной головой. Обычно. Если его не вывести из себя. А это возможно, хоть и сложно, но возможно. Видела ли я его по-настоящему злым? Лишь раз, когда он рассказывал о смерти своей сестры... Он опасен, когда им завладевает ярость. Опаснее чем обычно. Но в то же время он перестает контролировать ситуацию.

Блок. Блок. Блок. Резкий кувырок в сторону — с трудом успеваю уйти от удара. Удар. Блок.

Он тоже не слепой и тоже прекрасно знает меня и мои приемы. У нас одинаковые шансы. Он более сильный, я более маневренная. Шансы как на успех, так и на поражение равны. Ох, был бы он еще не таким позером... Хотя в учебном бою это даже может повеселить и расслабить обстановку.

Удар. Удар. Блок. Удар.

Единственный его минут — его вспыльчивость. Она редка, но от этого, кажется, более разрушительна для всех.

Это могло стать серьезной проблемой в будущем. Его горячность однажды может погубить и его, и нас. Но это и правда его единственный минус. Ну и склонность к

театральщине, конечно. Хм, стоит ему намекнуть на то, что позерство хорошо только в спарринге с близким человеком. С врагом же... Лин умен, и у него нет склонности недооценивать противника. Но все бывает впервые. Так что пусть свою театральщину оставляет для показательных спаррингов, где важны церемония и красота движений, а не их эффективность.

И все. Дальше лишь плюсы. А еще... Внутри него полыхает пожар, который он тщательно оберегает и подкармливает. Он лелеет свою ненависть и жажду отомстить. И, если дать ему достигнуть цели, его огонь утихнет. Не потухнет, но станет ровным. Хорошо.

Удар. Еще удар. И вот он, момент, которого я так ждала — хитрый, обманный маневр. И он бы даже смог его завершить, не допусти Лин маленькую ошибку — выполняя этот прием, Лин невольно открывается. Чем я, естественно, не преминула воспользоваться.

— Закончили, — голос учителя звучал спокойно — кажется, он был удовлетворен увиденным.

Утирая пот со лба, я устало опустилась на землю, стараясь отдышаться. Несколько спаррингов сразу подряд сильно вымотали меня. Но все же я была довольна тем, что справилась.

— Яра, начнешь? — по привычке произнес учитель, приглашая меня высказать все, что я обдумала во время спарринга. Это было одно из правил, что нам поставил перед обучением учитель — нам нужно было не только достойно сражаться, но и успевать выискивать все недостатки и достоинства противника.

Практически все уже высказались друг о друге. И не сказать, что кто-то из нас был сильно удивлен тем, что он услышал. По крайней мере, я ничуть не была удивлена.

Знание о своих недостатках — первый шаг на пути к своей силе.

О своих недостатках я знала все. И о том, что стоит сделать упор на ловкость и верткость. И о том, что по силе я никогда не превзойду некоторых ребят, что учатся в Академии вместе со мной. И о том, что некоторые мечи мне просто бессмысленно использовать — мне банально не хватало веса, чтобы работать с ними в полную силу. Хотя во владении холодным ружьем я не плоха — отчасти помогли знания из прошлого, отчасти занятия фехтованием на Земле. Я знала, что иногда немного увлекаюсь анализированием. Это неплохо, но не в тех ситуациях, когда необходимо быстрое реагирование. Над этим нужно работать.

Теперь же настала моя очередь рассказывать о Лине.

— Ты ранишь меня в самое сердце, — патетично воскликнул Лин, когда я отметила его увлеченность к театральности, — ты убиваешь во мне великого актера.

— Уж лучше пусть в тебе умрет великий актер, чем ты сам, — пожав плечами, с едва уловимой улыбкой произнесла я, стараясь принять строгий и суровый вид. Вряд ли это кого-то обмануло, конечно...

— О, это так мило, я всегда знал, что ты переживаешь за меня, а значит, неравнодушна ко мне. Скажи же, что это мои огненные волосы запали в твое сердечко.

— Конечно же переживаю. Среди нашего курса ты самый лучший воин и искать тебе замену, а уж после этого еще с ним учиться слаженной работе. Слишком сложно, не люблю сложных путей, — последнее я протянула, смешно надув губы.

— О, коварная, я так и знал, что ты лишь используешь меня. Ты окончательно разбила мне сердце! Как дальше жить?

— Ну все, все. Повеселились, и хватит. Лин, Яра правильно отметила — тебе следует

быть более осторожным. Иногда ты бываешь паразитально беспечен. Учись более серьезно анализировать ситуацию.

— Анализировать — этот так скучно-о-о, — протянул Лин. Порывистость в нем иногда просто прорывалась, просясь наружу. Что тут еще скажешь?

— Учись у своего командира. Яра ну никак не выглядит скучающей, когда пытается проанализировать последствия очередного вашего с Антом поступка. Верно, Яра?

— Верно, учитель, — протянула я, судорожно вспоминая, не выглядели ли эти двое подозрительно в последнее время? Этих двоих я уже выучила настолько хорошо, чтобы понять, что они что-то задумали еще на той стадии, когда в их головах зарождался очередной безумный план. Вот только в последнее время я была больше занята переживаниями о том, что скоро мне предстоит столкнуться с ректором. Так что я могла что-то и упустить.

Прошло уже больше года с тех пор, как я впервые встретила ректора Академии Яриан. Мне повезло, и за это время я с ним ни разу больше не столкнулась. Зато сколько же прошло с тех пор...

Многое изменилось и, в первую очередь, больше всего подверглась изменениям я сама.

Окончательное принятие того, что я вернулась на Арлион, пришло не сразу. Я понимала это, но где-то внутри мне очень долго казалось, что все происходящее лишь продолжение тех снов, что я видела всю свою жизнь.

Я спокойней стала относиться к решению сохранить в тайне свое возвращение. А вот в первые дни учебы меня изрядно помотало из стороны в сторону. Я то хотела броситься к Дару и начать рассказывать ему правду. То мне хотелось тут же помчаться разыскивать Лео и Кира. То я посреди ночи вскакивала с постели с диким желанием тут же пойти и сделать все, чтобы встретиться с сестрой.

А потом я отпустила ситуацию и успокоилась. Просто поняла, что никому лучше своим решением я не сделаю. Особенно самой себе.

А еще я вдруг почувствовала опьяняющий вкус свободу. Звучит абсурдно, особенно если учесть, что ощущала я эту свободу за стенами Академии.

Но я и правда чувствовала такую легкость... Теперь моя жизнь была подвластна только мне. Никакого этикета, никаких правил и протоколов. Полная свобода от прошлой жизни.

И я делала первые вдохи своей новой жизни. И были они такими опьяняюще сладкими!

— Неплохой анализ, Яра. Ты хорошо поработала, с твоего последнего раза видны успехи.

— Это же наш командир, как иначе-то? — с гордостью произнес Лин.

— Вот поэтому она и ваш командир, что ее успехи видны невооруженным глазом, а вы, охламоны, только и делаете, что спорите со своими учителями. Хоть постыдились бы! Ваш командир только-только отпраздновал совершеннолетие, а уже имеет определенные успехи и в артефакторике, и с холодным оружием, и даже в спарринге тебя обошла, Лин! И я не говорю про анализ!

— Но анализ это так ску-умпфх, — я, зажав ладонью рот Лина, чтобы он не сболтнул лишнего, мило улыбнулась учителю.

— Мы начнем обучение сию же секунду, — я продолжала мило улыбаться, подталкивая Лина в сторону Анта. Рыжий от такого бесцеремонного обращения с собой немного ошалел и не предпринимал никаких попыток сопротивления. А Ант уже катался по земле от хохота, глядя на обескураженное лицо своего друга.

— Ну что за дурные, — пробормотал учитель, после чего его лицо вдруг приобрело серьезное выражение, — Яра, я помню, ты просила предупредить. Хотя я и не понимаю, зачем, но я обещал, так что... С завтрашнего дня наставникам будет разрешено приглядываться к группам.

— Спасибо учитель, — серьезно произнесла я, тут же растеряв всю веселость. Парни тоже, почувствовав неожиданно возникшее напряжение, прекратили дурачиться. Когда было нужно, они становились максимально серьезными и собранными, готовыми в любой момент к нападению. Или к атаке.

— Я тебе уже предлагал, но спрошу еще раз — быть может, мне поговорить с ректором по поводу вашей группы? Вы одаренные ребята и было бы глупо оставить ваши таланты нераскрытыми. И кто, если не наш ректор сможет...

— Не нужно, учитель, — покачав головой, ответила я, — будет правильным, если мы будем наравне со всеми.

— Уверен, что и без моей подсказки ректор выберет вашу группу.

— Тогда вам и вовсе не о чем беспокоиться, учитель, — сказал Лин, — а так мы всем покажем, что действительно заслужили получить такого наставника, как он.

— Как знаете, ребята, как знаете. Я лишь только хотел сэкономить ваше общее время. Эх, молодость, горячность...

Учитель удалился, качая головой, а я с какой-то тоскливой обреченностью осознала, что беззаботное время прошло.

Настало время встретиться с прошлым лицом к лицу и наконец-то понять, смогла ли я за это время подготовиться настолько, чтобы никто не догадался о том, кто я.

Пожалуй, это будет самым сложным экзаменом за всю мою жизнь.

Глава 17. Немного об Анте и Лине

Для меня это стало некоторой неожиданностью — то, что при работе со мной было обнаружено, что я имею неплохие задатки лидера.

Вот уж кем я себя никогда не считала, так это лидером. Принимать ответственность на себя? Решать, как действовать команде? Это не то, чтобы пугало, скорее вгоняло в дрожь и заставляло всеми силами отнекиваться от подобной роли.

С большой силой приходит и большая ответственность, ведь так? А я и за себя-то ответить не всегда могла, что говорить тогда про остальных? Но, видимо, кровь императорской семьи просто так не уничтожить, вот она и проявилась так своеобразно. Лидерские качества, ну надо же...

Так что ничего, поставили в известность, что будут готовить из меня командира. И началось...

С некоторых тренировок я действительно приползала — ноги от перенапряжения порой так дрожали, что не желали идти. Особенно было тяжело в первые месяцы. А потом ничего, освоилась, и мне это начало даже нравиться.

Постепенно я перезнакомилась практически со всеми ребятами, что поступили в этом году — а нас было довольно много, больше ста человек. Кого-то знала лишь на лицо, а с кем-то неплохо общалась. Впрочем, запоминать кого-то было пока немного преждевременно — как мне сказали, за первый год из Академии уходят не меньше пары десятков человек. И даже не в больших нагрузках дело, было бы желание, и даже с такими нагрузками можно было справиться.

У кого-то пропадало желание учиться и стремление к новой жизни. Таким ребятам начинало казаться, что их простая жизнь лучше и легче, а главное надежнее, чем те неясные перспективы, что обещает Академия в будущем.

Пара девушек сами изъявили желание покинуть Академию — как выяснилось позже, пришли они сюда в поисках перспективного жениха. Вот только в Академии с этим было довольно строго. Парочек, конечно, не сильно гоняли, но откровенного блуда, естественно, не допускали.

Нескольких парней выгнали за систематическое нарушение правил Академии. Этих парней два раза поймали на драке, и, если первый раз им простили, то во второй раз выгнали. Конечно, после тщательного разбора — так что среди тех, кто покинул Академию, «невинных» не было.

Нескольких ребят выгнали за неуспеваемость — но и это было справедливым решением. Ни один из этих парней не прилагал никаких усилий в обучении, предпочитая проводить все время либо на кухне или в столовой, либо в небольшом парке при Академии.

Так что к середине года от нас осталось человек восемьдесят, если не меньше. Как сказали ребята, это вполне нормальное число для Академии — обычно в итоге здесь выпускаются человек пятьдесят — шестьдесят. Или, в среднем, от десяти до двадцати групп и несколько одиночек. Бывали и такие ребята, что никак не могли работать в группе, зато одиночная работа им давалась великолепно.

Мне импонировал этот индивидуальный подход к каждому студенту. Здесь ты не успеваешь выполнить одну поставленную перед тобой задачу, как тебе тут же давали другую,

что относилась к совершенно другой области. В Академии действительно готовили многопрофильных специалистов, развивая и доводя до идеала все наши лучшие качества и таланты. И в то же время здесь никто ни к чему не принуждал и не заставлял учиться и работать над собой.

Так что первый год пролетел для меня незаметно — в постоянных занятиях и тренировках я и не замечала, как дни сменяли друг друга. Летом я тоже училась, оставшись в Академии — здесь предоставляли такую возможность для тех, кому некуда было податься. За это лето я, кстати говоря, неплохо заработала — мне нужна была тренировка в создании различных артефактов, потому что я стала понемногу забывать свои навыки, и свою память необходимо было освежить. Так что начала я с самого простого, постепенно переходя к более сложному уровню. Нужно же меня было куда-то девать все, что я наделала за это время? Вот и сдала в лавку, где продавались подобные артефакты. Не обошлось, конечно, без помощи одного из учителей — никто бы просто так не принял бы мою работу, даже несмотря на то, что она была качественно выполнена. А так как учителя в нашей Академии только приветствовали подобное времяпровождение и попытки заработать, то мне помогли. Ну и, конечно, выручить получилось не настолько много, насколько я могла бы получить, если бы я продавала данные артефакты, имея документ, официально подтверждающий уровень моих знаний. Но и без этого вышла очень даже приличная сумма. Так что теперь я не боялась, что, покинув Академию, даже не смогу приобрести себе одежду или найти место для ночлега.

А затем начался второй год обучения и ребят начали объединять в команды.

Анта сразу же присоединили ко мне, чему мы были оба рады — за этот год хоть нам и не удавалось увидеться слишком часто, мы все же подружились. Я его даже воспринимала, как младшего братишку, которого нужно незаметно опекать — слишком открытым и светлым был этот паренек. Удивительно даже, ведь кто, как не он, должен знать и чувствовать, насколько неидеален этот мир.

Он это знал. Ант оказался не из простых ребят — насколько я поняла из его оговорок, он принадлежал аристократической семье. Вот только почему он ушел из семьи и поступил в Академию, я не знала. Хотя и догадывалась — слишком хорошо я знала о высшем обществе. Такой грязи порой и в самой огромной куче мусора не найдешь. И, если учесть, что ребенок мог видеть все это с самого детства — не удивительно, что он ушел к тем, кого считают «отверженными». Поражало другое — несмотря на то, что Ант видел и ощущал куда больше остальных, он до сих пор оставался светлым человеком.

Забавно, но он, кажется, тоже решил меня незаметно опекать. А однажды и вовсе отметил, что я для него, как маленькая сестра. Слышать такое было весело — хоть я и была самой младшей не только на этом курсе, но и во всей Академии, внутренне я ощущала себя гораздо взрослее остальных ребят. Возможно, сказалось то, что я помнила и жизнь принцессы, и жизнь на Земле. Возможно то, что на Земле взрослеют гораздо раньше и вообще спешат жить.

А вот с третьим членом группы сначала возникли проблемы.

Мы просто ни с кем не могли сработаться. А учителя почему-то в унисон твердили, что нам нужен еще один человек в группу. И если сомнений в том, что нам нужен еще один член команды не возникало — мы с Антом были не слишком сильны в нападении и атаке, то почему именно один, а не два или три, нам не хотели объяснять.

И мы никак не могли сработаться с теми ребятами, что нам предлагали. Кому-то не

могли довериться. Кто-то, придя к нам, начинал тут же качать права и требовать место командира. Незаметно для учителей, конечно же. Мне это место и даром не сдалось, но с таким вот хамским отношением... Так что всех этих ребят обычно не устраивали либо я, либо Ант, либо мы оба сразу. Наша маленькая команда была особенной и оттого немного странной, поэтому не удивительно, что сработаться не получалось.

А потом пришел Лин.

По правде говоря, я сначала и не верила в то, что нам удастся сработаться. Этого рыжего парня я еще запомнила при поступлении — он тоже пришел поступать в тот же день, что и мы с Антом. Я почему-то отчетливо запомнила, как строили ему глазки девушки, которые поступали вместе с нами. Он и в самом деле был довольно красивым, но я прекрасно помнила, с каким ледяным презрением он смотрел на всех девушек, что пытались с ним познакомиться. Так что я, как мне тогда показалось, уже предвидела трудности с этим парнем.

Ант, оказалось, тоже его помнил. Это о нем эмпант говорил, когда рассказывал о том, что холодно, что окутывает этого парня, «кусает».

Но все наши опасения оказались беспочвенными. Лин не пытался строить из себя крутого самца, не пытался показать себя лучше, чем он есть. Уже с первого дня знакомства между нами установились нейтральные отношения. Спустя какое-то время Лин постепенно начал оттаивать и проявлять живые эмоции. А потом мы узнали, что у нашего рыжего друга были свои причины такого поведения. Как и причины того, почему он пришел в Академию. Ему необходимо было во что бы то ни стало попасть в Тайное ведомство, а единственная реальная возможность это сделать — это попасть в Академию отверженных и стать лучшим. Так что когда Лин узнал, что его направили к нам с Антом, он понял, что это его шанс. Оказывается, по Академии уже какое-то время ходят слухи, что за меня Тайное ведомство готово бороться уже сейчас.

А я, занятая учебой, даже и не слышала о подобном. Да и кто мне бы рассказал о таком слухе — друзей у меня, кроме Анта, до этого и не было, лишь одни знакомые. А они, кажется, опасались что-то говорить или спрашивать у меня о чем-то. Забавно даже... И еще интересно — кто же был источником подобных слухов?

Так что Лин решил сделать все возможное, чтобы удержаться в нашей группе. А потом привык и обнаружил, что мы действительно можем стать настоящей командой.

Об истории, что и привела Лина в Академию, я знала не так уж и много.

Знала, что он довольно рано остался без родителей и все, что осталось у него от семьи — это его младшая, горячо любимая сестра. Именно она и стала причиной того, что Лин так рвался в Тайное ведомство. Точнее причиной стала ее смерть.

Лин из всех сил оберегал свою сестренку, но сберечь в итоге не смог. Как нам рассказывал наш рыжий друг, его сестренка была чудо, как хороша. И однажды своей красотой, чистотой и наивностью привлекла внимание довольно влиятельных людей. Ее похитители и... история стара, как мир. Грязно, страшно, мерзко, но в мире встречались и такие отбросы.

В итоге Лин нашел свою сестренку на пороге собственного дома спустя пять дней после исчезновения. А еще через несколько дней его сестра наложила на себя руки. И тогда Лин поклялся отомстить тем, кто сделал такое с его сестрой. Но что может сделать обычный человек против влиятельных людей? Много, на самом деле. Не все, но многое.

Лин был в своем праве, творя самосуд. Он не убивал, нет, но делал то, что страшнее

смерти для таких людей. Вот только достать самого главного человека было не так просто. А еще пока Лин бегал по всей стране, творя свою месть, его невеста вышла замуж за другого. За его друга.

Поэтому, вернувшись в свой город и узнав все, Лин без сожалений продал дом и поехал в столицу для того, чтобы поступить в Академию, чтобы потом попасть в Тайную канцелярию. А где, если не там, хранится вся информация о человеке, что его интересовал?

Местью нельзя долго гореть — этот огонь был отравляющ. И он либо убивал человека, выжигая его, либо оставался гореть.

Мне было жаль и Лина, и его сестру, но я видела, что если он не перестанет так иступленно рваться мстить, то он может погубить себя. Нам с Антом пришлось потратить довольно много времени, чтобы заставить Лина жить, а не только думать о мести. Дар Анта очень помог в этом деле и Лин действительно начал оживать. Но это, конечно же, не означало, что он решил оставить месть. Никто его и не собирался отговаривать.

Считала ли я это неправильным? Нет, совершенно нет. Те, кто совершает подобное с наивными, чистыми девушками, не являются людьми. Никакая власть и вседозволенность не может служить оправданием. Такому вообще нет оправдания. Такие, как они, вообще недостойны жизни. Жестоко? Скажите это в глаза родственникам тех, над кем совершались подобные преступления. И они расскажут вам, что такое «жестоко».

Так что Лина я не осуждала и была готова сделать все, чтобы помочь ему. Нужно попасть в Тайное ведомство — что ж, пусть будет Тайное ведомство. К тому же, кажется, любая дорога, какую бы я не выбрала, все равно ведет к этому месту.

Глава 18. Откровенный разговор

Конечно, мое «странное» отношение к ректору Академии не могло остаться ребятами незамеченным. Да и, немного поведав о своей жизни, они, как минимум, рассчитывали на подобное и с моей стороны.

А я не знала, что ответить. Боюсь, правда звучала бы слишком невероятной. Хотя они бы поверили. Ант уж так точно — правду ото лжи за это время он научился искусно различать. Да и видел он мою неадекватную реакцию на ректора. И ведь тогда он даже не спросил, почему я так бурно отреагировала. Сказал лишь, что если я захочу рассказать, он всегда будет готов выслушать. Золото, а не друг.

Но и не рассказать ребятам я не могла. Соврать же... да я лучше промолчу, чем скажу неправду.

Поэтому однажды ребята услышали мою историю. Сокращенную, обезличенную, без упоминаний любых имен. Но это была правда.

Я рассказала о том, что родителей лишилась рано, и моей семьей была лишь сестра, да двое, а затем трое мальчишек. Рассказала о том, что получила хорошее образование, что мне было доступное многое, но и многое с меня требовалось. Повела о том, что те мальчишки были мне очень дороги, что я их любила, но из-за неопытности, неуверенности и страха я так и не призналась. А потом было уже поздно.

Рассказала о том, что меня предали, и предал кто-то из близких. И я до сих пор не знаю, кто это был. Повела о том, что меня пытались убить. Что я избежала смерти лишь чудом и долгое время была очень далеко от того места, где я родилась. Так далеко, что я даже весточки родным послать не могла.

Рассказала о том, что лишь совсем недавно каким-то непонятным, необъяснимым чудом я смогла вернуться. Но за время моего отсутствия слишком многое изменилось. Рассказала о том, что часть меня, все же хотела бы увидеться с родными, но я понимаю, что сейчас не время. Возможно, чуть позже. Когда я найду того, кто жаждал моей смерти. И именно поэтому я, как и Лин, хотела бы попасть в Тайное ведомство — мне тоже есть, кому мстить.

В итоге меня обняли, назвали почему-то маленькой глупышкой, а потом пообещали. Что помогут поймать того, кто хотел мне навредить.

Я видела, что они прекрасно понимают, что я о многом умолчала. Но, кажется, они подумали, что я умолчала потому, что не хочу раскрывать имя своего рода. А в том, что я из знатного рода, эти двое теперь не сомневались — слишком многое выдавало во мне то, что я не из простых граждан. А я и не думала это скрывать — понимала, что не смогу. Этому нужно учиться не один день, а кое-что даже за всю жизнь не поймешь, если не проживешь их жизнью.

Ант наше стремление попасть в Тайное ведомство поддержал. Ему вообще было все равно, куда идти — лишь бы поближе к нам... и подальше от его семьи, с которой он не желал иметь ничего общего. А уж в Тайном ведомстве его точно не достанут.

В том, что мы все же попадем туда, куда мы хотели, сомнений не было. Слишком уж особенной была наша группа. Один Ант с его даром эмпатии чего стоил. Кстати, он в итоге отложил свой артефакт в сторону и старался тренироваться в защите собственного сознания от чужих эмоций. Получалось с переменным успехом, но он не отчаивался — говорил, что

уж лучше так, зато теперь он точно не пропустит человека, замышляющего что-то нехорошее.

Моей сильной стороной была магия. Артефакторика, конечно, по-прежнему оставалась тем направлением, в котором я преуспевала сильнее всего, но и остальные направления я заметно подтянула.

Лин, помимо того, что он был самым лучшим бойцом в Академии, был отличным мастером на ловушки и обходные пути. Порой его мозг выдавал такое изощренное решение какой-нибудь задачи, что оставалось только удивляться. А еще он был прекрасным мастером перевоплощений и мог сыграть кого угодно — хоть бродяжку, хоть важного господина. В нем и в самом деле пропадал великий актер...

Наставники наблюдали за нами. Мы часто ловили на себе любопытные, изучающие взгляды.

Несколько раз за нами наблюдал и Дарриан.

В первый раз из того, что я чувствовала на себе его взгляд, я была настолько на взводе, что едва не сбежала к себе в комнату, бросив все. Не знаю, заметили ли что-то остальные, но вот мои ребята точно поняли, что со мной что-то не так. Первым, конечно же, заметил неладное Ант. И, осмотревшись, быстро понял, в чем дело.

Я, наверное, не устану благодарить высшие силы за то, что они послали мне такого друга. Потому что, поняв причину мой паники, Ант сделал единственное, что мог сделать в данной ситуации — он приглушил мои эмоции. И это помогло — я смогла и выдержать пристальный взгляд, и со спокойствием дойти до комнаты, болтая с парнями и делая вид, что меня ничего не беспокоит.

Зато в комнате меня прорвало.

Меня трясло, а по щекам текли слезы. Переволновалась, перенервничала. А еще эти непонятные эмоции... Почему, только увидев его, мне так нестерпимо захотелось прижаться к нему как можно сильнее? Почему мое сердце разрывается от тоски к нему, стоит мне только увидеть его лицо, его глаза? Почему я так остро реагирую на него?

Последнее, кстати, волновало не только меня, но и парней, что пришли в мою комнату вместе со мной. Кажется, они ждали объяснений, а не того, что я начну реветь белугой. Я бы даже, наверное, посмеялась, глядя на их ошарашенные и беспомощные лица, если бы меня не разрывало изнутри от тоски по одному темному магу.

Успокоили меня довольно быстро. А затем, всунув в дрожащие руки горячую кружку чая, они терпеливо начали ожидать ответ.

И они его дождались.

— Он — человек из моей прошлой жизни, — сделав глоток чая, негромко произнесла я.

— Это он виноват в том, что тебе пришлось... остаться одной? — мрачно поинтересовался Лин. Кажется, он судорожно пытался понять, в большой ли заднице мы находимся, и, если да, то как именно мы можем из нее выбраться. А говорил, что анализ — это скучно...

— Нет.

— Он сделал что-то плохое? — теперь спросил Ант.

— Нет. Дарриан... он вообще очень хороший человек. Один из самых лучших, — со вздохом произнесла я, делая еще один глоток.

— Он будет недоволен, если узнает, кто ты? Что ты жива?

— Нет. Скорее наоборот, он будет рад. Хотя... не могу сказать об этом с полной

уверенностью — прошло довольно много времени с тех пор.

Парни перевели дух. Я бы на их месте тоже обрадовалась тому, что никаких особых проблем с ректором пока не предвидится.

— Тогда почему ты... Хотя нет, постой. Почему он не узнал тебя?

— Артефакт.

— Но тогда, при поступлении, ты выглядела точно так же. А та аудитория была зачарована.

— Это сильный артефакт. И он... его не найти просто так. Он тоже давно слился с моей аурой настолько, что его практически невозможно разыскать. Да, такие артефакты существуют, но о них знает лишь определенный круг людей. Очень маленький круг людей. Это что-то вроде семейного секрета, — пожав плечами, произнесла я. Что-то утаивать, кажется, смысла не было — парни мальчишки не глупые и сами со временем, даже без моей помощи, разберутся, что к чему. Зачем тратить их время, когда кое-что я могу и сама рассказать.

— Ладно, допустим. Но зачем ты тогда вообще пошла в Академию, если знала, кто здесь ректор, — спросил Лин.

— Я ведь говорила о том, что вернувшись, я поняла, что мне некуда идти. Я не преувеличивала — мне действительно некуда было больше деваться. Ни денег, ни документов. Академия стала моим единственным подходящим вариантом. К тому же, — прикусив губу, я нехотя призналась, — я не знала, что Дарриан является ректором этой Академии. Узнала, когда уже поступила. Ант свидетель — он видел, в каком состоянии я была, когда увидела его.

— Было дело. Мне пришлось тогда какое-то время ее держать — даже не знал, к нему ли она хочет рвануть, или от него, — эмпант кажется, хотел нас немного повеселить и расслабить обстановку, но даже его невеселый голос указывал на то, что нам не до веселья.

— Но как такое возможно? Мне кажется, что лишь только слепой и глухой не знает о том, кто является основателем и ректором Академии отверженных. Тем более ты же сама сказала, что была с ним знакома. Значит, должна была об этом знать, — Лин, кажется, хотел попытаться до самой сути правды.

А вот Ант, наоборот, выглядел так, словно хотел оказаться как можно подальше от этой комнаты и от этого разговора. Думаю, он уже начал догадываться, что моя история гораздо сложнее, чем они представляли.

— Это так... непросто. Нет, я не избегаю ответа, но это и в самом деле сложно для понимания. Когда я видела Дара в последний раз, он еще не являлся ректором Академии.

— Яра, Академия была основана больше сорока лет назад. А тебе сейчас двадцать шесть лет. Ты не могла знать ректора тогда, когда он еще не являлся ректором. Тебя даже в планах тогда не было, — как маленькой, Лин мне пытался объяснить, что мои слова не могут быть правдой.

А разом побледневший Ант начал странно смотреть на меня — со смесью жалости и какого-то неверия. Хотя он понимал, что все, сказанное мной — правда, даже несмотря на то, как она бредово звучала.

— Я говорила, что это сложно, — немного ворчливо пробормотала я, после чего продолжила, — я ведь рассказывала вам о том, что оказалась очень далеко от своих родных и своего дома, верно? Настолько далеко, насколько даже нельзя представить. И это касается не только пространства, но и времени. Я...

— Нет, — выкрикнул Ант, резко подскочив, — стоп. Молчи. Молчи. Прошу тебя, Яра, молчи. Я понимаю, к чему ты ведешь, догадался. Сложно здесь не догадаться. Но прошу тебя, молчи. Оставь мне иллюзию незнания. Это... извини, но это слишком невероятно. Это... как же тебе непросто пришлось, да, мелкая? — эмпант быстро подошел ко мне и обнял, прижимая к себе.

А я не могла сдержать слез.

Наверное, это были слезы облегчения — когда я поняла, что парни близки к правде, я испугалась. Испугалась, что правда может оттолкнуть их. Напугать.

Она, конечно, напугала их. Но это был другой, понятный мне испуг — я бы тоже, наверное, боялась узнать о таких невероятных вещах, что порой могут происходить.

Я была рада тому, что хотя бы кто-то узнал правду обо мне. Хранить тайну оказалось не так легко, как я думала. И мне становилось спокойнее от мысли, что хоть кто-то в этом мире знает, кто я на самом деле. Да, нужные слова, окончательно подтверждающие, кто я есть, не прозвучали, но это и не было нужно — все и так было понятно.

— Как же так, мелкая? Как же ты справилась? Ты молодец. Ты такая сильная, — успокаивал меня Ант, — не переживай, мы сохраним твою тайну. Никто от нас не узнает, кто ты.

— Знаешь, если ты и понял, кем является наша мелкая, то вот я пока еще не догадался, — ворчливо заметил Лин, при этом глядя на меня с состраданием.

— Ли-и-ин, — протянул Ант, немного отстранившись от меня, — ну это же не так уж и сложно. Невероятно, да, но не сложно. Нужно сложить лишь два и два. Вспомни, что о себе рассказывала мелкая. У нее было не так уж много знакомых.

— Лишь сестра да мальчишки мелкой, — добавил Лин.

— Верно. Значит, одним из ее мальчишек является ректор.

— Но...

— Подожди, сначала дослушай. Одним из мальчишек мелкой является наш ректор. Мальчишек, Лин. Значит, это было давно, во времена юности нашего ректора. Добавь к этому происхождение мелкой из знатного рода. Вспомни о том, что Яра говорила о трех мальчишках. И соедини это с биографией ректора, особенно с той частью, где упоминаются его друзья и слухи о его любви...

— Слухи о любви? — спросила я.

— Подожди, мелкая, чуть позже. Так вот, Лин, соедини все это воедино. И откинь невероятность предположения о перемещении во времени. Ну и можешь сюда добавить рассказ мелкой о том, что ее когда-то хотели убить. Ах да, и одно из самых загадочных убийств сюда тоже не забудь добавить.

Какое-то время мы молчали. Ант старался успокоиться и осознать правду. Лин еще только соединял все детали и пытался поверить в невероятность полученного решения. А я... ну а я просто сидела и ни о чем не думала.

Глава 19. Последствия откровенного разговора

Жалела ли я о том, что рассказала парням правду?

Нет.

Я не была настолько глупа, чтобы не понимать того факта, что однажды правда все равно всплывет наружу. Все тайное всегда становится явным. И, рассказав парням правду сейчас, я не только избежала ненужной обиды — а ведь они могли и обидеться на то, что я умолчала о таком, но и, как мне кажется, убереглась и от более серьезных последствий.

Теперь, зная о том, кто я, они смогут, в случае чего, помочь мне и уберечь от какой-то неприятности. Например, от той же встречи с ректором. И, хоть этого и не избежать, но теперь все мы трое будем действовать более осторожны. Незнание того, что именно ты скрываешь, может лишь ускорить раскрытие скрываемого. А так, парни знают мою тайну и знают, о чем стоит умолчать.

Да и не получилось бы долго скрываться. Во-первых. Все равно возникли бы вопросы по поводу моей реакции на Дарриана. И еще непонятно, к каким выводам парни бы пришли. Вдруг бы пошли, как настоящие старшие братья, выяснять отношения с парнем, который обидел их младшую сестренку. Вот уж была бы сцена из сцен...

Да и чуть позже я бы не смогла от них скрыть то, что интересуюсь делом убийства пятидесятилетней давности, где жертвой стала принцесса. Мое любопытство по этому делу непременно заинтересовало бы их. А сложить два и два не так уж и сложно. Конечно, поверить в такое очень трудно, но парни бы в итоге отыскали доказательства того, кто я на самом деле. И кто знает, возможно, их интерес в свою очередь привлек бы чье-то внимание? А так они не только не станут искать доказательства, подтверждающие тот факт, что я та самая принцесса, но и смогут прикрыть меня в случае чего, верно?

— Да нет, быть того не может, — неверяще произнес Лин, — да вы меня разыгрываете!

Но, взглянув на наши серьезные, немного усталые лица, ошарашено пробормотал:

— Не разыгрываете...

И замолчал.

Лин пристально смотрел на меня, словно старался сквозь иллюзию разглядеть лицо принцессы Ярины. А может быть, он пытался что-то увидеть на моем лице. Прочитать какой-то ответ в глазах.

Я не знаю, что искал во мне Лин.

Просто он резко вздохнул, покачал головой и тихо рассмеялся:

— Ну ты, конечно, даешь, мелкая. Я ко многому был готов — уж слишком ты необычная. Но к такому... Если бы я не ощущал то, что моя голова сейчас распухнет и лопнет от услышанного, я бы подумал, что я сплю.

После этого, немного помолчав, Лин добавил:

— Ант прав — подобное не стоит произносить вслух. И, Яра... я обещаю, что сохраню твою тайну. А теперь ответьте мне, что мы будем делать с ректором?

И от этого простого «мы» стало так светло на душе!

— Не думаю, что здесь можно что-то сделать. Нужно лишь время — я постараюсь привыкнуть к его присутствию.

— Если что, я помогу. Буду немного приглушать твои эмоции на первых порах. Чтобы

ты привыкла.

— Да, это было бы замечательно.

— Но почему такая реакция? Нет, я все понимаю — неожиданная встреча с человеком, к которому ты была равнодушна спустя столько лет — это любого выведет из равновесия. Но откуда настолько бурная реакция? Меня едва ли не дезориентировало.

Ант задал вслух тот же вопрос, что волновал и меня саму. Я и правда не понимала, почему меня так тянуло к нему, так трясло от одного его взгляда.

— А слухи о его любви? — неожиданно спросил Лин.

— Что? О чем ты?

Тяжело вздохнув, Лин невольно поморщился — а это знак, что то, что он сейчас скажет, слухи. Лин терпеть не мог слухи и домыслы и, когда ему приходилось работать с чем-то подобным, у него всегда появлялось вот такое недовольное выражение лица.

— Так, это даже не предположение, а так... Смотрите, наш ректор — темный маг, верно? Верно. А я даже сейчас, не особо задумываясь, могу выдать штук десять разных слухов и легенд, что ходят про таких вот магов. И хоть я такие слухи на дух не переношу...

— Ближе к теме, Лин, — нетерпеливо произнес Ант. Да и я жаждала услышать, до чего додумался наш рыжий друг — что-то подсказывало мне, что его предположение если и не будет верным, то уж точно будет недалеким от истины.

— Так я и говорю. Среди таких слухов часто ходят разговоры про невест темных магов.

— А, это там, где говорят о том, что не стоит смотреть темным магам в глаза? Что они могут отдавать часть своей души невесте, и эта частичка с тех пор будет следовать за ней, словно тень, храня от опасностей и бед? — вспомнила я то, что слышала раньше.

— Именно! — воодушевленно воскликнул Лин.

— Да ну нет, это же все сказки. Не может это быть правдой, — тут же произнесла я.

— А я бы не был столь категоричен. В каждой сказке есть доля правды. Я не говорю, что нужно тут же верить во все, что говорят о темных магах. Но может в этом есть часть правды? Может и не душа такого мага следует, а часть магии, например. Или еще что-то. Кто знает? Но в этом определенно что-то есть.

— А причем здесь я и те чувства, что я испытываю при виде Дарриана? Нет, я не отрицаю того, что когда-то любила этого человека. Поняла я это, правда, гораздо позже, но все равно любила. Да и сейчас но очень дорог для меня. Но это с моей стороны! А со стороны Дарриана ничего подобного не было! Он испытывал ко мне дружеские чувства. Возможно, был немного влюблен, но не настолько, чтобы расставаться с частью своей души из-за меня!

Это было правдой. Если я, будучи принцессой, любила этих троих со всей пылкостью, а потом, когда видела свою прошлую жизнь через призму снов, полюбила со всей глубиной, но парни... Мне всегда казалось, что это была лишь влюбленность. Детская влюбленность, о которой с улыбкой и смехом вспоминаешь через года... Вот только ни Лин, ни Ант, кажется, не разделяли моего мнения. Иначе почему они смотрят на меня так странно, словно я ребенок, который сморозил какую-то несусветную глупость?

— Я так понимаю, ты ничего не слышала о единственной любви нашего ректора, что в итоге подвигло его на постройку данной Академии? — мягко, даже осторожно спросил Ант.

— Н-нет.

— Теперь понятно. Одной из главных причин, почему наш ректор решил основать эту Академию, является смерть его любимой. Он создал эту Академию для того, чтобы выучить

здесь воинов — воинов, что будут следить за порядком в городах и предотвращать преступления. Чтобы больше никто не потерял своего любимого человека, как потерял он когда-то. Чтобы всегда нашелся хотя бы один воин, который смог бы предотвратить убийство.

— Но я...

— Это произошло после смерти его любимой. После убийства принцессы Ярины, чья смерть никто не смог предотвратить, — мрачно произнес Ант.

— И Академия отчасти носит в названии ее имя. Ее и того человека, что основал эту Академию. Соедини имена. Ярина и Дарриан. Яриан. Академия Яриан. Это ты — та, любовь к которой наш ректор пронес сквозь года. Это ты, Яра, — добавил Лин, — и ты хочешь сказать, что ради тебя он не отдал бы часть своей души? Да он бы, не задумываясь, отдал всю свою душу лишь за то, чтобы ты жила.

Сказать, что я была оглушена услышанным — ничего не сказать.

Это... Осознание того, какую боль отчасти по моей вине пережил Дарриан, рвало душу на куски, и все эти кусочки тянулись к тому, кто любил меня. Но я не могу. Я правда не могу пойти к нему и рассказать о том, кто я. И осознание этого разъедало мое сердце, словно я окунула его в кислоту.

— Яра. Яра, послушай меня внимательно. Ты не виновата, хорошо? Ты ничего не могла тогда сделать. Это не твоя вина, что кому-то захотелось твоей смерти. Яра, прошло пятьдесят лет — любые раны со временем заживают, любая боль понемногу отступает. Ему сейчас не так больно, слышишь? Он справился. Поэтому тебе не нужно сейчас бежать к нему и рассказывать о том, что ты жива. Подожди, слышишь? Он... он не знает о том, что ты можешь быть жива — никто такое даже предположить не может. А значит, он может подождать. Ты можешь рассказать ему потом, позже, когда узнаешь имя своего убийцы. Яра, послушай, это опасно. Это очень опасно. Если ты сейчас расскажешь ему о том, что ты жива, это может подвергнуть его жизнь опасности. Он не успокоится, пока не отыщет того, кто убил тебя. Он и сейчас ищет, но, узнав, что ты жива, он утроит свои поиски. И это привлечет внимание слишком многих. Понимаешь?

— Дд-а, — хрипло произнесла я, — это привлечет внимание убийцы. А он влиятелен и опасен, он может попытаться убрать Дарриана, чтобы Дар не узнал правду.

— Верно. Ты же сказала, что тебя предал кто-то близкий, верно? Значит, твой враг приближен к императорской семье. А это очень опасно. К тому же рано пока кому-то знать о том, что ты жива. Пойми, Дарриан — темный маг. Могут пойти нехорошие слухи о том, что ему каким-то чудом удалось вернуть тебя из мира мертвых. Кстати, а ты сама уверена, что это не он тебя вернул?

— Уверена. Я перед своей смертью провела ритуал. Хотя... сейчас я не могу быть ни в чем уверена. Возможно то, что я вернулась, не случайность. Эти сказки про душу темного мага...

— Вот, видишь? Тебе пока нельзя рассказывать ему правду. Слишком рано. Все, успокоилась? Хорошо. А теперь послушай — держаться вдали от ректора не получится. Сама же видишь — тебя тянет к нему со страшной силой. Ант, это ведь только одностороннее притяжение, верно?

— Да. Я не чувствовал, чтобы ректора тянуло к мелкой. Хотя я его вообще довольно плохо ощущаю. Темный маг, да и еще идеальный контроль эмоций — что я еще могу сказать?

— Понятно. Ладно, будем верить, что его и дальше к тебе не будет так тянуть. А вот тебе стоит держаться к нему поближе. Хотя бы какое-то время. Думается мне, что все же с душой темного мага не все так просто. А так, почувствовав, что ты находишься рядом с основным носителем души, та его частичка души, что находится в тебе, успокоится и перестанет тебя так тянуть. Ну, я так думаю.

— Главное, чтобы «основной носитель души» не почувствовал притяжение, — произнес Ант.

— Не должен. Не почувствовал же за это время?

— Что ж, основная задача ясна — нужно сделать все, чтобы Яра находилась поблизости от ректора как можно чаще и дольше. А значит, теперь нам жизненно необходимо приложить все усилия для того, чтобы он для наставничества выбрал нашу группу. Яра, готовься, ближайшие дни будут очень непростыми.

На это я лишь обреченно застонала — я прекрасно понимала, что моя первоначальная задача не выдать себя усложнилась в десятки раз.

И теперь будет действительно очень сложно.

Отступление 1. Дарриан

В ней было что-то особенное, но, как бы долго и пристально не наблюдал за ней, я все никак не мог понять, что именно.

Она, на первый взгляд, ничем не отличалась от прочих студентов, что за свою жизнь я наблюдал немало. В чем-то она была более одаренной, в чем-то менее. И не сказать, что она была совершенно обычной — все же своим упорством и трудолюбием она за это время достигла большего, чем достигали другие студенты. Она была талантливой, да.

И это все было не то...

Не из-за этого каждый раз мой я ненароком выискивал ее в толпе и, увидев ее, больше не мог ни на кого смотреть. Она... она была сияющим, ярким огоньком среди серой, безликой толпы.

И я действительно никак не мог понять, что меня цепляло в ней? Что же в ней было такого, что мой взгляд каждый раз невольно останавливался на ней? Что в ней было особенного? Почему при взгляде на нее у меня возникает чувство, словно мои легкие начинает кто-то сживать? Почему, наблюдая за ней, я испытываю это странное ощущение, что я ее знаю? Что я уже знаком с этой девушкой?

Все эти чувства... они сбивали меня с толку, выводили из равновесия, вносили хаос в мою спокойную, размеренную жизнь.

Наверное, все оттого, что она напомнила мне о совершенно другой девушке, о той, что стала моим светом во тьме моей жизни, о той, чья жизнь уже давно навечно потухла. Эта студентка ненароком разбередила мои старые раны.

Это случилось внезапно, когда я совсем не был к этому готов. Сейчас даже и не вспомню, откуда я возвращался. Помню лишь то, что, как обычно проходил мимо полигона, где студенты отрабатывали приемы, когда услышал:

— Учитель!

И я пропал. Замер, словно громом пораженный. Застыл. Затаил дыхание, словно и вовсе разучился дышать.

Этот голос был мне слишком хорошо знаком. Его звонкое звучания я не мог перепутать ни с чем. Слишком часто мне приходилось слышать этот голос, слишком дорог он мне был.

А уж когда я посмотрел в ту сторону, откуда раздавался голос, то я и вовсе едва не сошел с ума.

На мгновение мне показалось, что это она стоит на полигоне. Это ее волосы взъерошил легкий ветерок, это она подпрыгивает от нетерпения, ожидая, когда учитель что-то ей ответит.

А потом эта девушка обернулась, и я осознал, что это — не она. Эта девушка просто не может быть ей, ибо она уже давным-давно мертва.

И стало так больно...

Смутно помню, что было дальше в этот день. Кажется, заглушая боль, я напился так, как не напивался уже очень долгое время.

А я не мог иначе — перед глазами все время стояла она.

После того дня я с головой ушел в работу — тем более времени на отдых, а значит, и на размышления и так было не очень много.

И я даже уже почти забыл о том случае, как вдруг вновь встретил эту студентку. Эту нашу встречу вряд ли можно была назвать случайной — я целенаправленно шел посмотреть на эту Яру, что так заинтересовала Эйдина — моего хорошего друга и по совместительству учителя в этой Академии, что присутствовал при приеме этой студентки на обучение к нам. Эйдин уже несколько недель твердил о том, что отыскал «редкой драгоценности камень» среди поступивших, и я обязательно должен взглянуть на студента, что так его заинтересовал.

В итоге я сдался и действительно пошел смотреть на этот «драгоценный камень». Но я и подумать не мог, что этой «драгоценностью» окажется именно эта девушка.

В тот день я, наверное, не единожды проклял судьбу за ее жестокие шутки.

Это явно было насмешкой судьбы — то, как были похоже эти две девушки. И внешность тут даже не являлась главной похожестью — хотя и было в них что-то общее. Того же цвета волосы, та же фигура, тот же рост.

Они были похожи внутренне — мне казалось, даже в движениях этой девушки я вижу ту, что любил больше жизни. В жестах, в мимике, в разворотах и наклоне головы. Что уж говорить про голоса — стоило мне закрыть глаза, как я тут же видел перед собой не свою студентку, а ту девушку, за кем я следовал тенью.

А уж то, что даже их имена были схожи — Яра и Ярина — казалось мне наивысшей степенью издевательства судьбы.

И я наблюдал за ней. Изредка, издали, чтобы не смутить ее своим интересом, я смотрел на нее и находил как сходства, так и отличия. Последних было больше — и это было хорошо. Потому что, цепляясь за эти отличия, я постепенно смог отделаться от того чувства, что передо мной стоит Ярина. Не до конца, увы, но теперь, глядя на эту студентку, я видела в ней Яру — совершенно незнакомую мне девушку. И лишь изредка в этой девушке проскальзывали черты Ярины.

Так что да, спустя какое-то время я смог увидеть в Яре незнакомое мне человека.

Это стало достижением для меня. И хорошо, что я все же смог это сделать — Яра, как и остальные ребята из ее группы были действительно одаренными и талантливыми ребятами. Лучшими из этого курса. И я просто не мог упустить их, не мог не предложить им себя в наставники.

И все же, даже откинув в сторону похожесть этой девушки на Ярину, я все никак не мог отделаться от того ощущения, что с ней не все так просто. Что в ней все же есть что-то, что цепляло меня за живое.

Но я все никак не мог понять, что же в ней есть такого особенного...

Впрочем, у меня был как минимум целый год для того, чтобы выяснить это.

Глава 20. Учебные будни и очередное испытание

Нам все же в итоге удалось заполучить ректора в наставники.

Было ли это сложно? Ничуть. Мне даже показалось, что сам Дарриан делал все, чтобы заполучить именно нашу группу к себе в ученики.

Впрочем, возможно, так и было. Вот только причины у нас были разные.

Мне стало легче. Теперь, когда я начала проводить с наставником по несколько часов в день, та часть меня, что неистово рвалась к Дарриану, отпустила. Теперь мне уже не хотелось тотчас бежать к нему, чтобы обнять и прижаться как можно ближе. Лишь изредка в душе появлялась тоска и возникало желание подойти к Дару и признаться в том, кто я такая.

Но ребята были правы — я не могла так поступить, если не хотела подвергнуть опасности не только свою жизнь, но и жизнь близких мне людей.

И все же как же порой хотелось подойти к Дару, обнять, взъерошить его волосы и, как это бывало раньше, болтать с ним обо всем и ни о чем до позднего вечера. Теперь, имея возможность видеть его и говорить с ним, я остро начала ощущать тоску по нашим разговорам и безобидным перепалкам.

Мне невероятно повезло, что Ант и Лин в это непростое для меня время находились рядом. Как только они начинали чувствовать, что я начинаю скучать по Дарриану и прошлому, что связывало нас, они тут же хватали меня под руки и делали все, чтобы меня растормошить. В общем, не давали впадать в уныние и меланхолию.

Вообще, отбор и «обряд» в наставничество прошел весьма буднично. Не было ничего грандиозного или особо запоминающегося. Просто всю вторую половину второго года обучения за нами наблюдали наставники, а затем, под конец второго года, когда мы уже сдали все экзамены и прошли проверки, нашу группу вызвали и рассказали о том, к кому мы можем попроситься в ученики. Особого выбора, по правде говоря, нам и не предложили — никто не сомневался, что мы выберем ректора. Ну или он выберет нас — это уж с какой стороны взглянуть.

Нам даже дали пообщаться с ректором, чтобы мы смогли понять, готовы ли мы его принять в качестве наставника.

Разговор, правда, получился коротким и несколько скомканным. Я молчала — ибо боялась, что стоит мне открыть рот, как я тут же выболтаю все свои тайны. Уж слишком тянуло меня к Дарриану — и это даже несмотря на то, что я старалась держать свои эмоции под контролем. Ант тоже старался мне помочь, убавляя яркость моих чувств. Так что и он тоже молчал.

Поэтому за всех пришлось отдуваться нашему рыжему другу. И даже за ректора, потому что Дарриан тоже не отличался красноречием. Он и раньше-то никогда не отличался болтливостью, так что ничего удивительного в том, что он отвечал односложно, не было. И вопросов нам он практически не задавал — словно и так знал, какое решение мы примем. Хотя тут сложно было не догадаться.

Станным было несколько другое — Дарриан довольно часто задерживал взгляды на мне, словно пытался что-то разглядеть. Да и потом Ант нам рассказал, что, несмотря на то, что ректор держит свои чувства под жестким контролем, проскальзывала в его эмоциях некоторая заинтересованность во мне.

В том, что он не догадался, кто я такая, мы не сомневались — иначе реакция была бы совершенно иная. Но его заинтересованность во мне немного настораживала — неужели что-то во мне его насторожило? Или мы накручиваем себя, и я ему была любопытна лишь как его ученица?

В общем, к началу третьего года обучения мы все были, как на иголках. А потом началась учеба и... ничего не произошло. Никаких разоблачений. Вообще ничего, что могло бы нас насторожить.

Дарриан просто начал нас обучать работать группой в полевых условиях. Мы часто выбирались за пределы города, где отрабатывали навыки сражения в полевых условиях. Иногда мы до позднего вечера засиживались нашей рабочей комнате, где пытались разрешить задачу, которую нам поставил Дарриан. Иногда мы тренировались на полигоне, иногда нас даже брали на задание, которое щедрой рукой выдавалось Тайном ведомством или какой-нибудь сыскной службой. Таким заданиям обычно не было конца, и, пусть все они были незначительны, это было для нас хорошей тренировкой.

Так прошло еще полгода, которое выделялось в основном для того, чтобы познакомить нас с различными видами работы.

И теперь наступало время, когда наставник начинал вплотную заниматься с группой, уделяя внимание каждому члену команды.

К этому времени моя болезненная тяга к Дарриану сошла на нет, но я все равно опасалась того, что она может вновь неожиданно возникнуть. Да и без этого притяжения было из-за чего волноваться — все же нам предстояло провести очень много времени с Даррианом. Пусть и эти полгода он довольно много внимания нам уделял, но все же большую часть времени он нас спихивал на кого-нибудь другого. То одно задание, то другое, и с каждым мы должны были справиться самостоятельно.

Сейчас остается только удивляться, сколькому за эти полгода мы смогли обучиться. А ведь до этого я как раз раздумывала над тем, что три года на обучение — довольно мало. Теперь понимаю — этого вполне достаточно при таком индивидуальном подходе к каждому.

Это нашей группе чего только выполнять не приходилось. Кому-то было проще — некоторых готовили к чему-то более определенному, к более узкой направленности. Кого-то практически все время гоняли на полигоне, кто-то дневал и ночевал в архивах. Индивидуальный подход к каждому был оправдан — уже сейчас были заметны значительные результаты у каждого.

А мы с ребятами, как угорелые, носились от задания к заданию, понимая, что готовят нас, вероятнее всего, именно как многопрофильных специалистов. Здесь мы готовились и как группа быстрого реагирования, и как шпионы, и как силовики... Да кем за эти полгода нам только не удалось побывать.

И вот теперь настало время индивидуальных занятий именно с Даррианом. И никто из нас троих даже представить боялся, что нас вообще может ожидать.

Именно поэтому на первое наше индивидуальное занятие мы шли с замирающим сердцем.

Но ничего страшного в итоге не произошло.

Сначала нам предложили присесть, после чего нам дали задание — проанализировать сильные и слабые стороны каждого члена группы. Мы настолько часто это делали, что нам даже не понадобилось время на размышления — мы тут же рассказали все, что требовалось.

Только потом я сообразила, что таким своеобразным образом Дарриан отвлек нас от волнения — ведь во время рассуждений мы расслабились и первая неловкость ушла.

После того, как каждый из нас высказался, Дарриан предложил каждому из нас потратить несколько недель на усиление и улучшение того, что мы имеем, но что еще не особо тренировали.

Например, Лину ректор предложил пройти двухнедельное обучение у целителей в одной из больниц столицы. Да, мы знали, что наш рыжий друг имеет неплохую предрасположенность к целительству, но у него постоянно не хватало времени заняться этим направлением — именно здесь спешка может быть смертельно опасна. А ведь когда-нибудь может случиться так, что нам необходима будет не сила война, а помощь целителя.

Анта отправили к учителю, что работает со стихиями. Мы знали, что у нашего эмпанта есть некоторая предрасположенность к стихии воздуха, но использовать эту стихию где-то... Если бы Ант был сильнее, то эту силу можно было использовать в бою, но сил хватало только на самые простые вещи.

Но, оказывается, даже с такой небольшой силой можно многое сделать. Отправить воздушного вестника, узнать у ветра какую-то информацию, нашептать ветру... В общем, эти две недели Ант будет заниматься более углубленным изучением стихии воздуха.

Мне же предложили поработать в особенной области артефакторики, к которой я еще даже не приближалась — к порталной. На самом деле, это лишь отдаленно относилось к артефакторике, но, так как в большинстве случаев для перемещения использовали какую-то вещь, заключая в нее портал, то создание амулетов переноса все же стали относить к этой области.

Создавать порталы было очень сложно — здесь требовались и тонкий расчет, и учет многочисленных условий, и неплохой резерв. Но создавать амулеты переноса было еще сложнее — на создание одного такого амулета могло уйти больше недели. И далеко не факт, что все получится.

Но в таком амулете был несомненный плюс — он мог переместить человека откуда угодно, даже из места, где не работает магия. И порой именно такие амулеты становились единственным спасением отряда, угодившего в ловушку.

Но, как я уже говорила, на это уходило очень много времени, так что до этого момента я все никак не решалась взяться за изучения данной области магии. И вот ректор даже отыскал специально для меня учителя, который объяснит мне основы создания амулетов переноса.

Так что задание Наставника пришлось как нельзя кстати. Дарриан сказал нам, чтобы мы сообщали ему сразу же о любых наших успехах, после чего отпустил к учителям.

Это даже было не смешно... Я была уверена, что у меня возникнут трудности при общении с Даррианом. Но в итоге все прошло гладко. Зато трудность возникла совершенно в другом месте — мне все никак не удавалось создание амулета переноса. Даже самый простой, где требовались лишь минимум расчетов, мне не давался. Учитель, дав мне необходимый объем информации, ушел, оставив меня одну. Сказал, что помочь мне ни с чем не может и здесь может помочь лишь одно — постоянная работа и тренировки. Ни у кого такие амулеты не выходили с первого раза. Но, как только первый амулет сработал, работать

с этой областью магии становилось легче в несколько раз.

Удивительно, но для того, чтобы создать первый свой такой амулет всем требовалось какое-то время. Словно пока ты не пропитаешься этой «магией», у тебя ничего не выйдет.

Но две недели были уже на исходе, а у меня не было вообще никаких результатов. Впервые за всю мою жизнь я никак не могла разобраться с чем-то, несмотря на то, что я прикладывала много усилий для этого. Мне даже эти расчеты уже во сне стали сниться.

Думаю, именно поэтому, когда у меня все же получилось создать этот амулет, счастье переполнило меня, и мой разум ненадолго отключился. Я даже не помню, как добралась до кабинета Дарриана...

Нет, ну он же сам сказал, чтобы мы ему о своих успехах сообщали в любое время дня и ночи. Он особенно это отметил, сказав, что это действительно важно. А если учесть, что за все это время у меня не было никаких успехов... Да и просто хотелось поделиться с Даррианом радостью — как тогда, в прошлом, когда я делалась с ним своими успехами и победами.

Да, от счастья у меня точно рассудок повредился. Иначе никак не объяснить то, что я домчалась до его кабинета, пролетев мимо его секретаря, который что-то пытался мне сказать и, постучав в дверь, но так и не дождавшись ответа, влетела к Дарриану.

— Наставник, у меня получилось! — воскликнула я, только после этого заметив, что Дар в кабинете не один.

Кажется, подобные сцены я не единожды встречала в книгах и сериалах. Когда жена влетает в кабинет к мужу и встречает там своего благоверного с любовницей в весьма компрометирующей позе... И, боги, лучше бы это была и правда любовница.

Но нет. Мне так повезти не могло.

На диване, что находилось напротив кресла, за которым сидел Дарриан, вальяжно расположился мужчина, который сейчас с каким-то живым, исследовательским интересом рассматривал меня.

Судорожный вздох при виде него, увы, удержать не удалось.

Уж слишком неожиданно для меня я вновь столкнулась со своим прошлым.

И, пусть и прошло пятьдесят лет и многие из моих знакомых и близких изменились, не узнать в этом импозантном, харизматичном и даже на вид опасном мужчине своего друга детства и свою первую влюбленность я просто не могла.

Передо мной действительно сидел он — моя первая любовь, мое яркое солнце, что могло рассмешить меня в любую минуту. Мой неунывающий, вечно смешливый мальчик с насыщенно-зелеными глазами, в которых так ярко сияла жизнь.

Это был он.

Это был Лео.

Глава 21. "Цветочек"

Пауза затягивалась.

Я все никак не могла прийти в себя — встреча с Лео выбила меня из колеи. Слишком неожиданно, слишком быстро — я едва успела смириться с мыслью о том, что мне придется очень часто находиться рядом с Даром. А тут еще и Лео... Неудивительно, что не смогла сдержать резкого вздоха при этой встрече. Хорошо еще, что только вздохом все и ограничилось — я словно онемела и не могла произнести ни слова. Да и даже если бы могла — много ли я бы сказала?

— Яра? — в голосе Дара только глухой не расслышал бы беспокойства.

Это неожиданно успокоило, заставило прийти в себя.

Ну и удивило, конечно — с чего бы такое неприкрытое беспокойство? Или я так плохо выгляжу, что заставляю остальных переживать о моем самочувствии? Но Лео не выглядит встревоженным. Может Дар так обо всех своих студентах волнуется? Не замечала. Возможно, конечно, но...

Но даже Лео, перестав разглядывать меня, перевел взгляд на Дара, и теперь смотрел на него удивленно, даже несколько ошарашено, словно увидел восьмое чудо света.

— Яра, все в порядке? — вновь спросил Дар, и я осознала, что до сих пор еще ничего не ответила.

— Да. Да, Наставник, все в порядке. Кажется, я несколько переусердствовала в тренировках по созданию амулетов переноса. Но у меня наконец-то все получилось, — радость от первого успеха в этом нелегком деле была начисто смыта шоком и беспокойством. Даже улыбка, что я выдавила из себя, не смогла никого из присутствующих обмануть.

— Ты молодец. И правильно сделала, что сразу же пришла и сообщила о своих успехах, — похвалил меня Дар, но из его голоса до сих пор не пропало беспокойство. Волнуется? Переживает за меня? Но почему?

И почему это интересует и беспокоит не только меня, но и Лео? А в том, что это его беспокоит, я не сомневалась — это было видно. Он, нахмурившись, смотрел на Дара, словно тот делает что-то необычное и... плохое? Неправильное? Словно волноваться о ком-то — это то, что Дар делать не может. Не должен, я бы даже сказала.

Да и на меня теперь Лео начал поглядывать не только с любопытством. Этот взгляд сложно было разобрать — слишком много в нем присутствовало. Здесь и словно охотничий азарт, и исследовательский интерес, и что-то такое, что я разобрать и вовсе не могла.

Как проще было бы, если бы сейчас рядом со мной были ребята. Ант бы мог утихомирить мои эмоции и попробовать прочесть Лео — точнее увидеть то, что он сейчас чувствует. А Лин бы тем временем отвлек бы внимание на себя, при этом ненароком смог бы выудить какую-нибудь интересную информацию — в этом наш рыжий друг был хорош.

Но, кажется, я отвлеклась...

— Да, вы ведь просили сразу же сообщать. И извините, что так ворвалась. Я, пожалуй, пойду, — неловко произнесла я, спрятав руки за спину. Не нужно никому было видеть, как я нервно, до побледневших костяшек, сжимаю пальцы в кулаки.

— Дар дружище, не хочешь меня познакомить с этим очаровательным созданием? Твоя

ученица, да? Теперь я уверен, что она в итоге попадет к нам в ведомство. Об этой девушке уже ходит немало слухов среди моих ребят — все наперебой расхваливают ее способности. Ни за что не прощу себе, если этот цветочек не попадет к нам...

Цветочек.

Цветочек... Цветочек... Цветочек...

«... эй, Цветочек, я знаю одно место, которое мы еще не обследовали... Цветочек, я тут недавно прочел одну книгу, и знаешь, ты... ну что ты как маленькая, Цветочек, носишься здесь, смотри, вся в царапинах... Цветочек, держи нож, как положено, или ты хочешь оттяпать себе палец... что случилось, Цветочек?... не унывай, Цветочек, у тебя все получится... Цветочек, хватить сидеть в четырех стенах и чахнуть, тебе, как и цветочку, нужны солнце и свежий воздух... Цветочек...»

Цветочек.

Он называл меня так, в детстве. Называл так только меня, никого больше. Он ведь терпеть не мог цветы. Говорил, что лишь я — единственный цветок, достойный его внимания.

А теперь...

Теперь он совершенно незнакомую девушку называет моим детским прозвищем.

Моим.

Принадлежащим лишь мне одной!

Сколько он за все эти года называл «цветочками»? Неужели совсем забыл?

Я не могу ничего требовать, верно. Его «Цветочек» из детства погиб. Но услышать из его уст свое прозвище, когда он обращается к другой...

Это больно.

— ... так что, цветочек, будь уверена, никаких проблем с нами не будет, — произнес Лео, с каким-то странным весельем глядя то на меня, то на Дара.

Ну уж нет!

— Я. Не. Цветочек, — холодно произнесла я, из последних сил сдерживая даже не злость — ярость, рвущуюся наружу.

Ложь.

Какая же это все-таки ложь — ведь я именно та, кого Лео раньше называл этим прозвищем. Это даже несколько забавно — то, что он вот так, случайно, попал прямо в цель. Я бы, наверное, посмеялась над данной ситуацией.

Но мне было совсем не смешно.

Кажется, такого поведения от меня никто не ожидал. Лео, резко перестав улыбаться, впервые с нашей встречи посмотрел на меня серьезно, пристально, словно в моих словах было что-то особенное. Словно этим своим выпадом заставила очнуться, отбросить смех, прийти в себя, задуматься... Мне даже на мгновение показалось, что он пожалел о таком обращении в мою сторону. Более того, мне почудилось, что он увидел, как невольно причинил мне боль своими словами. Увидел, как это прозвище задело меня за живое...

Он молчал. Не говорил ни слова, лишь внимательно смотрел на меня своими глазами.

До боли знакомыми глазами.

И этот взгляд рвал мне душу. Навевал такие воспоминания, от которых начинало першить в горле, а на глазах начали наворачиваться слезы.

Я не могла позволить им увидеть свою слабость. Свою боль.

— Извините, Наставник, мне действительно нужно идти, — произнесла я и, коротко

поклонившись обоим мужчинам, выскочила из кабинета, сдерживаясь из последних сил, лишь в последнее мгновение, заметив, что Дар, кажется, еще более обеспокоенно смотрел на меня.

Нужно было убираться отсюда. Как можно дальше. С них станется остановить меня и потребовать объяснения. А я не уверена, что смогу выдержать их внимание даже минуту.

Не хватало им видеть, насколько сильно меня задела эта встреча. Я и так, кажется, провалилась по всем фронтам. И мне определенно нужно в самое ближайшее время обдумать, что я буду говорить Дару. Не сомневаюсь, что он спросит о моей неоднозначной реакции на эту встречу и на это прозвище.

Цветочек...

Цветочек, да? Вот, значит, как, Лео? Ты полюбил цветы? Или я уже перестала для тебя быть «единственным цветком, достойным внимания»? Так ты, кажется, раньше говорил...

Часть меня понимала, что обижаться, как минимум, глупо. И еще более глупо думать, что он, спустя пятьдесят лет будет лелеять в памяти это детское прозвище. Да и обидеть он меня явно не хотел — не в его это правилах. А уж про особенную манеру разговора Лео не слышал разве что глухой.

Но мне все равно обидно. До слез, до сбившегося дыхания, до побледневших костяшек пальцев. До боли где-то внутри.

Словно красивейший цветок сорвали с куста и втоптали в грязь.

Словно лишь для меня одной то прозвище было ценно.

Значимо.

Наверное, я слишком наивна. Наверное, я слишком многого хочу.

Я так часто повторяю себе о том, что с тех пор прошло столько лет, но стоит мне лишь встретиться с прошлым, как я это тут же забываю. Часть меня подсознательно ждет, что они будут реагировать на меня, как раньше. Что наше общение продолжится, словно этих лет не было.

Вот только и я, и они уже не те, что раньше. И эта часть меня, что так держится за прошлое, злится. Наверное, лишь время способно уменьшить эту мою болезненную тягу к прошлому.

Что ж, ладно. Думаю, я смогу с этим смириться и как-то пережить.

Но если он еще раз посмеет назвать меня «цветочком»... я покажу ему, что не все цветы бывают безобидными.

Отступление 2. Леоррон

— И что это сейчас было? — голос Дарриана звучит строго, сурово, даже несколько зло. Это было странно — ведь я не сделал ровным счетом ничего, что вызвало бы такую реакцию. Хотя, если учесть то, каким взглядом смотрел друг на эту девчонку и то, как она неоднозначно отреагировала... Очень интересно...

— Я и сам не понял, — отвечаю я Дару и, внутренне скривившись, вынужденно признаю, что сказанное мной — чистая правда. И это не то, что мне нравится. Терпеть не могу чего-то не понимать, особенно если это что-то каким-то образом относится ко мне.

— А мне показалась, что вы с Ярой были знакомы и до этого.

— Да, я заметил ее реакцию. Но, Дар, я чем угодно готов поклясться, что до этого дня я с ней не встречался, — мой голос звучал настолько искренне, что Дар даже не стал сомневаться в правдивости моих слов. К тому же он и сам прекрасно видел, что я несколько обескуражен произошедшим.

— Странно. Мне показалось, что Яра тебя узнала. У нее вид был такой, словно старого знакомого после долгой разлуки встретила, — задумчиво произнес Дар, после чего добавил, — а вот то, что ты ее назвал «цветочком», ее сильно задело. А я тебе говорил, что эта твоя привычка всех девушек подряд называть цветочком может плохо закончиться.

— Да что в этом плохого? — привычно сделал вид, что возмущился. Не стоило ребятам знать всех истинных причин некоторых моих поступков. Иначе... Нет, понимающих и жалостливых взглядов я еще с детских времен терпеть не мог. А уж сейчас тем более не собираюсь. Поэтому пусть лучше злятся и не понимают, чем жалеют.

— Как минимум потому, что это звучит фамильярно и вызывающе вульгарно. Многие могу неправильно понять...

— Ты же знаешь, мне нет дела до остальных, — возразил я, перебивая друга. Этот разговор ведется уже не первый раз, и не сложно догадаться, к чему он в итоге приведет.

— ...и я никак не могу причину этому поступку. Ведь раньше ты так называл этим прозвищем только одного человека.

— Хватит, — резко бросаю я, раздраженно глядя на Дарриана. Кажется, ему доставляет истинное удовольствие напоминать о... о ней снова и снова. Нравится вновь и вновь вскрывать эту и без того кровоточащую рану, нравится причинять себе боль, истязая себя воспоминаниями.

Я знаю, что так он наказывает себя и нас заодно за то, что не успели в тот день.

Я знаю.

Я и сам себя виню. Сколько раз я просил прощение у нее во снах? Сколько раз она ускользала от меня, сколько раз я держал ее окровавленное тело в этих кошмарах? Не бывает и дня, чтобы я не вспоминал о ней.

Наверное, эта боль должна была нас сблизить так, как обычно сближает общее горе. Но в итоге ее смерть только отдалила нас друг от друга. И с тех пор каждый из нас по своему пытается справиться с этой потерей с переменным успехом.

Когда-то становится проще, легче. И тебе кажется, что рана начала затягиваться, заживать.

А потом ты понимаешь, что ничего не заживает, что все так же болит и кровоточит. Но

я лучше буду притворяться бесчувственным эгоистом, повесой и балагуром, у которого нет чувств, чем покажу кому-то правду.

Обнажить перед кем-то душу?

Была одна девушка, перед кем я готов был полностью раскрыться. Кому без страха готов был показать свое истинное лицо, зная, что это не отпугнет ее, что она не отшатнется в ужасе, что она примет любым. Станным, сломленным, с обезображенной, порванной в клочья душой — примет.

Вот только она умерла.

А я слишком поздно понял, что она значила для меня гораздо больше, чем я мог себе представить.

— Хватит, — повторяю я вновь, но уже не для Дара, а для себя.

Действительно, не время для размышлений о ней. Не сейчас.

— Как скажешь, — спокойно отступает Дарриан. Как я уже говорил, это был не первый наш разговор, и он обычно заканчивался одним и тем же. И не жалко же тратить на это время! Обычно я после такого прощался и старался поскорее покинуть кабинет ректора Академии Яриан, но сегодня... Сегодня был особенный случай, и было кое-что, что меня заинтересовало.

— Ты точно уверен в том, что раньше не встречался с Ярой? — вновь спросил Дарриан, старательно делая безразличный вид.

Но я слишком хорошо знал его, чтобы поверить в эту игру. Нет, друг вовсе не настолько безразличен, как хотел бы показаться. Но почему его вдруг так взволновало то, что произошло в кабинете? Все дело в этой девушке, в Яре? Неужели произошло чудо и хоть одному из нас троих удалось встретить ту, что после стольких лет смогла проникнуть в сердце? Интересно, очень интересно. Нужно будет узнать о ней побольше. Уж если она смогла запасть в сердце к самому от замороженному из нас троих, значит, в ней действительно есть что-то особенное.

— Не уверен, — наконец-то произношу я.

А я и правда не уверен, что никогда с ней не встречался.

— Дар, я точно помню, что не встречался с ней раньше. Что я раньше не видел ее. Но ты сам знаешь, на что способна магия — мало ли что. Вдруг она была под иллюзией. Сам понимаешь...

— Нет. Ты видел, как она отреагировала? Так не реагируют на людей, с которыми произошла один раз случайная встреча. Нет, здесь должно быть что-то большее. К тому же то прозвище, что ее так обидело... Она выглядела так, словно ты нанес ей едва ли не смертельное оскорбление, а не назвал цветочком.

— Верно, ее это почему-то сильно обидело. Надо же, это, наверное, вторая женщина, которую я обидел за всю свою жизнь. А если не считать мою бывшую, Элианну, то и вовсе первая. Ты бы ее расспросил, что ли. А то неловко получается — вроде обидел, а за что — не знаю. Может, я действительно виноват. Да и не хотелось бы начинать наше общение на столь негативной ноте — все-таки я не врал, когда говорил о том, что для нее и ее команды уже готовят места в ведомстве.

— Расспрошу, — произнес чем-то недовольный друг, — а по поводу ведомства — не слишком ли рано об этом говорить?

— Дар, — протянул я, прищурившись, — мне об этой Яре уже два года в уши жужжат. И все только и делают, что расхваливают ее, говоря о том, что она — идеальный работник для

нашего ведомства. И ты мне сейчас говоришь, что об этом рано говорить? Что происходит?

— Ничего не происходит, — быстро ответил Дар. Слишком быстро.

— Дар, сколько лет мы с тобой знакомы? Я же тебя знаю, как облупленного. Почему тебя вдруг взволновала эта девушка? И даже не говори, что ничего подобного нет — я уже видел, как ты пристально наблюдал за ней, стоило ей только появиться в этом кабинете. Ты не за одной студенткой так не наблюдал.

— Тебе показалось, — холодно произнес Дарриан.

— Нет, друг, мне не показалось, — поднявшись с дивана, произнес я, — она чем-то зацепила тебя. И зацепила сильно. И знаешь, что я тебе скажу... прошло пятьдесят лет. Это достаточный срок, Дар. И если у тебя появился шанс на счастливую жизнь — не упусти его. Иначе... Дар, уж если она тебя зацепила, то значит она действительно особенная. Упустишь ее ты — не упустят другие. И кто знает — быть может, это буду и я.

На самом деле я и не собирался отбивать девушку у друга. Ту, что я любил, уже не вернуть, а наследник, слава богам, уже имеется. А Элианна, моя бывшая женушка, кажется и вовсе отбила все желание построить отношения.

Вот только я очень хорошо знал Дарриана — он еще долго будет мучиться в нерешительности. И далеко не факт, что решится, а когда решится, то может оказаться, что уже слишком поздно. Мы уже однажды это проходили, и я не хотел бы, чтобы Дарриан упустил еще одну возможность стать счастливым. И если для этого ему нужен толчок — что ж, я всегда готов помочь своему другу.

А еще стоило навести кое-какие справки об этой девушке. Пусть я и сделал вид, что меня не особо обеспокоила реакция Яры, на самом деле... На самом деле было в ней что-то такое, что цепляло, не отпускало, не давало покоя. То ли ее взгляд, то ли голос, то ли жест — что-то в ней было словно смутно знакомым. И я бы, наверное, не обратил на это внимание, если бы не ее реакция. А так... если соединить эти детали, то получалось кое-что весьма интересное.

И выяснение подробностей из интересной, но необязательной работы, переросло в жизненно-необходимое дело, которым следовало заняться в самый ближайший срок.

Глава 22. Принятые решения и вопросы без ответов

Встреча с Лео принесла не только минусы в виде воспоминаний, что разбередили душу и небольшого нервного потрясения, но и неожиданные плюсы. После этой встряски я наконец-то перестала находиться в каком-то апатичном состоянии, что сменялось нервной возбудимостью, и пришла в себя. Поняла, что все, хватит, пора действительно брать себя в руки и начать трезво думать головой. А то я что-то расслабилась с этими воспоминаниями о прошлом, разнюнилась и совершенно перестала напоминать саму себя.

Все. Хватит.

Решила оставить прошлое в прошлом — значит, так и сделаю. И нечего тут... Я приняла решение — все, оно окончательное и изменению не подлежит.

Вот найду того, кто стоял за моим убийством — тогда и буду размышлять о том, стоит ли кому-то что-то рассказывать. Вряд ли я решусь раскрыть правду раньше — слишком много неконтролируемых последствий будет от этого решения. Так что никакой правды — если только от этого не будет зависеть моя или чья-либо чужая жизнь. Иначе — нет. Ну правда, хватит рефлексировать.

Это решение, в свою очередь, отразилось на всем остальном — в том числе и на общении с Даррианом.

Я совершенно перестала беспокоиться о том, что он о чем-то начнет догадываться и просто получала удовольствие от нашего общения.

Изменения во мне заметили, и парни и не могли не спросить об этом. А узнав о том, что произошло, едва ли не отправились мстить Лео. И главное, непонятно за что — я довольно быстро поняла и приняла тот факт, что обижать меня Лео не намеревался. Кто ж мог подумать, что у меня такая тонкая душевная организация, и я обижусь на такую мелочь?

Спрашивал о моей реакции на Лео и Дарриан. Ему я выдала весьма обтекаемый ответ — рассказала о том, что Лео напомнил мне о моем прошлом, о котором я уже успела позабыть. И его невинное обращение ко мне тоже напомнило о прошлом — о человеке, который когда-то так меня называл и с которым теперь я, увы... Что «увы» — не объясняла, но сделала такое скорбное выражение лица, что у Дарриана не осталось сомнений — Лео напомнил мне об умершем человеке. А я переубеждать никого не стала — уж лучше пусть будет так.

Вообще, наше общение с Даррианом довольно сильно изменилось.

И, если я решила расслабиться и просто наслаждаться нашим общением, то он...

Он начал вести себя несколько... странно? По правде говоря, сложно было сказать, что в нашем общении изменилось, и не я ли стала причиной тому, что Дар стал вести себя со мной более открыто.

Да, я бы сказала так. Он стал более откровенен, более внимателен. Он словно пытался медленно, неуловимо, но неотвратимо приближаться ко мне. Это сложно было заметить и, если бы я его не знала раньше, то и не поняла бы, не заметила этих изменений в его поведении.

Но я слишком хорошо его знала.

Поэтому и была удивлена, когда заметила, что он словно пытается меня выделить среди остальных, пытается уделить мне чуть больше внимания, пытается научить чему-то большему, чем обычно.

Это было странно и совсем не похоже на него. И одновременно с этим это так сильно напоминало мне то время, когда мы только познакомились и начали искать точки соприкосновения, общие темы для разговоров.

И я бы даже подумала о том, что я заинтересовала Дара, как девушка, если бы это имело хоть какой-то смысл. Вот только этого не могло случиться. Просто не могло. Разве только если он не заинтересовался мной не как девушкой, а как тенью той, которую он любил в прошлом.

В общем, ситуация была непростой и несколько неоднозначной, но с этим можно было жить.

Я продолжала в свободное время работать с порталными амулетами, и это уже давало свои результаты — теперь я могла создавать амулеты намного быстрее, чем раньше. Да, даже на самый простенький амулет, что переносил всего лишь на пару метров, уходило не меньше суток работы, но и это для меня было достижением.

А еще Дар однажды привел меня к какому-то дому и показал, как работает защита от таких амулетов. Правда, она была не идеальной. Здесь, например, если у человека имелся своеобразный доступ на территорию дома, то он мог переместиться с помощью амулета. И притянуть заодно и кого-нибудь другого. Хозяин дома, правда, сразу же получал об этом сигнал, но все же, если вдруг кто-то решит предать хозяина такого дома и привести с собой армию врагов, то спастись будет непросто.

Риск, конечно, оправдан, но все же...

Оказалось, этот дом принадлежал Дару. Он жил здесь мало, редко, в основном предпочитая ночевать в Академии. Так что этот дом был жилым лишь во время летнего отдыха, да и в редкие моменты, когда нужно было принять гостей.

И, даже несмотря на то, что появлялся в этом доме Дарриан редко, он дал мне доступ сюда.

Сказать, что я была удивлена — ничего не сказать. Почему? Отчего такая уверенность во мне? Почему он доверяет мне настолько, что дает мне доступ к своему дому, к своей крепости? Дар ведь никогда раньше не был таким наивным и доверчивым, так почему он так просто дает мне доступ к себе домой? Или это какая-то проверка?

Я не знала ответы на свои вопросы. Более того, я вообще знала лишь одно — данная ситуация меня невероятно смутила и встревожила. Что-то я не понимала в данной ситуации, что-то упускала, но что именно? Ответов не было...

День сменялся днем, неделя неделей — время утекало сквозь пальцы.

Учеба под наставничеством Дара оказалась настолько увлекательной, что я даже не заметила, как пролетело полгода.

И лишь когда Дар неожиданно заговорил о том, что в Тайном ведомстве нас уже ждут, я осознала, что время обучения в Академии подошло к концу.

Совсем скоро Дар проведет для нас последнее занятие, мы сдадим экзамены, пройдем испытания... и все. Настанет время прощаться с Академией.

И с Даррианом.

И если к первому я была морально готова — все же эта Академия изначально для меня являлась лишь промежуточным шагом на пути к достижению моей главной цели — поимки моего убийцы, то Дарриан...

С этим все было не так просто.

Я как-то совсем не подумала о том, что, закончив Академию, исчезнет повод нам с ним

встречаться. Обучение закончится, и я вряд ли смогу найти повод для встречи с ним.

И пусть за эти полгода мы стали довольно близки — ближе, чем наставник и его ученица, но все же даже до настоящих дружеских отношений мы немного не дотягивали. Ну найду я один раз повод, чтобы встретиться. Найду несколько поводов. И все это будет уже совсем не то.

Исчезнут наши ежедневные разговоры. Исчезнет повод встретиться и поговорить. Да и время — уже не так просто будет найти время для того, чтобы просто встретиться, не говоря об общении. А потом... знаете, как это бывает? Встречи будут становиться все реже и короче, а потом и вовсе исчезнут из нашей жизни. Мы не забудем друг друга, нет, мы просто станем друг другу чужими людьми.

Так что именно сейчас мне... нет, нам, нужно решать, что делать дальше.

Наше общение еще не зашло слишком далеко. Оно даже и не вышло толком за рамки общения «наставник-ученица». И если это общение и разрывать, то именно сейчас — чтобы не было больно... Хотя, я не уверена, что уже не поздно. И все же...

Все же именно сейчас стоит принять решение. Стоит ли нам переводить наше общение в простое знакомство, или же мы рискнем и попытаемся стать как минимум хорошими друзьями?

Я готова была рискнуть. Однажды я уже потеряла Дара — и последнее, что мне хотелось, это потерять его снова. Не уверена, что знаю причину этому нежеланию — потребность иметь хоть какую-то связь, соединяющую меня с прошлым, или же мои чувства, оставшиеся еще с тех времен, когда я была влюблена в этого темного мага?

Да и не нужно мне было, на самом-то деле, знать причину. Главным для меня было то, что я хотела этого общения, я готова была рискнуть.

Вот только готов ли Дар к этому? Нужно ли ему это?

Нужна ли ему я?

Отступление 3. Кириан

— Лео, что ты делаешь? — откинувшись на спинку кресла, устало спросил я.

Сегодняшний день выдался непростым: Року из команды Войресса неожиданно стало плохо — выяснилось, что его умудрились отравить и теперь должно пройти не меньше недели, прежде чем он восстановится и придет в норму. А это означало лишь одно — команду Войресса теперь не отправишь на запланированные задания. Кто бы что ни говорил обо мне, но я никогда понапрасну не рисковал своими ребятами.

После того, как прояснилась ситуация с Роком, неожиданно возникла другая проблема — с Гоэрдом Дофлором, этим мерзким слизнем, что по какой-то нелепой ошибке судьбы обладал титулом и был приближен к свите младшей принцессы Ирисы. Очередной скандал... Я бы уже давно самолично лишил его жизни, если бы мои руки не были так крепко связаны клятвами. Так что этот ублюдок вновь избежит очередного наказания.

Самое мерзкое, что я, и правда не мог ничего с этим поделать — для того, чтобы работать здесь, мне пришлось слишком многим поклясться императрице. И, пусть она и старалась не выходить за рамки дозволенного, но своей младшей дочери она безумно, слепо потакала. А та из-за этого выросла такой...

Даже вспоминать не хочется, до чего же наивным я был тогда. Стремился в это ведомство в надежде на то, что здесь у меня появится больше возможностей для того, чтобы выяснить, кто был причастен к смерти Ярины.

Наивно и глупо... Прошло уже пятьдесят лет. Я практически потерял надежду на то, что эта тайна когда-нибудь раскроется.

Наивно и глупо. Стоило ли это того? Стоили ли эти клятвы всей этой жизни? Забавно... Меня ведь не хотели сюда пускать — как же, сын предателя не может стать Главой Тайного ведомства. А я так рвался сюда... Глупец. И теперь, кажется, за это я должен расплачиваться своей жизнью — своим временем.

И ведь все эти неприятности свалились на меня в самом начале дня, и, стоило мне с ними разобраться, как тут же появились другие проблемы. И так целый день — то одна проблема, то другая.

Так что да, день был непростым. Но я уже даже привык к этому. Кажется, просто не будет никогда.

А тут еще и Лео чудит. Обычно он берет половину проблем на себя, а вот сегодня... Сегодня он словно сам не свой. И я практически уверен, что виной всему это его «загадочное дело», которым он уже занимается несколько месяцев.

— Ничего я не делаю, — проворчал Лео, мрачно глядя на какие-то бумаги.

— Так, может, займешься делом? — ядовито поинтересовался я — сегодняшняя нервотрепка подействовала на меня весьма отрицательно, вызывая раздражительность ко всему и всем, что окружало меня.

— Не могу, — простонал Лео, и с каким-то отчаянием откинул от себя документы, — даже если возьмусь сейчас за что-то, все равно не смогу ничего путного сделать. Это просто... Агрх, Кир, разве такое вообще возможно?!

— Что именно? — вновь устало спрашиваю я.

Я слишком хорошо знаю Лео — он прекрасный работник, но иногда его может на чем-

то переклинить. Такое случается с ним очень редко, но если у него появлялось вот такое дело — все, работать с ним в принципе будет невозможно. Пока он не докопается до правды, его сложно будет вообще чем-то отвлечь.

И меня очень интересовало то дело, что смогло его настолько сильно увлечь. Потому что до этого момента он скрывал от меня любую информацию, хоть как-то связанную с его интересом.

— Может ли человек просто взять и возникнуть из ниоткуда?

— Та-а-к, — протянул я, — а подробности мне полагается знать?

— Кир, — неожиданно серьезно произнес Лео, — я не хочу, чтобы ты делал поспешные выводы об этой девушке. А ты непременно сделаешь это, если узнаешь обо всем, что я смог узнать о ней.

— О девушке. Ты хочешь сказать, что эти полгода потратил на то, чтобы узнать информацию о какой-то там девчонке? — моему удивлению не было предела.

— Не о какой-то, а о вполне определенной. Она... весьма необычна, — произнес Кир, и сказано это было таким тоном, что я даже не нашелся, что сказать.

На моей памяти Лео так еще ни о ком не говорил. Даже о своей бывшей женушке, не к ночи будет помянута, говорил он в свои лучшие времена и то более спокойно.

Мне уже даже любопытно, что за девушка такая смогла так очаровать моего друга.

— Ладно. Постараюсь не судить о ней предвзято, — произнес я, хотя кое-какое впечатление о ней у меня уже начало складываться. Ну не случайно же Лео так рвется защитить ее от моих «неправильных выводов». Значит, с ней что-то не так.

— Помнишь девушку, о которой нам в последнее время все вокруг твердят? Об ученице Дара?

— М-м-м, было что-то такое. Яра, если не ошибаюсь? Для ее команды уже готовят места в нашем ведомстве.

— Так вот, это она.

— Хорошо, — протянул я, — и что с ней не так? Что в ней такого особенного?

— Я... Все началось с того, что я как-то заглянул к Дару в гости. И, когда я уже собрался уходить, появилась она. Мне... мне показалось, что она узнала меня.

— Ну, это неудивительно — вероятнее всего, вы уже встречались с ней до этого.

— Вот именно, что нет! Ты же знаешь, что у меня хорошая память на людей. Ее бы я точно запомнил.

— Может, вы с ней однажды случайно столкнулись где-нибудь? Все же твоя память не настолько идеальна. А девушке ты мог запомниться — они в большинстве своем падки на внешность и слетаются на тебя, как мотыльки на огонь.

— Нет. Была, конечно, такая мысль, но нет. Она определенно выглядела так, словно мы с ней были знакомы не один день. Это была не влюбленность в человека, которого видишь во второй раз в жизни. Нет, это было... мне показалось, она выглядела так, словно встретила своего старого, умершего друга. А потом она на меня жутко обиделась.

— Обиделась? На тебя? За что?

— За «цветочек», — сказал Лео, поморщившись, — я, по своему обыкновению, назвал ее цветочком. И ее это почему-то очень сильно задело. Выглядело так, словно я ее оскорбил.

— А у Дара ты спрашивать не пытался, в чем причина такой реакции? — уже с некоторым любопытством поинтересовался я. Действительно, реакция весьма непонятная.

— Спрашивал я у него. Он сказал, что я очень напомнил ее кого-то из его прошлого.

— Так может, в этом все и дело? А ты просто придумал на пустом месте то, чего не было.

— Нет, Кир. Вот хоть убей, но она узнала меня. Именно меня. Я уже как только не обдумывал эту ситуацию, я этот момент прокручивал в голове, наверное, тысячу раз. Поверь мне, Кир, она меня узнала. А вот я ее определенно никак не могу узнать. И, знаешь — она кажется мне такой знакомой. У меня чутье вопит, что я уже с ней где-то встречался. А вот память впервые подводит, — невесело усмехнулся Лео.

— Хорошо, отчасти я понимаю, почему ты ей вдруг так заинтересовался. Но потратить столько времени на поиски информации о ней... Не проще было все узнать о ней у Дара?

— Не проще. Он вообще отказывается о ней говорить.

— Дар? Отказывается говорить? — с сомнением поинтересовался я.

— Вот именно! Ведь все мы знаем, что она в итоге окажется у нас. И вся информация с ней станет для нас доступной. Так нет же, скрывает до последнего. Бережет свое сокровище.

— Бережет свое сокровище, — неверяще повторил я, — Дар? Ты уверен, что мы сейчас говорим об одном и том же человеке.

— А, да, я же не сказал, — несколько рассеяно пробормотал Лео, — Дар от этой девчонки без ума. Во всех смыслах. Так что не только меня она заинтересовала. Вот только интерес у Дара более глубокий... Я его давно не видел таким оживленным. Кажется, наш темный маг наконец-то отыскал ту, что станет хранительницей части его души.

— Да ты шутишь, — на выдохе произнес я, — ты сейчас серьезно утверждаешь, что Дар, наш Дар, который все это время оплакивал Ярину, вдруг влюбился в какую-то молоденькую девчонку?

— Ага. Как мальчишка, — сказал Лео, и было в его голосе что-то такое, что заставило меня напрячься. Может, некоторая грусть, легкая зависть и тщательно скрываемый интерес к этой особе?

— Но почему Дар не хочет рассказывать тебе о ней?

— Да я еще после нашей встречи с ней заметил его интерес. И имел неосторожность сказать ему, что если Дар вдруг упустит эту девушку, то найдутся другие желающие. Например я. Кто же мог подумать, что он увидит во мне угрозу?

— И ты серьезно бы...

— Да нет, ты что, Кир? Какие мне отношения? Я еще и от прошлого брака отойти не могу. Да и даже если бы меня кто и заинтересовал — я бы все равно не стал понравившуюся мне девушку подвергать такому риску. Наша работа оставляет определенные отпечатки на нашей репутации. Да и Элианна, узнай о том, что я действительно кем-то заинтересовался, быстро бы загрызла молоденькую девушку. Ты же знаешь ее... Да и какие отношения, Кир? Я даже на сына не всегда могу время найти, а тут молодая девушка...

Лео говорил это спокойно, непринужденно, несколько иронично. Но я видел, что это напускное. Эта девушка умудрилась очаровать не только Дара, но и Лео, и это за одну лишь встречу! Да одно лишь то, что она смогла как-то отвлечь Дара от светлого образа Ярины, что до сих пор хранится в его сердце, вызывает подозрение.

А еще и это схожесть в именах... Яра и Ярина... Нет, здесь определенно что-то не так.

— Кир, ты ведь обещал, — покачав головой, укоризненно произнес Лео, — что бы ты сейчас себе не надумал, это не так.

— Посмотрим. Лео, ладно, я понимаю, что Дар не хочет рассказывать подробности о своей ученице, но ведь он не единственный источник информации.

— Знаю, — произнес Лео. Выглядел он при это весьма недовольно, — я и выяснил.

— И что же ты выяснил? — спросил я, когда Лео замолчал, о чем-то задумавшись.

— Она не шпионка, Кир. И не замышляет ничего против императорской семьи. Она не нарушила ни единого закона. Так что нет, Кир, она не подосланный агент. Я тоже думал об этом, но нет, не сходится. Она очень хороша, но никаких исключительных способностей у нее нет. Есть талант к артефакторике, но и он не является чем-то невероятным.

— Дальше. Информация об ее учебе в Академии не так интересна — все это мы и так узнаем чуть позже. Что известно о прошлом этой девушки?

Лео молчал. Он хмуро смотрел на документы, разбросанные по всему его мтолу и не произносил ни слова.

— Лео?

— Ничего.

— Что?

— О ее прошлом ничего не известно, — произнес заметно помрачневший Лео, зная, что эта информация мне, мягко скажем, не понравится. И он был прав.

— Лео, такого не может быть, — спокойным голосом произнес я.

— Знаю. Ты всегда говоришь, что не бывает человека без его прошлого. Всегда найдется какая-то зацепка. Но здесь нет ни единой зацепки, Кир. Она словно появилась из ниоткуда прямо перед поступлением в Академию.

— Лео, а слухи? Не могли в Академии не заметить того, что об этой девушке ничего нет. Кто-нибудь, что-нибудь, но выяснил. Тем более не могла же эта девушка молчать о себе все время — что-нибудь, да рассказывала о себе.

— Слухи... Вот слухов хоть завались. Ей едва ли не родство с императорской семьей приписывают. Она образована, начитана, весьма неплохо разбирается в этикете. Она не простолюдинка, Кир, точно нет. Но и аристократкой быть она не может — мы знаем едва ли не всех аристократов. Даже из самых захудалых городков. Даже всех незаконнорожденных детей мы знаем. Среди этих списков нет ни одной девушки, что была бы по описанию похожа на Яру.

— Артефакт?

— Нет. Знаешь же, что при поступлении испытания проводятся в аудитории, где не работает ни один артефакт. Так что это практически нереально.

— Ладно. А что она сама говорит о своем прошлом?

— Рассказывает об обучении у отшельника.

— Вот как? Не удивительно — прекрасная легенда. Но тогда у нее должны были возникнуть трудности в общении со сверстниками. Сам же знаешь, что после того, как прожил всю жизнь в тишине, разговаривая лишь с одним человеком, сложно привыкнуть к жизни в обществе.

— Ходят слухи, что она жила и обучалась у отшельника лишь пару лет — а до этого жила обычной жизнью.

— Нет, за пару лет человека не обучишь этикету. Этому нужно учиться едва ли не с рождения — иначе разница будет заметна. Кто-то все равно заметил бы.

— Именно. Я тоже подумал об этом. И по книгам этикет не выучишь — здесь нужен опытный учитель. И ничего, Кир. Нет ни единой девушки, что подходила бы по возрасту и описанию.

— Может, все же шпионка...

— Нет, Кир. Она не соврала на том испытании — бумага легко приняла ее правду. Да и выдала бы она себя за эти три года. К тому же ты же знаешь Дара — он столько лет работал в Теновом ведомстве — неужели ты думаешь, что он не разглядел бы шпионку в стенах своей Академии.

— Тогда кто она, Лео?

— Я не знаю, Кир. Правда, я даже не знаю, что думать! Она словно действительно возникла из воздуха. Посмотри — это все, что мои ребята смогли выяснить о ней за эти полгода. Это — все! Вся эта информация в итоге может поместиться на один лист. И все это я смог разузнать о ней практически сразу.

— Такого не бывает, Лео. Просто не бывает.

— Тогда как это объяснить?!

— Я не знаю. Но это не значит, что объяснения нет. Я даже ни разу не видел эту девушку — что ты хочешь от меня услышать? Но ничего — совсем скоро она появится у нас в ведомстве. Вот тогда-то мы и выясним правду.

Лео облегченно выдохнул. Кажется, ему действительно нужно было выговориться — после нашего разговора он словно успокоился и стал выглядеть менее напряженным.

А я...

Если Лео думает, что после этого разговора я оставлю эту девушку в покое — он глубоко ошибается. Двое из моих друзей всерьез заинтересовались этой девчонкой, и я буду не я, если не выясню о ней все, что можно. И все, что нельзя.

Я не могу подвергнуть друзей опасности — мне хватило одного раза, чтобы понять, насколько это больно — терять близкого, родного человека.

Я выясню о ней все. И сделаю все, чтобы она не причинила боли моим друзьям.

Даже если для этого придется пойти на решительные меры.

Глава 23. Прощай, Академия Яриан

— ... и ничего сложного в этом ведь нет! Всего-то три испытания, подумаешь, — такие восклицания были слышны повсюду, вот только в голосах говоривших не хватало уверенности.

— Я все равно немного волнуюсь, — тихо, едва слышно произнес Ант, стоящий рядом со мной. Он мрачно взирал на толпу людей, изредка морщась от тех взрывов эмоций, что исходили то от одного студента, то от другого, — но не настолько, как остальные. У меня от этих всплесков скоро мигрень будет.

— Я узнал, — перед нами неожиданно возник запыхавшийся, покрасневший Лин, который явно с трудом смог протиснуться сквозь толпу и отыскать нас, — сначала тесты, затем индивидуальное испытание, а уже после этого — командное. Вот уж не знаю, чем они думали, оставляя самое сложное напоследок. Все же выдохнуться к этому времени и устанут. Особенно, если индивидуальное испытание окажется непростым.

— Или, наоборот, они специально сделали это, — пожав плечами, спокойно возразила я, — возможно, им это как раз и нужно — проверить, насколько мы выносливы. И как умеем распределять свои силы. Так что, парни, на индивидуалке можно и не особо выкладываться — все равно это ровным счетом ни на что не влияет. Все смотрят лишь на командное испытание.

— Эй, мелкая, не такие уж мы и недалекие, все понимаем. Если выложимся по полной на индивидуалке и в итоге ничего не сделаем в команде, покажем тем самым лишь то, что за это время так и не научились работать сообща.

— Но и не расслабляйтесь. И не уваливайте. Узнаю, что отлынивали во время испытания — поколочу.

— Ой, как страшно, мы уже испугались, — с хохотом произнес Ант, а после бросился удирать от меня — кажется, его испугал мой решительно настроенный вид.

— Ну все, все, эй, — сквозь смех пробормотал Лин, когда мы вернулись с Антом к нему. При этом блондина я тащила за ухо, а тот ойкал и строил страдальческие рожицы, — мы поняли, что ты опасна. И осознали свою ошибку.

— Как же, осознали, — покачав головой, проворчала я. Затем, отпустив ухо Анта и улыбнувшись, добавила, — я уверена, что все будет хорошо. Сами же знаете, что уже до этих испытаний нас всех неофициально, но распределили. Ректор же нам сам об этом говорил.

Последнее я произнесла тихо, чтобы слышали лишь только мои ребята. Впрочем, учитывая тот гвалт, что стоял здесь, сложно было бы расслышать и разобрать то, что я сказала, если бы я даже говорила это в полный голос.

— Кстати, по поводу него... Что вы решили? Что думаешь делать дальше?

Нахмурившись, я устало потерла лоб, после чего, тяжело вздохнув, произнесла:

— Пока все непросто. Сами понимаете — многое зависит именно от него. Знаете же, как я к нему отношусь... А вот с ним все непонятно. Сложно. Я вроде и нравлюсь ему, а вроде и не особо он и хочет более близкого общения. Ощущения, что как только я делаю шаг ему навстречу, он отходит от меня на два шага. Медленное развитие отношений — это, конечно, не так плохо, но такими темпами мы впервые подержимся за ручку к глубокой старости. Я хочу более полного понимания происходящего, потому что сейчас я в

растерянности — не понимаю, чего он от меня хочет. Это и не дружба, и не отношения. Это... какое-то недоразумение, вот честно.

— Дай ему еще немного времени, — серьезно произнес Ант, — ты же понимаешь, что ему непросто решиться на что-то более определенное. Он уже делает к тебе первые шаги. Но он не уверен, что готов рискнуть еще раз, потому что сама знаешь, что случилось с его первой любовью и к каким последствиям это привело.

— Да знаю я. Иногда хочется придушить себя за то, что произошло. А уж того убийцу тем более — вот зачем ему понадобилась моя смерть?

— Зато тебе эта разлука пришлась как нельзя кстати — ты наконец-то смогла окончательно разобраться и принять свои чувства.

— Да, это, конечно, замечательно, но... Знаете, что самое забавное? Я жутко ревную к самой себе. К той, что была в прошлом. Умом я понимаю, что это очень глупо, но все это... Заставляет меня отчасти даже злиться на себя прошлую. Не ненавидеть, конечно, но очень злиться.

— Это-то понятно. Да уж, конечно, ситуация не из простых, — покачав головой, сказал Лин, — Ант прав — думаю, ему нужно дать еще немного времени. Возможно, разлука с тобой наконец-то поможет ему понять, что же именно он к тебе испытывает.

— Тем более первое время тебе будет непросто.

— Да уж, — усмехнувшись, пробормотала я, — просто из огня да в полымя. И если к Дару я уже привыкла, то встреча с Лео, как мне кажется, преподнесет еще сюрпризы. И ведь там еще и Кир на горизонте... будет непросто.

— Ты ведь знаешь, что можешь рассчитывать на нас в любой момент? — спросил Лин, серьезно посмотрев на меня.

— Знаю. Спасибо.

— Ну и как ты умудрилась забыть упомянуть это в том вопросе? — Лин качал головой, не в силах осознать, насколько глупой была моя ошибка.

Да я и сама удивилась не меньше, когда увидела, что среди всех моих ответов лишь один оказался неверным. Точнее, не неверным, а неполным. И главное, я ведь знала полный ответ на этот вопрос! И забыла. Попросту вылетело из головы. Зато смогла ответить даже на самые сложные вопросы.

Впрочем, один неполный ответ — это не трагедия. Обидно, конечно, потому что если бы не моя ошибка, то я могла бы получить стопроцентный результат. Но, согласитесь, было бы хуже, если бы я не набрала минимальных баллов и провалила эту часть испытания.

— А сам-то не лучше, — фыркнув, произнес Ант, — кто хвастался тем, что все-все знает о свойствах арийта? И что в итоге?

— Я просто спешил, поэтому не мог сконцентрироваться. И из-за этого забыл упомянуть все его недостатки.

— Вои и остальные спешили, так что нечего тут... В любом случае, справились мы явно лучше, чем большинство ребят. Так что глупо переживать из-за такой ошибки. Она же не стала решающей.

— Просто обидно. Ведь знали же правильные ответы.

— Обидно, но не смертельно. Главное то, что мы все сдали и теперь свободны. Осталось только официальное вручение дипломов и все — мы вольны будем делать все, что угодно.

— Угу, две недели полной свободы. А затем нас, как миленьких, припрягут на новой работе, — продолжал ворчать Лин.

— Яра, тебе не кажется, что наш рыжий друг преувеличивает?

— Определенно. Лин, ты же сам все это время рвался в ведомство? И что теперь?

— Да я и не отказываюсь от своих слов. И по-прежнему желаю туда попасть. Вот только что будет дальше?

— А что дальше? Дальше каждодневная работа. Да и не забывай — мы не просто так стремимся туда.

— Я и не забывал. Но что будет дальше? Когда моя месть свершится, когда мы отыщем тех, кто был причастен к смерти мелкой... Что будет потом?

— Ну, я бы не стал загадывать так далеко. Сначала нам нужно отомстить и отыскать убийцу. А это, поверь мне, дело непростое. Может уйти несколько лет, и далеко не факт, что все в итоге получится. А когда получится... Ну, жизнь же продолжается. Подыщем мелкой женихов. Если, конечно, к этому времени она не будет окольцована одним нашим общим знакомым. Или отправимся в путешествие по стране. Или будем продолжать работать на ведомство. Или решим осесть и будем нянчиться с мелкими нашей мелкой. А там, возможно, и свои уже дети будут... А может, случится и так, что до этого времени мы не доживем. Всякое может быть, Лин. Вариантов тысяча — и только нам решать, что делать с нашей жизнью.

— Нянчиться с мелкими мелкой? А что — звучит!

— Эй, я вообще-то здесь нахожусь! Так что нечего тут болтать... Может, вы первые обзаведетесь семьями, и это я буду приходить и нянчиться с вашими детьми? А что, думаю, я буду прекрасной тетушкой.

— Ты сама-то в это веришь? Думаю, если наш ректор все же решится взять в жены такую боевую девушку, как ты, то он поостережется отправлять тебя на опасные задания. А какой лучший способ удержать девушку дома? Ребенок, конечно же!

— Эй, что за ущемление моих прав! К тому же Дар не такой — не станет он меня запирать в четырех стенках.

— Возможно, и не станет. Вот только даже если он и даст тебе свободу действий, долго ли ты будешь наслаждаться? Сама же однажды захочешь осесть, завести ребенка. Какой бы ты боевой не была, Яра, но постоянная война — это не твое.

— Не моё, — согласилась я.

— Поэтому ты всегда будешь стремиться к семейной жизни. Ты — идеальная представительница хранительниц очага. И только обстоятельства вынудили тебя взять в руки оружие и идти сражаться.

— Возможно, — пожав плечами, произнесла я. О таком как-то я и не задумывалась. Зачем? Все равно вряд ли что-то могу изменить. Потом — возможно и смогу, но сейчас... Пока я не найду своего убийцу, я жить спокойно не смогу. Меня всегда будет где-то глубоко внутри терзать страх — страх, что однажды тот, кто занес надо мной кинжал, найдет меня вновь и закончит свое дело.

— Так что все это — не твое. Да и не наше, если уж говорить начистоту. Я здесь потому, что ведомство — пока единственное, что защищает меня от моей безумной семейки.

Лин тоже здесь не просто так — и вряд ли бы он выбрал такую жизнь, если бы не обстоятельства. Поэтому пока нас здесь держат обстоятельства — мы будем находиться в ведомстве. И добросовестно выполнять свои прямые обязательства, в перерывах ища то, что сможет нам помочь в наших делах. Но как только эти обстоятельства исчезнут — не думаю, что мы надолго здесь задержимся.

— Ты прав, — после недолгого молчания сказал Лин.

— Значит, будем хорошо работать, пока не закончим с делами, что нас и привели сюда? — спросила я.

— Будем хорошо работать, — подтвердил Ант.

— Что ж, тогда... прощай, Академия Яриан. Встречай нас, Тайное ведомство.

Глава 24. Похищение принцессы

— Принцесса Ириса пропала! — воскликнул Лин, забежавший в небольшой кабинет, размером напоминающий каморку, что выделили нашей группе.

Здесь мы хранили свои вещи, а так же работали над документами. Ну и отдыхали иногда тоже тут. И все же, большую часть времени мы бегали едва ли не по всей столице, выполняя различные поручения.

В ведомстве мы работали уже больше двух месяцев... и я уже тысячу раз пожалела, что когда-то стремилась пойти сюда работать. Не то, что бы я отказалась, если бы мне предоставили выбор — все же пришла сюда я не только потому, что хотела этого.

Первой, и основной целью моего пребывания здесь, было стремление разобраться с тем событием, что произошло более пятидесяти лет назад. Пока что, конечно, никаких успехов даже не предвиделось — времени не хватало даже на сон, не говоря уже о чем-то другом. Но это пока, а в перспективе...

Да уж, эти два месяца стали едва ли не самыми сложными в моей жизни. Порой мне даже казалось, что нам периодически специально дают какие-то поручения, чтобы у нас не оставалось ни минуты свободного времени — до того иногда задания были странными и нелепыми. А если учесть, что даже те ребята, что работали здесь уже довольно долго, были удивлены тому объему заданий, что нам выдают, то эти подозрения казались не такими уж и беспочвенными. Оставалось размышлять только об одном — это Лео мне за что-то мстит или же я где-то успела перейти дорогу Киру? Ведь задания нам поступали именно от главы ведомства. Вот только кто именно отдавал такие задания, нам не говорили...

Я даже за эти два месяца толком и не смогла поговорить с Даром. Лишь пару раз нам удавалось пересечься, и то, лишь на пару минут, не более. Я видела, что не только я, но и он хочет поговорить о наших отношениях, вот только говорить о таком на бегу было неправильно. Поэтому мы поджидали подходящего момента.

Который все никак не мог наступить.

Впрочем, в таком ожидании были и свои плюсы. Даже само ожидание было волнительным, а случайные встречи заставляли сердце биться чаще. Я смотрела на Дара по новому, и стала замечать такие вещи, которые не видела в нем до этого. Он открывался для меня с новой стороны... И это было прекрасно.

А что уж говорить о самом Даре? Кажется, наша невольная разлука и на него подействовала, заставив действовать более открыто и решительно. Так что теперь в нашем и без того маленьком кабинете с трудом можно было найти свободное место — все было заставлено цветами и подарками.

В общем, все было хорошо... если бы не эти бесконечные задания.

Вот и сейчас, не успев вернуться с одного задания, мы, отправив в этот раз докладывать Лина, были морально готовы к тому, что сейчас нам выдадут новое, не менее странное или нелепое задание.

Но уж к чему мы не были готовы, так это к той новости, что принесет с собой наш рыжий друг.

— Что? — воскликнул Ант, вскочивший со стула.

— Принцесса Ириса пропала. Исчезла из своих покоев. Пока не понятно, когда это

произошло — единственное, что известно, что вчера она точно вернулась к себе и никуда отправляться не собиралась. А сегодня утром никто ее не смог отыскать. Поиски во дворце ни к чему не привели — в итоге выяснилось, что принцессы находятся где-то за пределами дворца. Она даже не в столице. И, вероятнее всего в месте, что хорошо защищено от магии. Так что единственное, что известно на данный момент — это то, что принцесса еще жива.

Говоря это, Лин внимательно, пристально смотрел на меня, словно хотел что-то сказать.

И я примерно могла представить, что именно.

Принцессе на днях должно было исполниться двадцать пять лет. Как и мне тогда, когда произошло мое похищение и убийство. Совпадение ли это, или эти события могут иметь какую-то связь?

Это пугало. Настораживало. Заставляло сосредоточиться, напрячься, словно сжатая пружина. Что-то подсказывало мне, что с этим исчезновением не все так просто.

Нельзя просто взять и исчезнуть из дворца. Это по своей наивности и молодости я могла когда-то думать, что мои редкие вылазки с ребятами в город за пределы дворца остаются незамеченными.

На самом деле, как я узнала позже, даже такие мои вылазки контролировались. Незаметно, неуловимо, но за мной всегда следовало несколько хорошо обученных человек, что отвечали за мою безопасность. И лишь в тот день, когда меня убили, эта охрана не смогла ничего сделать. И я до сих пор не знаю, почему в тот день все сложилось так, как сложилось.

К тому же в императорской семье хранился небольшой артефакт, который мог подсказать, где находится определенный член императорской семьи и жив ли он вообще. Показания были неточными, но этого вполне хватало, чтобы понять, во дворце человек или нет. А если нет, то в каком примерно направлении его стоит искать. Так что я догадывалась, как именно во дворце узнали о том, что принцессы нет даже в столице.

Было тревожно. И не только потому, что все же пропал не чужой мне человек. Пусть я и не разу не видела свою племянницу и никаких особых чувств к ней не испытывала, все же мне было ее жаль. А еще больше жаль сестру, которой вновь приходится переживать подобное событие — ведь и меня когда-то похитили из дворца.

События повторялись, и я чувствовала, что должна сделать все, чтобы предотвратить повторение финала этой истории.

— Так... так, ладно. Что вообще твориться в ведомстве? Что-то предпринимают? Я... вряд ли нас станут задействовать в этом деле, верно? — произнесла я, прикоснувшись кончиками пальцев к вискам. Неожиданно начала раскалываться голова, но я знала, что это нервное и нужно переждать пару минут, пока боль не пройдет.

— Яра, понимаешь... Тут все не так просто, как кажется. Этим делом, конечно, занимаются, но я не скажу, что все силы брошены на поиски принцессы.

— Но почему? Разве сейчас не важна каждая минута?

— Именно. Но это если принцессу действительно похитили. Понимаешь, проблема в том, что многие сомневаются в похищении принцессы. Большинство уверено, что это она сама покинула дворец. Видишь ли, у принцессы Ирисы не самая хорошая репутация. И она уже не единожды пыталась сбежать из дворца, пользуясь разными способами. Так что многие считают, что в этот раз принцессе просто повезло всех обхитрить и что она сама вернется во дворец, когда ей надоест ее маленькое путешествие. Даже императрица не особо

переживает за дочь, хотя ее и волнует то, что ее дочь гуляет где-то без охраны.

— Боги, — прошептала я, чувствуя, как мое тело сотрясает мелкая дрожь. Я чувствовала, была абсолютно уверена в том, что это — похищение. И меня пугало то, что никто ничего особо не собирается предпринимать. Пугало то, что история вот-вот повториться, а я ничего не могу с этим поделать, — нужно что-то делать! Я уверена, что ее похитил тот же человек, что когда-то похитил и меня. Нам нужно спешить! Я должна поговорить с ними...

— Яра, подожди. Успокойся, Яра! Я не просто так пришел сюда — нам дают задание, слышишь? Сейчас в ведомстве ищут добровольцев, что готовы заняться поиском принцессы. Но никто не хочет соглашаться на такую работу. Поэтому посылают тех, кто не сильно занят делами. И нас тоже посылают на поиски, слышишь? Мы тоже отправляемся на поиски принцессы Ирисы! Так что у тебя еще есть возможность все изменить!

— Нас отправляют на поиски принцессы? — спросил Ант. Он тоже выглядел максимально собрано, словно уже в следующую секунду был готов рвануть на выполнение задания. Впрочем, так оно и было.

— Именно. Так что мы сейчас идем официально получать задание от Главы ведомства, а потом нас отправят, вероятнее всего, во дворец. И уже оттуда мы должны будем начать свои поиски.

Отступление 4. Кириан

— Что ты думаешь с этим делать? — голос Лео, раздавшийся за моей спиной, был полон усталости и нескрываемого раздражения.

— А что тут можно сделать? Будь моя воля, я бы отловил эту девчонку, что просто напрашивается на хорошую порку, и посадил бы ее за работу. Глядишь, и энергии поубавится, перестанет придумывать очередной план по побегу из дворца.

— Значит, все же думаешь, что никакого похищения не было?

— Лео, ну какое похищение? Кому сдалась Ириса? Если бы кого и хотели похитить, так это уж точно не она. Она не наследница, не допущена ни до каких особых императорских тайн, а если до каких и допущена, то с нее требовали такую клятву, что она все равно ничего не смогла бы рассказать.

— Шантаж?

— Шантажировать императрицу? Возможно, конечно. Особенно если учесть то, что многим известно, что Ириса является горячо любимой дочерью Иллианы. Вот только также известно многим и другое — а именно то, что защитных артефактов на принцессе больше, чем в сокровищнице. Снять насильно эту защиту не сможет никто, кроме членов императорской семьи. А добровольно... ну не настолько же Ириса глупа, чтобы добровольно лишиться защиты? Так что принцессе сейчас, как минимум, ничего не угрожает, иначе один из артефактов давно бы ее уже перенес во дворец. Поэтому переживать особо не о чем — разве лишь только о том, что Ириса как-то смогла обнаружить и обезвредить своих наблюдателей. А они профессионалы.

— Может, Иллиана подсказала?

— Возможно. Ты же знаешь, порой ее любовь к Ирисе переходит все границы. Эта вседозволенность до добра явно не доведет. Да и еще... Знаешь, думается мне, что Иллиана в курсе, куда делась ее дочь. В ином случае она бы нам покоя не дала. Заметил, что она не слишком требует от нас выяснения обстоятельств исчезновения дочери? Не считаешь, что это выглядит странным?

— Не уверен. Сам знаешь, порой поступки Иллианы понять довольно сложно. Я до сих пор не могу... Ай, не важно. В общем, если родная мать не слишком беспокоится об исчезновении своей дочери, то и нам переживать особо не о чем. И все же, что ты собираешься делать? Ведь нашего бездействия не поймут. А я не хотел бы в очередной раз выслушивать жалобы на то, как с приходом Иллианы к власти, а так же после нашего прихода на пост Глав Тайного ведомства, жизнь стала... Ну, сам знаешь, что они там говорят. В зависимости от ситуации, у них то одно плохое, то второе. Так что делать-то с этим исчезновением?

— Бездействовать — точно не вариант. Но и отрывать кого-то от важного задания ради этого тоже не хотелось бы. Так что, думаю, стоит отправить новичков — важных заданий у них пока нет, так что пусть попробуют проявить себя. Заодно и посмотрят на дворец вблизи. Да и пусть увидят на работу во дворце — думаю, им стоит знать и понимать все неприглядные стороны власти.

— Хочешь отправить команду Яры? Не слишком ли ты за нее взялся? Да и еще мне не даешь с ней увидеться, — в голосе Лео прозвучала обида, — неужели не доверишь мне?

— Доверяю. Но сам понимаешь, что просто так ничего в этом мире не происходит. Видишь же, как Дар от нее оторваться не может, едва ли не с ума без нее сходит. Тебе не кажется это подозрительным?

— Кир, ты преувеличиваешь. Ну понравилась девчонка Дару, что в этом такого-то? Тем более прошло уже столько лет. Так что ты явно ищешь заговоры там, где их нет.

— Лео, ты правда не видишь, как эта девчонка действует на него? Да он на всех, кто к ней приближается, волком смотрит. И особенно на нас. Ладно ты — здесь хотя бы причина есть. Зря ты все-таки тогда ему это сказал. Но а я-то тут с какой стати? Он ведь в курсе, что отношения меня совершенно не интересуют. И что я не стал бы уводить у него понравившуюся ему девушку. Так почему он смотрит так, словно готов в любой момент схватить эту Яру и спрятать ее так, чтобы никто не нашел, особенно мы с тобой. От нас спрятать, понимаешь? С чего такая странная реакция из-за какой-то обычной девчонки? — зло произнес я. Эта ситуация и впрямь меня довольно сильно напрягала

— Обычная девчонка? Ага, как же, — пробормотал Лео, — вот уж в чем я точно уверен, так это в том, что она явно не обычная. И, вероятнее всего, я бы уже даже выяснил, в чем ее необычность, если бы ты не запретил бы мне к ней приближаться. К чему такая предосторожность, Кир? Ты вроде никогда не был таким параноиком. И ладно, я бы все понял, если бы ты решил самостоятельно выяснить, в чем проблема, так нет же! Ты же и сам к ней не приближаешься, словно боишься чего-то?

— Я? Боюсь? Да это даже звучит смешно, — с веселым изумлением произнес я.

— Тогда почему за все это время ты не нашел даже нескольких минут, чтобы подойти и познакомиться с этой группой? Поговорить лично?

— Потому что я Глава Тайного ведомства и не обязан лично приветствовать каждого нового сотрудника? — с издевкой спросил я, внутренне раздражаясь. Весь этот разговор пошел куда-то не в ту сторону и это меня довольно сильно злило.

— Кого ты обманываешь? — устало спросил Лео, качая головой.

— Лео, я действительно не понимаю, почему ты считаешь, что я испугался какой-то девчонки.

— Тогда, значит, у тебя есть какая-то причина, по которой ты ее избегаешь?

— Нет, такой причины нет. И я вовсе не избегаю ее. Просто для нашего знакомства и общения нет повода.

— Не было повода. Теперь он есть. Ты же не станешь передавать это задание через кого-то, и сообщишь об этом деле группе лично, верно? Иначе я лишь уверюсь в том, что ты по какой-то причине испугался Яры. И поверь мне, я найду эту причину. Пусть для этого мне и придется проигнорировать твою просьбу о том, чтобы я не общался с ней.

— Что ж, я услышал тебя. Я поговорю с этой вашей Ярой, и ты убедишься, что твои подозрения о каком-то моем испуге были глупы. Тем более я не собирался в этот раз передавать задания через кого-то. Сам понимаешь, дело довольно неоднозначное и передавать его через кого-то будет неправильным...

Причина, по которой я старался свести все наши столкновения с этой девушкой на нет, все же была. Но не та, о которой думал Лео. Бояться эту девушку, что совсем недавно отпраздновала совершеннолетие и была младше меня лет на пятьдесят, было бы глупостью. Что она могла противопоставить мне? Да это словно бояться маленького щенка — в будущем, возможно, он и станет опасен, но это когда еще случится...

Я не боялся ее, нет. Я просто наблюдал за ней. Смотрел на ее поведение, на ее решения,

на ее действия в различных ситуациях. Мне нужно было понять, опасна ли эта девушка или нет.

Первое, что я понял — это то, что она точно не шпионка.

И что она совершенно не умеет обнаруживать слежку за собой. Сколько бы времени я за ней не наблюдал мой взгляд, казалось, ничуть ее не тревожил — она его просто не замечала. Нет, шпионы такое очень остро чувствуют и она уже давно выдала бы волнение каким-то образом.

Ну не было в ней чего-то особенного. Разве только то, что она напоминала мне Ярину. Теперь то я начал понимать, почему Дар так увлекся ей и почему Лео она показалась такой знакомой — в ней с легкостью можно было увидеть ту, что была когда-то всем нам очень дорога.

Это даже заставляло меня в какие-то моменты замереть, судорожно вспоминая о том, как дышать. Она была и правда очень похожа на Ярину — особенно со спины.

И все же это была не она. Ярина была принцессой — в полном смысле этого слова. Нежный цветок, который требовал особых условий и тщательного ухода. Она была прекрасна, удивительно чутка и ранима. Она и правда напоминала нежный цветок, который стоит беречь.

Не сберегли...

Яра же была довольно мила, дружелюбно и мягкосердечна, но в ней чувствовался стержень. Она словно была сильной версией Ярины. И именно это, видимо, привлекло ребят.

Признаться, я и сам в какой-то степени успел заинтересоваться ею. Осознав, на кого она похожа, мне стало интересно, как сильна эта схожесть.

Сильна.

Очень сильна.

Настолько, что я даже готов был поверить в перерождение души.

Так что я не боялся эту девушку. Я боялся тех чувств, что я испытывал при мысли о ней. Боялся, что она в итоге сможет увлечь и меня. Видел, что Дар уже полностью поддался ее чарам, видел, что и Лео был ей очарован. Мне не хотелось того же.

И даже не потому, что мне не хотелось бороться с парнями за ее благосклонность. Это не так уж и сложно — вызвать заинтересованность. К тому же, однажды мы едва с парнями не стали одной семьей — если бы не та смерть, кто знает, как бы мы сейчас жили? Вполне возможно, что все мы трое уже были бы мужьями Ярины.

Она ведь нравилась всем нам. Да даже не нравилась — мы все были в нее влюблены. Да и Ярина тоже испытывала к нам, как минимум, симпатию. Кто знает, вдруг бы все сложилось так, что мы бы все в итоге поженились на ней? Я бы уж точно был не против...

История не любит сослагательного наклонения. Так что глупо думать о подобном. И желать подобного тоже глупо. Я бы не хотел такой жизни ни для Ярины, ни для кого-то еще. Это со стороны мы все трое выглядим завидными женихами. На самом же деле даже с одним из нас бывает весьма непросто. Особенно со мной все непросто. До сих пор удивляюсь, как Ярина умудрялась не только терпеть меня и выдерживать мой характер, но и дружить при этом.

Резкий стук в дверь неожиданно отвлек меня от размышлений. Что ж, настало время встретиться с этой загадочной Ярой лицом к лицу.

— Входите, — произнес я, отложив какие-то документы в сторону. Ничто сейчас не

должно отвлекать меня.

И они вошли.

Первым перешагнул порог моего кабинета рыжий парень. Быстро осмотрев обстановку, его внимательный, слегка прищуренный взгляд остановился на мне. Он смотрел пристально и даже, пожалуй, излишне серьезно. Воин, определенно воин. Отвечает за атаку в этой команде. И отвлекает все внимание на себя

Вторым вошел светлый парень, который вел девушку, одновременно с этим как бы случайно пряча ее от моего взгляда.

Странно. Я вроде бы никак не показывал своей заинтересованности этой девушкой. С чего бы вдруг этим двоим так бережно ее оберегать от меня? Неужели есть причины?

А вот и Яра. Первые пару мгновений ей даже удавалось спрятаться за спины своих парней — словно ей нужны были эти секунды для того, чтобы взять себя в руки. Но вот только долго прятаться не получилось бы в любом случае — и она выходит немного вперед, поднимая на меня свой взгляд.

И вот тут я начинаю понимать Лео. Точнее его озадаченность той реакцией, что была при их первой встрече.

Теперь я осознаю, что тот взгляд не мог не удивить Лео. Потому что теперь эта девушка так же смотрит и на меня.

Этот взгляд был полон боли и печальной радости, словно она увидела человека, вернувшегося с войны. Человека, которого уже и не ожидала увидеть живым. В этом взгляде была горечь, была радость.

В этом взгляде было почти болезненное узнавание.

Мне казалось, она с какой-то трепетностью и отчаянной жадной осматривает меня, вглядываясь в черты лица, словно отмечая произошедшие изменения в моем облике.

И на какую-то сотую часть секунды мне почудилось, что передо мной стоит не Яра, а Ярина. Что это она вдруг вернулась из мира мертвых, чтобы взглянуть на людей, что были дороги ей. Показалось, что это она, моя маленькая девочка вновь смотрит на меня лучистыми, полными веселья, радости и влюбленности, глазами. Мне даже показалось, что я слышу ее голос:

— Эй, Кир, ну не будь таким угрюмым, ну же, улыбнись!

И лишь судорожный вздох этой девушки разрушил вдребезги этот момент.

Резко опустив свой взгляд, чтобы больше не смотреть в ее глаза, я, неожиданно для себя, обратил внимание на ее руки. Побледневшие пальцы слегка подрагивали, указывая на нервность своей хозяйки. Волнуется и переживает...

С чего бы это вдруг?

Не знаю, сколько времени мне понадобилось, чтобы прийти в себя. Кажется, не больше нескольких секунд, хотя мне показалось, что прошли долгие часы.

Поджав губы, я, в каком-то мрачном спокойствии, вновь поднял взгляд на Яру. Девушка тоже выглядела спокойной, словно ничего не произошло, и лишь глаза, да мелко подрагивающие пальцы рук указывали на то, что ее равнодушное спокойствие напускное.

Кто же ты такая, Яра?

И почему смотришь на меня так, словно я — человек, что очень дорог тебе, но который отчего-то совершенно тебя не помнит?

Глава 25. Забытое воспоминание

— Черт, черт, черт! — прошипела я сквозь стиснутые зубы, прижимая руку к ране.

Что ж, Яра, молодец! Отыскала принцессу Ирису — честь тебе и хвала. А теперь попробуй вырваться из ловушки и остаться живой.

А ведь как все прекрасно начиналось! Хотя нет, даже начиналось все совсем не так радостно и легко, как хотелось бы.

В начале было слово... Много слов, произнесенных Киром. Хотя перед этим было еще кое-что.

Наша встреча. Вот я и повстречалась с третьим человеком, которого когда-то любила. Конечно, я еще не встречалась с сестрой, но это была вовсе не такая любовь, как к этим троем.

Возможно, это покажется странным, но мне показалось, что Кир изменился сильнее всех, хотя время практически не привнесло изменения в его внешности. Разве что теперь Кир щеголял не с длинными, забранными в хвост волосами, а с довольно короткой стрижкой.

Мне показалось, что эти пятьдесят лет сказались на нем сильнее, чем на остальных. Он вновь выглядел закрывшимся, запертым в себе, отгородившимся от всего мира. В его голубых глазах больше не отражалось небо, в них не чувствовалось больше тщательно скрываемого тепла — они обжигали ледяным холодом.

И... на какое-то мгновение мне показалось, что он меня узнал. Словно в его беспроглядной темноте мелькнул на мгновение яркий огонек света. И тут же потух.

Мне правда показалось, что он меня узнал. Этот взгляд...

Что же случилось с моими мальчиками за это время? Почему все они теперь смотрят так? Это терзает меня. Заставляет чувствовать бесконечную вину за то, что оставила их — ведь возможно, будь я с ними в тяжелые для них времена, этих взглядов и не было бы? Что же настолько ужасное со всеми ними произошло? Почему в их глазах я вижу бесконечный океан боли?

Любовь и радость при встрече — вот что я испытывала, когда видела Кира раньше. Теперь же, увидев его вновь, к этим чувствам добавилось еще несколько — вина и горечь.

Все это настолько выбило меня из обычного состояния, что я даже не особо прислушивалась к тому, что говорит Кир. И лишь осторожное, едва уловимое касание Анта привело меня в чувство.

Все верно — сейчас я на работе и не имею права давать волю своим чувствам. Но, Боги, кто бы знал, как же мне хочется плюнуть на все это и сбежать как можно дальше. Чтобы больше не видеть всего этого. Кажется, впервые я начала жалеть о том, что вообще вернулась на Арлион.

Нас, как и еще пару групп, отправляют во дворец. Конечно, по всему дворцу нам ходить никто не позволит, но в комнаты принцессы сопровождают. И даже дадут поговорить с личной служанкой Ирисы, что первая обнаружила пропажу своей госпожи.

После этого мы будем вольны в своих действиях, но задачу — нахождение принцессы — выполнить обязаны за трое суток. Иначе все усомнятся в том, что мы действительно достойны работать в Тайном ведомстве.

Найти принцессу за трое суток? Да уж, задача явно не из легких.

Именно поэтому мы сразу же после инструктажа отправились во дворец.

Морально я, как мне казалось, была готова ко всему. Столько времени прошло — мой дом не мог не измениться.

И все же для меня стало неприятной неожиданностью то, что теперь мою комнату занимает... младшая принцесса Ириса. Это даже иронично. И очень неприятно. Не то, чтобы я ожидала, что мою комнату оставят неизменной — если бы за каждой императорской особой оставляли ту комнату, где она жила, то однажды в замке негде было бы жить. И все же это неожиданно сильно меня задело — я словно навсегда потеряла частичку себя.

Думаю, где-то глубоко внутри я верила в то, что моя ситуация — временная. Что как только все разрешится, я вновь вернусь во дворец, в свою комнату, и жизнь, моя прошлая жизнь, продолжит идти как прежде.

Глупость, конечно. И то, что теперь у меня во дворце нет места, которое я могла бы с уверенностью назвать своим, было тому лишь подтверждением.

Все мои вещи, лелеемые и бережно хранимые, все мои записи, все милые моему сердцу безделушки... ничего не осталось. Даже не осталось тайников, в которых я когда-то хранила особо дорогие мне вещи — подарки парней, письма, какие-то записи, где я делилась сокровенным.

Действительно, ничего не осталось. Все это было обнаружено и... ну, вероятнее всего, выброшено или стало использовано другими людьми. И из-за этого теперь мне казалось, что я стою абсолютно голая среди толпы. Среди толпы, что насмехается над моей наивностью, высмеивая нелепость хранимых мною вещей.

Именно поэтому я не сразу смогла приступить к работе. Мне необходимо было какое-то время, чтобы прийти в себя.

Это, честно говоря, меня безумно раздражало в себе — то, как я легко впадаю в некий ступор, погружаясь в воспоминания о прошлом. Это мешало мне, но я ничего не могла с собой поделать.

Хорошо еще, что мне повезло с парнями — они, понимая некоторую неоднозначность и щекотливость моего состояния, брали ответственность на это время на себя. Так что мои «уходы в себя» если кто и замечал, то ничего не говорил — парни активно отвлекали все внимание на себя.

Так что, как только я пришла в себя, я тут же приступила к работе — начала считывать и изучать следы, оставленные магией в этой комнате.

Это была не самая легкая магия и давалась она далеко не всем. По правде говоря, я очень мало что могла из данной области и тот минимум, что я умела, был мне доступен лишь благодаря моим способностям в артефакторике.

В данном направлении нас обучают видеть магию для того, чтобы мы могли оценить правильность нашей работы. Ну и так же для того, чтобы мы могли создавать артефакты, где требуется филигранная работа. На видение потоков магии и ее следов обычно уходило прорва сил, а еще после этого у меня всегда пару дней раскалывалась голова — слишком менялся фокус зрения при такой работе, слишком яркие, даже ослепляющие были некоторые потоки и следы.

Так что пользовалась этой магией я редко. Но сегодня был как раз тот случай, где без этого было не обойтись.

Сначала я ничего особенного и не замечала — да, следов было очень много, но все это

было не то. Видимо, принцесса очень активно пользуется различными артефактами, поэтому от многообразия различных следов у меня тут же заломило виски.

А затем я заметила его — странный след. Он не был каким-то необычным или особенным, но отчего-то мой взгляд каждый раз возвращался к нему, цеплялся за него и словно не желал отпустить.

Что-то в нем было такое...

— Яра? Что-то не так? — спросил Ант, прикоснувшись к моему локтю.

— Да. Нет. Не знаю. Не понимаю... Этот след... Он напоминает мне что-то. Словно ; уже где-то его видела, очень давно... Давно...

... тихий голос врывается в мое сознание раскаленной иглой. Я морщусь, тихо стону и мечтаю позвать кого-то на помощь. Мне больно — голова раскалывается, какие-то участки тела жжет жесткая веревка, что стирает мою кожу едва ли не до крови, а по лицу и шее бежит что-то обжигающе-горячее — кажется, это кровь.

Я пытаюсь открыть глаза, но все вокруг кружится и взрывается яркими огнями, вызывая тошноту.

— Куда ее нести? — чужой, мужской грубый голос звучит совсем близко.

— Туда, — шепчет в ответ чей-то голос. Он настолько тих и невнятен, что я даже не могу определить — мужчина ли это сказал или женщина?

Кто-то хватает меня и с силой, не церемонясь, тащит куда-то.

Я знаю, что сегодня мне суждено умереть. Но я до последнего буду верить, что парни успеют меня спасти. Вырвать из лап этих чудовищ. Кому нужна моя смерть? Почему я? Что я такого сделала?

Ответов нет, но я приложу все усилия, чтобы их заполучить.

А значит... значит, мне нужно собраться и внимательно запоминать все, что увижу и услышу. А еще было бы неплохо запомнить хотя бы того человека, что похитил меня из моей комнаты, доступ к которой был у очень малого количества людей. Я должна его запомнить, просто обязана, потому что меня очень волнует вопрос о том, кто же решил предать меня.

С трудом открыв глаза, я прищуриваюсь, но здесь слишком темно и я не могу ничего разглядеть. Что ж, если внешность я рассмотреть не мог, то хотя бы попытаюсь увидеть и запомнить отпечаток ауры этого человека. Ведь чтобы увидеть магию, свет вовсе не обязателен...

— Это он! — мой голос звучит неожиданно хрипло.

— Яра?

— Это он! Принцесса не сбежала — ее похитили. Ее похитил он — тот же человек, что и меня тогда... — я замолкаю, не в силах произнести ни слова.

Почему я только сейчас вспомнила об этом? Почему воспоминания о том дне настолько расплывчаты? Почему единственное, что я помню из того сна — это кинжал, занесенный надо мной! Почему я не помню убийцу, хотя, как мне кажется, я могла отлично его разглядеть?

Почему я не помню? И почему это происходит снова?

Глава 26. Спасение во вред

— Что ж ты... Черт! Да чтобы я еще раз? Выживу — розгами эту малолетнюю эгоистку... уф-ф-ф. И с сестрой проведу беседу — воспитала с-с-с... Ай, черт! Черт пойми что воспитала. Это ж надо — так подставить свою тетюшку. Да и черт с тем, что она ничего не знает! Подставить человека вот так! Человека, который пришел ее спасти! Ай, божечки, больно-то как! Как только ума хватило и совести? Ой, м-м-м, — промычала я, уже не в силах сдерживать боль. Неожиданно образовавшаяся передышка дала время для того, чтобы кое-как обработать полученные раны... ну и обдумать выход из сложившейся ситуации.

А ситуация вырисовывалась на редкость гадкая.

Почувствовав след от магии того человека, мне не составило труда прочитать этот след, разобраться в нем более подробно, и понять, что именно пытался сделать этот человек.

Нам повезло сразу с несколькими вещами — со времени пропажи принцессы и, соответственно, использование похитителем магии прошло относительно немного времени — и след все еще был достаточно четким для того, чтобы можно было с ним работать. Повезло с тем, что я эти следы кое-как, но считывать и использовать в своих интересах умею. А еще повезло с тем, что я... изучая работу по созданию амулетов переноса, хорошо разобралась и в порталах в целом. След, оставленный похитителем, четко указывал, что принцессу похитили здесь и сразу же перенесли в какое-то место, использовав портал. И я, если постараться, могу этот путь отследить, чтобы следом переместиться туда.

Но не все так славно было — время стремительно утекало и, с каждой секундой след становился все более расплывчатым. Это сейчас я могла что-то прочитать — пройдет еще минут пять-десять, и здесь уже никакой путь не отследишь.

Я была новичком в данной области, который нахватался каких-то знаний, но вряд ли способен сделать все правильно. И я, будь у нас время, ни за что бы не согласилась отыскивать путь к похитителям. Вот только времени действительно было мало — и я четко понимала, что отправься сейчас кто-то за магом, который умеет хорошо читать такие следы и отслеживать путь... даже если этот маг будет находиться здесь, в замке... он не успеет.

Но и это еще не все проблемы. Даже если мне удастся пройти по правильному пути, я не смогу захватить никого из ребят. Просто потому, что на то, чтобы вплести их в портал, который перенесет по этому пути, уйдет много времени.

И даже здесь бы я, возможно, успела, если бы не защита дворца. Многие знали, что во дворец практически невозможно перенестись никаким способом — если ты, конечно, не носитель императорской крови или не имеешь на это разрешение. Но немногие знали то, что и из дворца переместиться очень сложно — опять же, требуется добровольно данное разрешение на то, чтобы человек смог переместиться.

Это разрешение дать парням я не успею — для этого необходимо провести хоть и простенький, но магический ритуал, на который уйдет слишком много времени. Да и подставлять парней таким способом... И сама я переместиться не могу — если не хочу, чтобы все в самое ближайшее время узнали о том, кто я. И, наверное, будь я более эгоистичной и будь во мне меньше желания отыскать своего похитителя и убийцу, я бы отказалась от перемещения. Но я чувствовала, что если я сейчас не сделаю этого — тайна моей смерти так и останется неразгаданной. И я ведь даже не говорю о принцессе Иресе —

ее время тоже заканчивалось, и, если я сейчас струшу, то вряд ли мы успеем ее спасти.

Но, боги, как же страшно!

— Ребят, у нас проблемы, — прошептала я, взгляд на парней.

Рассказ вышел коротким — я лишь рассказала о том, что увидела след, что могу попробовать нащупать путь и переместиться по нему. О том, что я могу сделать это одна, тоже пришлось сообщить. Ну и, конечно, пришлось сказать о том, что я все же решила попробовать это сделать.

Парни были недовольны. Более того, они категорически отказывались куда-либо меня отпускать... минуты две. Затем, конечно, они осознали, что это единственный доступный нам вариант. И все же таким решением они были весьма раздосадованы.

— ... и сразу же после моего перемещения отправляйтесь в ведомство. Сообщите им, что удалось выяснить. Скажите, что это не побег, а похищение. Я постараюсь вытащить принцессу и мы переместимся тут же — амулеты настроены так, что они переместят нас прямо у вас. Возможно, потребуется помощь целителя — я не знаю, что за это время могли сделать с Ирисой. И нет, вы ко мне переместиться не можете — сами понимаете, там стоит защита. Это я по пути еще могу пройти, и то лишь потому, что амулет переноса для этого похитителя делал явно какой-то недоучка — оставить столько лазеек... Если... если они не поверят, то... Найдите Дара. Расскажите ему все — он точно не откажется помочь. Все, времени и так практически не осталось — а мне еще строить портал...

И вот теперь я здесь — раненая наемниками, что охраняли принцессу и еще какого-то мужчину. Из тех слов, что мне удалось вычленивать среди многочисленных всхлипов и стенаний, я поняла, что этот мужчина — какой-то приближенный принцессы. И что когда принцессу решили похитить, она очень активно проводила время с этим индивидом.

Ну и времена пошли... Или это я чего-то не понимаю? Хотя нет, все равно, куда Иллиана смотрела? Наши бы родители такого не допустили — тут же выдали замуж за этого незадачливого любовника...

В общем, к обнаружению двух похищенных я оказалась не готова — амулетов переноса у меня было всего два. Один, правда, был достаточно модифицированный и мне требовалось совсем немного времени для того, чтобы его настроить на перенос двух человек. Конечно, при этом была довольно большая погрешность, и нас могло переместить даже на несколько километров от ребят, но переместило бы качественно — ни в какую стену мы бы, если что, не переместились. Или в море, например — были и такие случаи.

Вот только проблема была в том, что времени у нас и не было — не прошло и двух минут, как в двери комнаты, где находились похищенные, стали ломиться наемники. Я и успела только спросить принцессу про похищенного мужчину, что находился рядом с ней, да и успокоить их по поводу нашего переноса, указав на амулеты, что я сняла с шеи. Ну и прислонить к двери какое-то странное кресло, которое хоть на несколько минут сможет сдержать натиск врагов.

А потом наемники, как-то почувствовавшие мое появление здесь — и мне стало совершенно не до разговоров. Я и всучить амулеты в руки принцессы едва успела.

Я обдумывала ситуацию и как из нее выбраться невредимой. Отправить принцессу тем амулетом, что выдали мне в ведомстве? Он точно перенесет ее к Киру и Лео и, думаю, никакой опасности для нее не будет. А этот мужчина, который, между прочим, и не думал хотя как-то защищаться от наемников, может и подождать. Сейчас в приоритете — жизнь принцессы. Осталось только объяснить ей, как пользоваться амулетом... А это было

непросто — наемников, судя по шуму, стало больше — кресло уже начало сдвигаться и я лишь с трудом удерживала его пока на месте.

— Ириса, тебе сейчас нужно будет переместиться, слышишь? Отправишься в Тайное ведомство, там тебе помогут. Ты же знаешь Лео и Кира, верно? С ними тебе ничего угрожать не будет.

— Я — принцесса! Как ты смеешь обращаться ко мне, как...

— Жить хочешь? Значит, оставь этикет и слушай внимательно. Запомнила тот деревянный амулет, что я тебе показала? Сейчас наденешь его себе на шею, сожмешь его и скажешь «Яра». И он перенесет тебя. Другой амулет сейчас передашь своему другу.

— А как же Эрди?

— Эрди? Ты — Эрди? — спросила я у мужчины.

— Гоэрд Дофлор. Я не позволял вам называть меня...

— В общем, твой Гоэрд сейчас останется здесь, со мной. Пока я не смогу изменить настройку амулета, чтобы он перенес нас двоих...

— Изменить? Издеваешься? Я знаю, на это уходит очень много времени...

— Я внесу небольшие поправки. Нас просто перенесет двоих. Я не уверена, что именно туда, куда нам нужно будет, но все же перенесет. Ты должна будешь сообщить об этом, слышишь?

— Но почему Эрди не может переместиться со мной? Я отказываюсь делать что-то, пока ты мне все не объяснишь!

— Именно! И вообще, я не собираюсь оставаться здесь. Вы пришли нас спасать, так и спасайте.

— Я здесь, чтобы спасти принцессу. Про вас и речи не было. А отдать вам оба амулета я не могу — потому что я никак не рассчитывала на то, что вас здесь будет двое. У меня всего два амулета.

— Так создайте еще один, — воскликнул мужчина, — зачем менять что-то, если можно создать еще один амулет?

— На создание амулета уходит уйма времени, — я злилась на то, что они не могут сделать так, как я прошу, и на объяснение уходит время. Я давно бы уже сама надела амулет на принцессу, если бы я не была занята тем, что удерживаю кресло, которое в свою очередь сдерживает дверь, отделяющую нас от наемников, — тем более здесь хорошая защита. Здесь нужны особенные амулеты, которые способны ее преодолеть. Такие амулеты делаются еще дольше. Этого времени нет!

Мне повезло еще, что я умею создавать такие амулеты. Это в Тайном ведомстве нам выдают одноразовые амулеты, которые могут преодолеть почти любую защиту — кроме, пожалуй, защиты, что установлена во дворце и в еще паре домов. Так что один амулет, хоть и одноразовый, у меня был. Второй же, лично мой, я создавала уже на протяжении четырех месяцев, постоянно добавляя новые детали. Так что и мой амулет теперь мог переместить через многие защиты. Не все, но многие, и я надеялась, что защита, установленная в этом месте, не сможет помешать переносу.

— А теперь взяла и надела тот деревянный амулет. Только не перепутай — они довольно похожи. Наденешь не тот — переместишься, но лишишь одного из нас шанса на спасение. Переместишься — и тут же расскажешь обо всем Киру и Лео? Запомнила? — был не до проговаривания длинных имен. Странно, конечно, но потом, если что, все это спишется на волнение и спешку.

— Киру и Лео? — протянула принцесса. Было в ее голосе нечто странное — но я, стоя к ней спиной и не видя ее лица, не могла понять, что именно было не так.

— Ты запомнила?

В ответ — тишина. И я уже было собиралась обернуться, чтобы проверить, выполняет ли принцесса мою просьбу, как произошло сразу две вещи — дверь, кажется, чем-то подорвали, потому что раздался взрыв и в меня полетели щепки.

И...И за моей спиной раздалось сразу два голоса, произносящий одно слово: «Яра». Вспышка — и принцесса с ее Эрди перенеслись, используя оба амулета.

А я осталась одна.

Без амулета — и, значит, без шанса выбраться отсюда как можно быстрее.

Одна, если не считать наемников, что начали вваливаться в комнату. Явно мертвых наемников — что означало, что я оказалась на территории темного мага.

Кажется, шансов на то, что я выберусь живой и невредимой, становилось с каждым мгновением все меньше.

Отступление 5

Дарриан, влетев в кабинет, что занимали Лео и Кир, быстрым взглядом окинул находящихся здесь людей.

И не нашел взглядом ту, которую больше всего желал здесь видеть. Здесь были и Кир с Лео, и Ант с Лином, и принцесса Ириса, и Иллиана с мужьями и своими советниками. Не было лишь ее...

— Где Яра? — спросил он спокойно, даже излишне, так что его показное спокойствие никого не обмануло — все почему-то сразу поняли, что Дарриан на грани.

Именно поэтому никто из присутствующих не произнес ни слова — никому не хотелось быть гонцом, что принес плохую весть.

— Я еще раз спрашиваю... Где Яра?! — от Дарриана уже ощутимо исходили волны темной, неконтролируемой магии.

Все продолжали молчать. Даже Ирисы, что периодически до этого всхлипывала в объятьях матери, сочла за лучшее промолчать и вести себя так тихо, насколько это возможно — еще никогда она до этого момента не видела этого человека в таком гневе. У нее даже на мгновение закралась мысль о том, а не мог ли ее похищение организовать Дар — ведь без сомнений было ясно, что похитивший ее человек — темный маг. Но в следующую секунду сомнения исчезли — не стал бы Дарриан ее похищать. Как минимум потому, что когда-то поклялся не совершать преступлений против императорской семьи — и эта клятва все еще работала, несмотря на то, что та, кому он давал эту клятву, давно мертва. Да и не стал бы он тогда интересоваться этой Ярой, если бы был замешан в этом похищении — ведь в таком случае он бы прекрасно знал, где именно находится эта девушка.

— Может, кто-то все же ответит мне? — тихо спросил Дарриан, окидывая всех тяжелым, давящим взглядом.

— Она осталась там, — хмуро ответил Ант, сжимая пальцы в кулаки. От него веяло какой-то отчаянной беспомощностью.

— Там? Где это — «там»?

— Там, где держали принцессу Ирису, — ответил Лин. И если Ант выглядел отчаявшимся, то Лин... казалось, он застыл ледяной статуей самому себе. Ни единой эмоции не проскальзывало на его лице, лишь ледяное равнодушие. И это, как спокойствие Дара, тоже было показным.

— Почему? Почему тогда она еще не здесь? Ириса? — спросил Дарриан, обращаясь к принцессе напрямую. И девушка просто не смогла выдержать его тяжелый, прожигающий взгляд.

— Вы не понимаете! Я не виновата — это все Эрди! Это он схватил тот амулет и перенесся вместе со мной. Хотя она ведь говорила, что у нее больше нет амулетов. Да и почему все спрашивают меня? Я все сказала, все передала, как она и просила. И вообще — с чего такая обеспокоенность? Разве она не работает не в Тайном ведомстве? Так что обязательно что-то придумает.

— Она работает здесь всего два месяца. Она осталась одна наедине с отрядом наемников. Мертвых наемников, которых так просто не убить. У нее не осталось амулета, который мог бы ее при опасности перенести сюда... — приглушенно произнес Ант, ни к

кому не обращаясь, а говоря это словно самому себе.

— Надо что-то делать! Мы не можем... Вы не понимаете! Мы должны ее найти, она не может умереть. Я не могу ее потерять во второй раз, нет... Если я еще раз... Вы не понимаете... — забормотал Дар, прижав пальцы к вискам.

— Да что вы все так всполошились! Да, ее жалко, конечно, но это ее работа. Она должна была знать все последствия, когда шла сюда работать. Да она сама сказала, что ее главная задача — это мое спасение! Сама сказала! Так что я...

— Молчи. Лучше просто молчи, — сквозь зубы произнес молчавший до этого Лео. Он стоял ко всем спиной, рассматривая карту, что висела на стене, так что никто не мог видеть его выражение лица. Но голос его звучал довольно зло.

— Дар? Дар! Попытайся вспомнить, кого ты знаешь из темных магов, что могут быть замешаны в этом деле, — сказал Кир, который был единственным, кто не стоял в этой комнате. Он сидел за столом и судорожно рылся в каких-то документах и, судя по его хмурому взгляду, ничего полезного найти не мог.

— Темный маг? Никто бы из тех, кого я знаю, не стал бы в это вмешиваться — сам понимаешь, мы все приносили клятву о не причинении вреда императорской семье. Да и практически никого из них сейчас нет в стране — они сейчас все обследуют Риорскую пустошь — в последнее время там творится что-то непонятное. В стране нас осталось лишь трое — я, Морти и Войросс. Но Морти сейчас от жены не отходит — она на последнем месяце беременности и ребенку нужна постоянная подпитка магией. Войросс...

— Он не мог — он уже практически месяц как на задании, так что это точно не он. Значит, есть еще какой-то неучтенный темный маг. И явно не новичок — поднять целый отряд и заставить их служить. Сильный обряд. Значит, и эманации должны быть сильными — и его бы засекли в любом городе. Где можно без проблем провести такой обряд, чтобы никто ничего не почувствовал? — спросил Лео, напряженно вглядываясь в карту.

— Почему мы не можем отследить ее? — спросил Дар. Кажется, размышления его немного остудили.

— Что-то глушит любое применение поиска. Ни магия, ни амулеты... ничего не работает. Думаешь, если бы мы знали, где она или как ее отыскать, мы бы сидели на месте и рассуждали о том, где она может находиться? У нас просто некуда отправлять отряды. Маги пытаются считать путь, по которому она прошла за Ирисой, но пока без результатов — слишком много времени прошло. Так что единственное, что мы можем — это искать того мага и, через него, его место.

— Знаете, что мне интересно... Как она могла переместиться из дворца? Кириан? Леоррон? Дарриан? Не хотите мне ответить? — спросила неожиданно Иллиана, что с недоумением при этом смотрела на темного мага.

Она знала этого мага слишком долго и то, как он реагирует из-за какой-то девчонки, ее настораживало. Почему она не в курсе его интереса? Да и Кир с Лео недалеко ушли — слишком уж остро реагируют на эту незнакомую девчонку. Неужели история повторяется? Интересно... Это может быть полезным.

— Я не давала ей разрешения на это. Да и никто из моей семьи тоже — я бы знала об этом.

— Дворец сам мог ее пропустить — она же перемещалась, чтобы спасти принцессу. Такие случаи были в истории. Да и... Дар? Что с тобой?

Все тут же посмотрели в сторону Дарриана. С мужчиной действительно творилось что-

то неладное — его глаза полностью заполнила тьма, лицо резко побледнело, а сам он, казалось, был вообще не здесь.

— Ну же, давай, еще немного. Ты сможешь, — произнес Дар и в кабинете начало твориться что-то невообразимое.

Бумаги тут же взлетели в воздух, словно от сильного порыва ветра. Стекла зазвенели, словно вот-вот собирались разбиться. Слышался какой-то странный свист и скрип.

Но самое интересное творилось рядом с Даром.

Он, вытянув руки вперед, словно тянулся своей магией куда-то в неизвестность. Все его тело выдавало крайнюю степень напряженности.

— Ну же, давай, ты сможешь. Давай же. Ты не можешь оставить меня, не можешь снова покинуть. Готова? Давай!

Мгновение — и вся комната погружается в крошечную тьму. А через пару мгновений все возвращается на свои места, словно ничего не было.

Вот только кое-что в обстановке разительно изменилось — а именно девушка, растрепанная, истекающая кровью, что, появившись, тут же рухнула в объятия Дара.

— Дар? Хорошо... нельзя видеть... убийца рядом... — последние слова она прошептала так тихо, что ее смог услышать лишь только мужчина, что держал ее.

— Яра? — к девушке рванули несколько человек.

Но они тут же были остановлены волной темной магии, что окатила всех, заставляя замереть.

— Стоять. Я сам, — холодно произнес Дар. Его глаза до сих пор не покинула тьма, так что не было ясно — это он говорит, или же его магия, — не подходите.

Мужчина подхватил девушку на руки, прикрывая ее лицо так, чтобы никто его не увидел.

Никому нельзя было ее увидеть, потому что иллюзия, которая прятала ее облик, каким-то образом исчезла, и теперь каждый мог увидеть истинное лицо Яры.

Дар уже давно практически уверен был в том, кто скрывается за иллюзией. А остальным это знать было совсем не обязательно. Тем более она сама попросила его об этом.

— Не подходите, — вновь произнес Дар, видя удивленные лица.

Он явно не намерен был объяснять свое поведение. Не сейчас.

Сейчас самым главным было помочь Яре, ибо ее состояние вызывало серьезные опасения. И, если бы Дар не чувствовал уверенное биение ее жизни в теле, если бы он не ощущал ее душу, которая пока не собиралась покидать это тело, он бы не был так спокоен.

— Я помогу, — внезапно произнес Лин, делая шаг вперед, — нужно подпитать ее силой и исцелить хотя бы некоторые ее раны. Я помогу. Я знаю.

И Дар понял, что именно хотел сказать Лин. Он знает о том, кто она. А значит, не несет угрозы.

— Хорошо. Ты идешь со мной. Мы уходим.

Они покинули кабинет настолько быстро, что никто даже осознать не успел, что произошло.

— Эй, Дар, куда ты... — воскликнул Лео, но уже не был услышан.

— Они ее вылечат. Все будет в порядке, — произнес спокойно Ант. Теперь он казался расслабленным и уверенным в том, что все будет хорошо.

— Но почему он... — произнес кто-то из незнакомых Анту мужчин, которые пришли вместе с императрицей.

— Любопытненько, — произнесла Ириса, при этом ее голос прозвучал особенно неприятно, — значит, Дарриан умудрился обыграть вас? Забавно.

— Кириан, когда Дарриан успел? — спросила Иллиана, повернувшись к мужчинам, что когда-то были лучшими друзьями ее сестры.

— Успел что? — задал вопрос Кир, магией возвращая бумаги на место.

— Обзавестись новой «любовью»? — в голосе императрицы было что-то странное, словно вся ситуация ее беспокоила и забавляла одновременно, — И почему я узнаю об этом сейчас? Об этой девочке? Разве не странно?

— Почему мы должны были сообщать об этом? Это — личная жизнь Дара и мы не...

— Просто не только Дарриан заинтересован в ней, верно? Вы ведь тоже, — протянула принцесса Ириса. Теперь в ее голосе слышалась обида, — конечно же вы тоже. А я все никак не могла понять, с чего это она вдруг зовет вас так. Вы ведь даже мне не разрешаете это делать.

— Зовет их «так»? — спросила Иллиана.

— Кир... Лео... и Дар. Ты разве не слышала? Когда она появилась здесь, она назвала Дарриана Даром? И он даже не удивился. И тогда, когда она просила передать информацию про похищение, она сказала передать ее Киру и Лео. Я сначала даже и не поняла, кого она говорит. А потом... слишком легко она это произносила...

— Вот как, — протянула императрица, с интересом глядя на невозмутимые лица тех двоих, о ком говорила ее дочь. Ни удивления, ни возмущения, ни заинтересованности — словно это было обычным для них делом. Слишком близки? Вероятнее всего. Но как она умудрилась не заметить этого?

Как она не заметила, что история вновь повторяется, вот только главную женскую роль играет другая девушка...

Это было неожиданно, и все же ожидаемо.

Иллиана знала, что история однажды повторится.

И теперь она знала, что в этот раз не допустит повторение того финала.

Глава 27. Стремление к целостности

Сознание возвращалось медленно и неохотно.

Сначала вернулись звуки — тихое, едва уловимое дыхание, далекий шелест листьев, редкие вскрики птиц.

Затем вернулось обоняние — и я уловила горький запах трав, что, казалось, чувствовался даже не кончике языка. А еще был ни с чем несравнимый запах болезни — так пахнет от человека после тяжелых ранений — кровью, потом и каким-то еще странным, непонятным запахом. Необъяснимым, но хорошо знакомым.

Последними вернулись боль и воспоминания.

И я даже не знаю, от чего из горла вырвался тихий стон — то ли от боли, то ли от осознания того, что произошло.

Я жива. Но разве это возможно?

Я ведь прекрасно помню, что исход был не на моей стороне. Когда принцесса со своим Эрди исчезли, переместившись с помощью амулетов, моему злу не было предела. И злилась-то в большей степени я на саму себя. Знала же, что в опасных ситуациях люди чаще всего поступают эгоистично, стремясь спасти, в первую очередь, себя. Так что это было очень опрометчиво с моей стороны — отдавать принцессе сразу два амулета. Оправдывает меня лишь одно — на раздумья времени не было — слишком неожиданна для меня оказалась новость о том, что охраняют принцессу мертвые наемники. Вот и сглупила...

Коря себя за эту ошибку, которая, вероятнее всего, слишком дорого мне обойдется, я продумывала план отступления.

Так уж получилось, что, переместившись, я оказалась не рядом с принцессой, а в соседней комнате, которая явно была чьим-то кабинетом. Вероятнее всего хозяином являлся тот, кто похитил принцессу. И у него в кабинете, возможно, могло оказаться что-то, что могло бы мне помочь выбраться из этого места.

Вот и пришлось мне в конечном счете прорываться сквозь толпу умертвий, чтобы добраться до этого злополучного кабинета.

В итоге я, конечно, все же смогла пробраться, но не без потерь. Несколько довольно глубоких порезов. Особенно неприятная рана на правом плече — из-за которой вряд ли я смогу теперь хорошо защищаться. Многочисленные царапины.

А еще я потеряла артефакт, который скрывал мою внешность.

Просто иронию судьбы, не иначе. Это же надо было одному из наемников так точно попасть в то место, где была спрятана жемчужина! И я теперь даже не знаю, цела ли она осталась, или же артефакт все же после такого воздействия оказался безнадежно испорчен.

Остается надеяться на второй вариант, иначе... Иначе у меня могут возникнуть большие неприятности.

И вот здесь-то и меня ожидал сюрприз.

И пусть я не нашла ни амулета переноса, ни что-либо еще, что могло бы мне хоть как-то помочь выбраться из этого места, я обнаружила совершенно другое.

На бумаги я даже не сразу обратила внимание — ведь искала-то я совершенно другое. А потом... потом мой взгляд случайно зацепился за одну строчку. А потом за следующую... И, чем дальше я читала, тем яснее осознавала, что это оно.

То, зачем я вообще пошла работать в тайное ведомство. То, что мучило меня столько лет.

Приница, по которой меня когда-то убили. И причина, по которой в этот раз похитили принцессу Ирису.

Текст был на каком-то старом длинном свертке. Его содержимое было написано от руки, мелким почерком, поэтому прочитать все, что было написано не нем, было непросто. И это бы заняло слишком много времени — времени, которого у меня не было.

Поэтому я и схватила этот свертки, спрятав за пазухой, чтобы в будущем прочитать все более внимательно и разобраться в написанном.

А затем начались догонялки... со смертью? Да. Наверное, можно и так сказать. Прятаться в кабинете долго не получилось — на удивление в этом доме были ужасно хлипкие двери без какой-либо преграды в виде замка или засова. Поэтому прятаться получалось недолго.

Я убегала по коридорам, изредка прячась то в одной комнате, то в другой, в тщетной попытке найти выход из этого дома.

Но коридоры плутали так, что мне казалось, что я нахожусь в бесконечном лабиринте. Окон же не было вовсе — и у меня отчего-то возникали странные ассоциации. Казалось, что это не дом — а огромный гроб, в котором и найдет свое последнее пристанище мое тело.

Силы были на исходе.

Поэтому, спрятавшись в очередной комнате, я устало прислонилась к стене и медленно задышала. Мне нужно было успокоиться и сконцентрироваться. Умирать здесь от руки умертвий я не собиралась, а значит... значит, оставался лишь один вариант.

К нему я прибегать совершенно не хотела сразу по нескольким причинам.

Во-первых, я была не уверена в том, что это сработает. Во-вторых, прибегнув к этому, я израсходую так много энергии, что не факт, что я вообще после этого приду в сознание. А если приду, то восстанавливаться буду не одну неделю. В-третьих, используя это, я, при удачном исходе, я подвергну опасности не только себя, но и Дара. И если я была готова рисковать своей жизнью, то его...

Да, я собиралась это сделать.

Я собиралась призвать тьму, что связывала наши жизни. Я собиралась пробудить в себе часть его души, что он когда-то мне отдал в дар.

Это случилось не сразу. Я имею ввиду, что я далеко не сразу осознала, почему меня так сильно тянет к Дару. Я этому даже не придавала большого значения.

Вот только потом, прочитав не одну сотню книг, я осознала, что это он.

Это благодаря Дару я до сих пор жива. Благодаря ему я не погибла в том ритуале.

Я не знаю, когда это произошло. Когда Дар отдал мне часть себя. Легенды не вралли — и темные маги действительно вручали своим невестам часть своей души. Я никогда не была его невестой, но все же оказалось, что он отдал часть своей тьмы мне.

Не уверена в том, что он и сам осознает, что произошло в те годы. Не уверена, знает ли о том, что когда-то он вручил мне часть своей души. Думаю, он знал об этом.

Но не это важно сейчас. Важно то, что именно благодаря его душе я выжила тогда. Благодаря его душе я вернулась на Арлион. Благодаря его душе меня и тянуло к нему.

Душа всегда стремится к целостности.

И именно это я сейчас и собиралась использовать.

Я собиралась вернуться к тому, чья часть души все эти годы оставалась со мной и

оберегала меня.

Я собиралась вернуться к Дару...

И, судя по тому, что я жива, у меня все получилось.

Сейчас мне было страшно. Я боялась открыть глаза и увидеть Дара. Боялась, что он не сможет меня понять. Боялась, что он не простит мне этот невольный обман.

Как он отреагирует на все это? Как он отреагировал, увидев меня в моем истинном облики? Как он отреагировал, когда понял, что Яра и Ярина — это один и тот же человек. В том, что он это понял, я не сомневалась — Дар никогда не был глупцом.

Мне оставалось лишь надеяться на то, что он сможет меня понять и простить. А еще мне хотелось верить, что только он узнал о том, кто я такая. Кир, Лео... Слишком сложными у нас были отношения. Хотя нет, не сложными, просто... За столько лет действительно многое изменилось. И теперь я не уверена, что вообще стоит кому-то рассказывать о том, кто я такая.

Пожив под чужим именем, я наконец-то осознала прелесть свободы. И я совсем не уверена, что вновь хочу вернуться к прошлой жизни. Мне это больше не было нужно. Я хотела другой жизни — более спокойной и наполненной радостными моментами. А жизнь во дворце никогда не даст мне ни свободы, ни спокойствия.

Я осторожно пошевелила пальцами ног, затем рук. Все было в порядке, все функционирует, ничего не сломано. Это хорошо. Больно, конечно, но эта боль пройдет.

Что ж, я жива. И мне хватило смелости, чтобы выбраться из ловушки, воспользовавшись опасным, непроверенным способом. А это значит, что мне должно хватить и смелости для того, чтобы открыть глаза и посмотреть в лицо будущему.

Да, Яра, хватит бояться. Все равно тебе придется это сделать, но, чем больше я буду оттягивать этот момент, тем страшнее мне будет становиться.

По крайней мере это не так страшно, как умирать...

Мгновение.

Глубокий вздох.

И я открываю глаза.

И сразу же натыкаюсь на взгляд Дара.

Он знает. Ну конечно же он все знает, глупо было бы думать иначе. А еще он явно видел, что я очнулась, потому что он не выглядит удивленным. Нет, он совершенно не удивлен.

Он просто смотрит... Смотрит так, что у меня в душе все переворачивается. Я не понимаю этот взгляд. Вижу, что он совершенно не злится — нет, в нем нет ни капли злости или недовольства.

Он смотрит... как отчаявшийся, которому неожиданно подарили надежду. Спокойно, словно не веря в то, что он видит. Словно он сам себе запрещает надеяться.

Он смотрит... нет. Я не знаю.

Я и правда не знаю, как описать то чувство, что отражается в его взгляде. Я не знаю ему названия. Просто от этого взгляда мое сердце начинает биться так сильно, что еще чуть-чуть, и оно сломает мне ребра. От этого взгляда мне хочется спрятаться, сбежать, потому что он слишком сильный. Слишком чувственный. Это меня завораживает и пугает. От этого взгляда мне хочется плакать.

Этот взгляд и правда слишком сильный.

Но я выдерживаю его.

Выдерживаю и, слабо улыбнувшись, тихо шепчу:
— Привет.

Отступление 6. Дарриан

Сложно сказать, когда именно это произошло.

На самом деле, это даже забавно — осознания значимых изменений или событий в моей жизни приходило ко мне уже после того, как эти самые изменения или события произошли.

Скажем так: когда я осознавал, что произошло «нечто», изменившее мою жизнь, было уже поздно что-либо менять.

Такое случалось редко, и все же это было. Видимо, такова моя судьба. А с судьбой спорить довольно затруднительно.

И, что кажется мне еще более забавным, все ключевые моменты в моей жизни были так или иначе связаны с Ярой. Всегда.

Куда бы я ни шел, что бы я ни делал, моя дорога жизни всегда приводила к ней. Что было тогда, что случилось и сейчас.

Знаете, темные маги — весьма загадочный народ. Нас не любят — и это мягко сказано, но, если спросить у кого-нибудь, за что нас именно не любят, многие затруднятся с ответом. Или начнут рассказывать нам о наших страшных поступках, приписывая темным порой такое, на что не способен вообще никто, не говоря о темных магах.

Темный маг, узнав о своей магии, обычно старается не афишировать, что он принадлежит к темным — за это пусть и не преследуют по закону, но от слухов, шепотков за спиной и пренебрежения, вкуче с опасением, никто из темных магов не был избавлен.

Нас не любили, да.

Поэтому темные зачастую и скрывались. И это, конечно же, имело множество последствий. Одним из ярких последствий, например, становилось полное непонимание своих сил. Я ничего не знал о тьме, что жила во мне. Я не знал, что может эта сила, не знал, как она работает. Мне приходилось часами экспериментировать, чтобы понять, что я могу и какие пределы есть у моей магии. Я скрупулезно старался отыскать хоть какую-нибудь информацию о своей силе.

Именно поэтому я согласился тогда пойти с Яриной и стать ее тенью. Доступ к такой информации, которую я не смогу больше нигде отыскать — вот что меня интересовало в первую очередь. Конечно, были и другие причины, но эта... эта было основной. По крайней мере на тот момент.

Иногда я думаю о том, отказался бы я идти за ней, если бы знал, чем это закончится?

Нет.

Таким был всегда мой ответ. Даже зная о том, что однажды часть моей души будет принадлежать ей, даже зная о том, что она исчезнет из моей жизни на полвека, даже зная о том, какую боль мне принесет эта любовь...

Нет.

Я бы никогда, ни при каких обстоятельствах не отказался идти за ней.

Потому что это она. Это всегда была лишь она одна.

Потому что, несмотря ни на что, она здесь. Лежит в моей кровати. Да, ранена и истощена, но жива. Раны заживут, силы и магия Яры восстановятся, и тогда...

Я давно разучился бояться. Давно забыл это чувство. Поэтому сейчас мне не было

страшно.

Волнительно, да. Но не страшно.

Да и не пристало бояться темному магу.

Что же касается ее тайны... Я не сразу осознал, что Ярина и Яра — это один и тот же человек. Это осознание зарождалось во мне постепенно. Конечно, она искусно старалась скрыть свои прежние черты характера. Она великолепно замаскировалась.

И лишь глаза ее выдали. Всегда выдавали.

Если бы кто-то однажды спросил меня, что я сначала полюбил в ней, то у меня тут же найдется ответ.

Глаза — вот что я люблю в ней больше всего.

Ибо в ее глазах я всегда видел ее душу.

Все, что она чувствовала, все эмоции, все радости и страхи, все мечты и надежды — все это отражалось в ее глазах. В них я действительно видел отражение ее души. Ее настоящую личность, без масок, без прикрас.

Она изменилась за эти годы, да. Я до сих пор не знаю, что с ней тогда случилось, до сих пор не знаю и о том, как она жила все эти годы до нашей новой встречи. Но, что бы с ней за это время не происходило, это ее довольно сильно изменило. Именно это меня и смущало — я запомнил Ярину, как нежную, трепетную девушку, как хрупкий цветок, что может сломаться от неосторожного обращения с ним. Яра же совсем не была похожа на цветок — разве что на кактус. Она была более свободной, более открытой, более сильной. Поэтому я достаточно долгое время убеждал себя в том, что они отличаются друг от друга.

Но, чем сильнее я старался отыскать в них отличия, тем больше находил сходства. И однажды у меня не осталось другого выбора, кроме как признать тот факт, что две эти девушки — это один и тот же человек.

Так что я не сильно удивился, когда там, в кабинете у Кира и Лео Яра появилась в своем истинном обличье. Да и не до удивления было — хватало и других эмоций.

Здесь был большой коктейль из смешанных чувств: и облегчение, и злость, и надежда, и радость, и, как бы это странно не звучало, страх.

Я впервые за долгое время испугался — испугался того, что убийца Яры действительно может находиться в комнате. Испугался того, что остальные узнают в ней Ярину и тут же попытаются отнять ее у меня.

А уж когда я осознал, что убийцей Ярины является человек, с которым я хорошо знаком — ведь в кабинете было всего несколько человек, которых я знал не один год — я испытал такую ярость, смешанную с ужасом и отвращением что не передать словами.

Конечно, моим единственным желанием было спрятать Яру как можно дальше от этих людей. Желание защитить ее было таким сильным, что темная магия впервые за долгие десятилетия взяла на некоторое время вверх надо мной. И я не знаю, что бы в итоге случилось, если бы не Лин — один из друзей Яры, который указал мне на то, что ей требуется помощь целителя и что он может помочь. Я бы не навредил Яре — это невозможно хотя бы потому, что моя магия, моя тьма никогда бы не навредила той, у кого хранится часть моей души. Зато навредить я мог бы всем остальным — хотя бы для того, чтобы устранить даже намек на опасность для Яры.

Что ж, все обошлось — и теперь Яра здесь, в моем доме, в моей постели.

И я никак не могу поверить своим глазам — ведь то, о чем я мог лишь безнадежно мечтать, вдруг стало реальностью.

Она жива.

Она здесь, рядом. И теперь я сделаю все, что в моих силах, чтобы уберечь ее.

Ее пробуждение, конечно же, не остается для меня незамеченным, но я не тороплю ее. Мне до боли в пальцах хочется, чтобы она открыла глаза и взглянула на меня. Я до безумия желаю вновь увидеть ее взгляд. Вновь увидеть в нем отражение ее души, что я когда-то полюбил всем сердцем.

Но я действительно не хочу ее торопить — потому что понимаю, что сейчас ей, должно быть, страшно. Её тайна раскрыта, маска отброшена в сторону, и теперь она уже не сможет делать вид, что она — совсем другой человек. Теперь ее ожидает новое испытание, и, вероятнее всего, это испытание будет самым опасным в ее жизни. Глупо было бы думать, что она не попытается выяснить правду о своей смерти. И теперь, когда она находится всего лишь в шаге от раскрытия своей личности окружающим, начинается новая игра. Убийца совсем скоро узнает, что Ярина не умерла, а значит, он совсем скоро поспешит завершить то, что не закончил полвека назад. И единственный способ уберечь Яру от опасности — отыскать убийцу до того, как он доберется до нее.

И вот она делает глубокий вздох — и я уже знаю, что за ним последует.

Она открывает глаза.

И я мгновенно утопаю в ее взгляде.

Столько лет... Я и не верил, что однажды вновь смогу увидеть ее. Мечтал лишь о том, что там, в посмертии, мне удастся с ней встретиться.

И вот она здесь.

Такая теплая, такая живая... И это знание, это понимание неожиданным потоком обрушивается на меня.

Она и впрямь здесь. Не иллюзия, не пьяный бред воспаленного сознания. Это не сон.

Реальность.

И она здесь. Живая.

Я просто смотрю на нее, отмечая каждое легчайшее изменение в ее взгляде. Она отпечатывается во мне так четко, так ясно, что я и через тысячу лет смог бы до мельчайшей детали вспомнить ее образ.

Я просто смотрю на нее и понимаю, что мне не хватит и всей моей жизни, чтобы насмотреться.

Я просто смотрю, не в силах отвести взгляд даже на мгновение.

Я просто смотрю на нее.

И она смотрит в ответ. Удивленно, немного испугано и настороженно — словно не понимает, чего жать от меня. Какой-то частью сознания я понимаю, что, вероятнее всего, я лишь только пугаю, когда так пристально смотрю на нее. Но на то, чтобы отвернуться или опустить взгляд нет ни силы, ни желания, ни воли.

Я не знаю, как долго мы так смотрим друг на друга. Думаю, прошло довольно много времени. И все же я не в силах сдержать прерывистого вздоха, когда она, тихо улыбнувшись, едва слышно шепчет:

— Привет.

— Спасибо, — тихо говорю я вдруг.

— За что? — удивленно спрашивает она, а я не могу ей ответить, потому что и сам не знаю ответа на ее вопрос.

Точнее, ответов слишком много. За эти годы мне столько раз хотелось ее

поблагодарить. За многое. За всю мою жизнь, что благодаря ей изменилась в лучшую сторону и наполнилась смыслом.

— За то, что ты жива, — говорю я тихо. Именно за это я больше всего благодарен ей. За то, что она тогда не умерла окончательно. За то, что у меня появилась возможность вновь увидеть ее, — я скучал по тебе.

И это тоже правда. Не передать словами, как сильно я тосковал по ней.

И, кажется, Яре вовсе не нужны слова — она все видит в моем взгляде. Все, что я так хотел сказать ей, но так и не смог подобрать нужных слов, чтобы выразить все это.

Она на мгновение прикрывает глаза, словно пытается осознать все, что увидела, а потом вновь смотрит на меня, и это уже совсем другой взгляд. Теперь в нем нет ни страха, ни волнения, ни испуга — нет, теперь в ее глазах я вижу совсем другие чувства, более сильные, более глубокие.

От этого перехватывает дыхание и на мгновение я, кажется, и вовсе забываю, как дышать.

— И я скучала по тебе. Я... Дар, я так сильно скучала, — вдруг шепчет она, а в следующее мгновение она уже в моих объятьях. Она прижимается ко мне крепко-крепко, изо всех сил, словно пытается врасти в меня, хотя уже поздно — кажется, она уже давно находится в каждой клеточке моего тела.

Она сжимает край моей рубашки и тихо вздрагивает. Она плачет, и от этого на сердце так больно, что кажется, я совсем скоро умру. Умру от боли ли за нее, или же от счастья, что чувствую тепло ее тела, тепло ее жизни...

Я медленно глажу ее по волосам, шепча какие-то глупости. Мне страшно прикоснуться к ней — я боюсь причинить ей боль своими неловкими движениями. И все же она так сильно цепляется за меня, словно ища защиту, что мне не остается ничего другого, как самому прижимать ее к себе — аккуратно, бережно и осторожно.

Она жива.

Теперь я действительно верю в это. Теперь я это чувствую. И теперь никто не сможет у меня ее вновь забрать. Я готов бороться с чем угодно, лишь бы не потерять ее вновь.

Я сделаю все, чтобы спасти, чтобы уберечь ее от смерти.

И если надо будет, то я ее и у смерти украду.

И никто не сможет меня остановить.

Глава 28. Непростой разговор

Этот разговор дался нам обоим непросто.

Конечно, радость от долгожданной встречи сглаживала многие углы. И все же было действительно сложно — уж слишком много тайн накопилось за это время, слишком много времени прошло с тех пор, как мы вот так разговаривали друг с другом.

Я просто не представляла, с чего начать этот разговор. О чем говорить? Что именно рассказать? Открыть свою тайну Дару стало для меня огромным облегчением, но теперь я стала бояться иного — что он не сможет до конца понять причины, по которым я не рассказала о себе до сих пор.

Вот только я, кажется, успела подзабыть, что среди всех моих близких, Дар всегда понимал меня едва ли не лучше всех.

Мы говорили долго.

Правда, сначала Дару пришлось меня успокаивать, потому что эта наша встреча, эта тайна, о которой он узнал, стала последней каплей и я просто разрыдалась, как маленький ребенок. Через слезы я отпускала все свои страхи, всю свою боль, все свои сомнения.

Я действительно испытала такое дикое облегчение, что просто не смогла больше сдерживать слез.

И Дар успокаивал меня точно так же, как успокаивал когда-то давным-давно. И мне даже на какое-то мгновение показалось, что и не было всех этих лет, всех этих моментов, которые я пережила без него. Показалось, что я вновь юная принцесса Ярина, которая чем-то расстроена. Показалось, что не было этих испытаний, что Дар все такой же юный, каким был тогда. Показалось, что не было этой смерти, что стала причиной нашей долгой разлуки.

Но, если подумать, то, наверное, я все же повторила бы свою судьбу, будь у меня возможность что-то изменить. Потому что именно благодаря смерти, благодаря той жизни на Земле, благодаря жизни здесь в образе никому не известной девушки, я стала сильнее.

Об этом я и говорила Дару.

Я рассказала ему, наверное, обо всем, что случилось со мной после той смерти. Я говорила, говорила, говорила и чувствовала, что мне становится легче дышать, словно до этого на меня давил огромный груз.

Дар тоже о многом говорил. Он рассказал о том, как долго работал в Тайном ведомстве над моим делом в безуспешных попытках найти моего убийцу. Рассказал о том, что однажды понял, что нужно отпустить прошлое и начать жить настоящим. Рассказал о том, что для того, чтобы ситуация, что произошла со мной, больше не повторялась, он решил создать Академию, которая обучит ребят, способных защитить людей. Рассказал о том, с какими трудностями пришлось ему столкнуться.

Рассказал он и о том, как складывалось его общение с Киrom и Лео.

Он тоже о многом говорил.

О похищении принцессы и о том, что мне удалось выяснить, мы поговорили отдельно, едва ли не сразу после того, как я перестала плакать у Дара на плече.

О самом похищении я рассказать могла совсем немного — лишь смогла описать то, что успела увидеть и почувствовать.

А вот о том, что я выяснила, мы говорили дольше, хотя, по сути, выяснила я совсем

немного — лишь то, что мое похищение и моя смерть связаны с похищением принцессы Ирисы.

Ритуал.

Забавно, конечно, но и я когда-то, и Ириса сейчас нужны были для одного ритуала. И свиток, который я отыскала среди тех записей, был ничем иным, как подробным описанием этого ритуала, точнее того, что именно необходимо для него и какие условия должны были быть соблюдены.

Список был довольно объемным и, что самое интересное, достать некоторые ингредиенты для подобного ритуала было практически невозможно. Они были доступны лишь членам императорской семьи.

Вообще, у меня сложилось такое впечатление, что и сам ритуал был придуман специально для императорской семьи — уж слишком он был своеобразен. Знать бы еще с какой целью, ибо, к сожалению, в свитке ничего не было сказано про конечный результат. Но, вероятнее всего, ни к чему хорошему этот ритуал не мог привести, потому что в нем необходима была жертва.

Чистая и невинная душа и тело младшего члена императорской семьи.

Вот для чего тогда требовалась моя смерть. Вот для чего похитили Ирису.

Для роли жертвы в страшном ритуале.

И не удивительно, что тогда мой убийца обозлился на меня — я не могла считаться правильной жертвой, так как буквально за несколько часов до этого провела ритуал, разделив свою душу.

Теперь же опасность стать жертвой в ритуале угрожала Ирисе — ведь теперь она считалась младшим членом императорской семьи. И эта угроза, вероятнее всего, исходит от близкого человека.

Кажется, не только моя племянница, но и моя сестра находится в опасности, ведь совсем рядом с ней находится убийца.

В то, что на подобный ритуал могла пойти сестра, я не верила. Я хоть и плохо помнила свое детство, но в моей памяти на всю жизнь отпечатался момент горя и ужаса, когда Иллиана сообщала мне о том, что от нашей огромной семьи осталась лишь она и я.

Ей тогда пришлось намного тяжелее, чем мне — в том заговоре она потеряла не только родителей, но и свою маленькую семью, своего мужа и свою дочь, которой не исполнилось и пары месяцев.

Поэтому я уверена, что сестра никогда бы не пожертвовала кем-то из членов своей семьи — для нее потерять кого-то из семьи гораздо хуже смерти.

Нет, только не сестра. Она наоборот, старалась сохранить остатки нашей семьи. Даже пыталась отыскать очень дальних родственников, в чьей крови находилось лишь несколько капель крови императорской семьи.

Таких родственников почти не было — заговорщики хорошо постарались и практически под корень уничтожили весь наш род.

А вот кто-то из ее мужей или из ее советников мог решиться на этот ритуал.

И я бы даже поставила на ее мужей. Какими бы хорошими не были их отношения, но я помню, что брак с ними Иллиане навязывали. Слишком уж боялся совет, что наша и без того крошечная семья лишится последнего. Поэтому Иллиану едва ли не принуждали вновь выйти замуж и как можно скорее приступить к продолжению рода.

Со вторым, конечно, не получалось довольно долгое время — после смерти семьи у

Иллианы были проблемы со здоровьем и она долгое время не могла забеременеть. Помнится мне, что по дворцу даже ходили разговоры о том, что моя сестра пострадала в том заговоре и больше не может иметь детей. Даже ходили разговоры, что, как только я достигну совершеннолетия, мне тут же предоставят список потенциальных женихов, для того, чтобы я поскорее вышла замуж и тут же приступила к пополнению императорской семьи.

Да уж, тут даже не знаешь, может быть и стоит порадоваться тому, что я тогда умерла — иначе была бы я уже давно замужем за нелюбимыми. Вряд ли бы совет согласился ограничиться одной кандидатурой на роль моего мужа.

Так что моя смерть тогда была совсем не выгодна совету.

А вот мужьям Иллианы... Тут все более сложно. По правде говоря, ни с одним из них я практически не общалась — все наше общение обычно ограничивалось лишь приветствиями и несколькими разговорами ни о чем. Я с ними даже не была толком знакома — когда Иллиана выходила замуж, я была слишком маленькой для того, чтобы с ними общаться.

А потом наши пути почти и не пересекались — я жила в своем крыле, все время посвящая учебе, а они появлялись в своих комнатах лишь для сна, тратя большую часть своего времени на работу. Так что пересекались мы в основном на официальных мероприятиях, на которых времени на разговоры друг с другом определенно не было — каждый из нас даже на таких праздниках был занят своим делом.

Поэтому да, знала я их довольно плохо и ничего, кроме основной информации, что доступна большинству, рассказать о них не могла. Именно поэтому, вероятнее всего, моим убийцей является кто-то из этих мужчин.

Остается только выяснить, кому именно из них понадобилась моя смерть, и для чего вообще нужен был тот ритуал.

Обо всем этом я и рассказала Дару. Знала, что дальше него эта информация пока не уйдет.

И верно — Дар согласился с моим решением пока не сообщать никому о том, что я жива и о том, что моим убийцей, вероятнее всего, является член императорской семьи.

А еще Дар огорошил меня сообщением о том, что собирается на какое-то время оставить Академию и вернуться в Тайное ведомство. И не просто вернуться, а присоединиться к моей команде.

Сказать, что это его решение меня удивило — ничего не сказать.

Но обсуждение этого вопроса мы решили оставить на завтра — разговор о нашем прошлом и о моей смерти забрал у меня слишком много сил и я чувствовала, что просто не могу продолжить разговор.

Оставили мы на завтра и еще одну тему, которую за весь этот день старательно обходили стороной.

Тему наших дальнейших отношений.

И не потому что не хотели о ней поговорить, просто... просто, думаю, и мне, и Дару нужно было немного времени для того, чтобы обдумать, что мы будем делать дальше.

Глава 29. Отцы и дети

— А давай она будет нашей мамой, — шепотом воскликнул мальчик, дергая своего друга за рукав, — а, Лив? Она мне нравится. И папе точно понравится. И твоему тоже. Ну же, Лив, пусть она будет нашей мамой! Тогда тебе не придется постоянно жить с тетей Дийли! Мы все будем жить у нас дома! Я даже поделюсь с тобой своей комнатой! И всеми игрушками тоже!

— Но она уже живет у дяди Дара, значит, он ее первым нашел и забрал, — с сомнением протянул второй мальчик.

— Но ведь дядя Дар добрый, он точно с нами поделится! И тогда у нас будет аж три папы! Мой папа, твой папа и дядя Дар тоже станет папой! А потом мама родит нам братика и мы будем его всему-всему учить!

— Тогда уж лучше сестренку, — вновь протянул второй мальчик.

— Или сестренку, — согласился с ним первый, — тогда мы будем ее защищать. И делиться сладкими пирожками, которыми нас кормит тетя Дора. А мама нам всем будет рассказывать сказки. Тогда она наша новая мама, да? Но... а вдруг она не захочет быть нашей мамой?

— Но ведь мы ее попросим! Посмотри, какая она красивая, а еще она спасла принцессу, значит, она точно добрая...

— Что здесь происходит? — неожиданно раздавшийся голос Дара прервал мальчишек на полуслове.

Меня, кстати, тоже весьма интересовал этот вопрос. Как-то я не была готова к тому, что проснувшись, обнаружу по соседству со своей кроватью двух мальчишек, которые, не замечая моего пробуждения, обсуждали возможность того, чтобы я стала их мамой.

Догадаться, что за гости вдруг решили меня посетить, было довольно легко — даже в детских чертах этих детей с легкостью угадывались черты лица Кира и Лео.

Лив, тот мальчик, что был поспокойней, явно был близким родственником Кира — те же голубые глаза, те же темные волосы, те же черты лица. Во втором же, более активном, с легкостью можно было отыскать сходство с Лео — начиная от внешности, заканчивая характером и поведением.

А учитывая то, что я была в курсе наличия у моих друзей сыновей, то вопрос о том, кто эти дети, отпадал сам собой. Но меня интересовало другое — что эти дети делают здесь, в моей спальне?

— Дядя Дар! — хором воскликнули мальчиши и тут же бросились в объятья мужчине.

Дар, с легкостью подхватив обоих мальчишек, с наигранной хмуростью взглянул на них и строго спросил:

— Что вы здесь забыли, негодники? Разве не видите, девушка отдыхает после тяжелого сражения со злодеем. И это вообще неприлично, мальчики — вламываться в комнату к незнакомке!

— Но она не незнакомка! Она наша мама, да, Лив?

— М-мама? — поперхнувшись, спросил Дар, бросив быстрый взгляд на меня. Увидев, что я проснулась, он приподнял бровь вверх в немом удивлении, словно спрашивая меня, когда я успела стать мамой двоим мальчишкам.

Мне же на это оставалось только пожать плечами.

— Ага. Мы решили, что она — наша мама. Она красивая, добрая, сильная, а еще она родит нам сестренку и мы будем их с мамой защищать, — уверенно произнес светловолосый мальчик, кивая головой.

— Сестренку... — протянул ошарашенный детской непосредственностью Дар.

— Да. Ведь у дяди Лео есть Мир, а у моего папы есть я. А у тебя нет никого, поэтому мы решили, что наша мама родит тебе нашу сестренку. Ты же поделишься с нами мамой и сестренкой? Мы вырастим и будем их защищать, честно-честно...

— Дядя Дар, ты же нам говорил, что всегда нужно делиться друг с другом. Ты же нас не обманул тогда?

— Так, мальчики, кажется, вам пора к своим папам. Не будем мешать девушке отдыхать, верно.

— Да, мама должна хорошо поспать и тогда она проснется здоровой. А когда она проснется, дядя Дар? А она нас полюбит? Мы с Ливом хорошие, ты сам так говорил. Она же станет нашей мамой, да? И родит нам сестренку?

Дар, видимо, поспешил вынести детей из комнаты и вручить этих непосед их отцам.

— Даже не знаю, смеяться мне или плакать, — пробормотала я, покачав головой.

Ситуация, конечно, весьма забавная, вот только отчего-то мне от нее становилось грустно. Возможно оттого, что эти мальчики были практически полными копиями Кира и Лео и этим самым невольно напомнили мне о тех временах, когда и мы были еще совсем детьми. И пусть я с Лео и Киром познакомилась уже будучи более взрослой, мы все равно тогда были еще совсем неразумными детьми.

Или, может быть, мне стало грустно оттого, насколько отчаялись эти дети получить внимание от своих матерей, если они готовы назвать своей мамой совершенно незнакомую девушку. Как же так могло получиться, что ни у одного из них нет матери, раз они ищут свою маму в других людях? Как же Кир и Лео могли такое вообще допустить? Ведь они сами...

Это горько.

То, что эти мальчики словно повторение истории Кира и Лео. Мать Кира умерла, когда он был еще совсем ребенком, и ему тоже не доставалось родительского внимания и любви. Лео же... он тоже был практически сиротой, но уже при живых родителях. Его отец все свое время посвящал Тайному ведомству и воспитанию старшего сына, а его мать, насколько я помню, все свое время проводила на светских раутах и балах, и ей было совсем не до сына.

Как же так получилось, что теперь их дети невольно повторяют их судьбу? Ведь они должны помнить, насколько сильно в этом возрасте хочется любви и родительской ласки. Да, у них работа, но...

Мне просто до слез жаль этих детей.

И я зла на то, что они не видят этого. Помниться, когда-то, давным-давно, когда у нас зашел разговор про будущее, про семью и детей, все мы убежденно твердили друг другу о том, что никогда, ни при каких обстоятельствах не позволим своим детям пережить то, что пережили мы. Никогда не бросим, не умрем, не оставим, всегда будем рядом, всегда найдем время, чтобы уделить внимание...

Глупо, конечно, злиться. Во-первых, я просто не имею на это право. Во-вторых, я ведь даже не знаю всей истории, всей ситуации. И все равно злюсь. Злюсь так сильно, что хочется вскочить с кровати, выбежать из комнаты, отыскать их и хорошенько постучать по их

головам, в тщетной надежде на то, что там хоть что-то сдвинется, и они хоть что-то поймут и осознают.

— Ты в порядке? — вдруг совсем рядом раздался голос Дара.

Вздрогнув, я резко выдохнула, коря себя за то, что задумалась настолько, что даже не заметила его приближения.

— Да, все хорошо, — неловко улыбнувшись, сказала я, — не объяснишь, что это было?

— Это были Мир и Лив — дети Кира и Лео, — вздохнув, пробормотал Дар.

— Да, это я поняла. Мальчики очень похожи на своих отцов, — кивнув головой, произнесла я, — но я не об этом. Что они вообще тут делают?

— Кир и Лео привели их. У парней должен был быть сегодня выходной, поэтому они заранее отпустили воспитательниц мальчиков. Но из-за этого похищения появилось столько работы, что ни о каком выходном и речи не может быть. А так как они знают, что в ближайшие несколько дней я из дома выходить не собирался, то они и привели ко мне мальчишек. Такое уже случалось, так что в этом нет ничего удивительного, — пожал плечами, произнес Дар, но затем, нахмурившись, добавил, — хотя я и не совсем уверен в том, что я был их единственным вариантом. Думаю, отчасти это из-за тебя.

— Из-за меня?

— Парни надеются, что их сыновьям удастся выяснить о тебе что-нибудь, что им еще не известно. Это, конечно, могло бы сработать — Мир и Лив любят поиграть в шпионов. Вот только теперь вряд ли у Кира и Лео получится выяснить что-нибудь интересное — эти мальчишки свою «маму» точно не станут выдавать.

Последнее предложение Дар произнес со смешком, весело глядя на меня.

— Знаешь, это удивительно. На моей памяти ты первая, кого они все-таки решили назвать своей мамой.

— Так я не первая, кого они пробовали на эту роль?

— Никто до тебя до этого не проходил, так что можешь считать себя первой. Вот только, боюсь, с этим могут возникнуть проблемы. Эти мальчики бывают на редкость упрямы и упорты, если что-то решат. Так что будет непросто их убедить в том, что нельзя просто взять и назвать своей мамой совершенно незнакомую девушку.

— Дар, а что с их настоящими матерями?

— Это... непросто. Знаешь, среди всех девушек этого мира, что Кир, что Лес умудрились подобрать себе самых худших женщин на роль супруги и матери их ребенка. Первым женился Лео. Там вообще, на самом деле, была не самая приятная история. Уж подробностей я не знаю, но так получилось, что Элианна, бывшая жена Лео, на одном из приемов умудрилась подсыпать Лео какой-то порошок. А затем еще и провела ритуал, который гарантировал высокую вероятность зачатия. В общем, когда Лео очнулся после воздействия порошка, что-то менять было поздно — Элианна была беременна.

— Но такие ритуалы... — пробормотала я, покачав головой.

— Да, негативно влияют на беременность. В итоге почти все время, что Элианна носила под сердцем Мира, Лео провел рядом с ней, постоянно подпитывая ребенка своей магией. Видела бы ты его к концу ее беременности — в гроб и то краше кладут. Ему потом не один месяц понадобился для восстановления.

— Но как он вообще мог допустить это? Насколько я знаю, Лео всегда был осторожен с тем, что ест и пьет. Как она умудрилась ему что-то подсыпать?

— Потому что Элианне в этом деле помогал его отец.

— Что? Да быть того не может...

— Увы. Ты же знаешь, что отца Лео всегда интересовали лишь две вещи: работа в Тайном ведомстве и Род. Поэтому он столько сил и времени потратил на воспитание и учебы старшего брата Лео — надеялся, что старший сын станет лучшим и приведет Род к успеху и процветанию. К тому же Лео был в детстве довольно болезненным ребенком, поэтому его отец практически не обращал на него внимание... А потом произошел тот несчастный случай, в котором погиб брат Лео и у Рода остался лишь один наследник. Все планы рухнули в один миг. Более того, Лео не особо-то и хотел жениться... Ты, наверное, не знаешь, но он довольно долгое время не мог себе простить то, что не спас тебя. Каждый из нас винил себя в этом... Так что да, Лео надолго прекратил всяческое общение с противоположным полом. Конечно, потом все вернулось, но жениться на ком-либо Лео отказывался, каждый раз повторяя, что не готов к серьезным отношениям. Поэтому-то его отец и пошел на такой шаг — уж больно сильно ему хотелось, чтобы появился следующий наследник. Вот только стоило ли оно того? Он получил, что хотел. Вот только Лео так и не смог простить отца за предательство, поэтому они уже долгое время не общаются, ведут себя как незнакомцы. Элианну же Лео просто возненавидел. Не удивительно — я, пожалуй, более отвратительной женщины никогда не встречал. Ее даже гадюкой назвать сложно, ибо очень жаль обижать бедных, несчастных змеек, которые на ее фоне выглядят белыми и пушистыми. Эта женщина... она не чурается использовать грязные методы. Интриги, слухи, сплетни, заговоры — она на свободе до сих пор лишь потому, что никогда не переступала черту. Или никто пока этого не смог доказать. Мир... Родив и осознав, что никакая счастливая супружеская жизнь ее не ожидает, она потребовала у Лео огромную сумму в качестве отступных. Получив деньги, она исчезла из жизни Мира. А вот Лео она до сих пор иногда создает проблемы...

— Да уж, я даже не знаю, что сказать.

Вздыхнув, Дар пожал плечами.

— Что же касается Кира... — начал было он, но закончить не успел, так как его прервал раздавшийся стук в дверь.

Глава 30. Признание

— Дядя Дар, а наша мама уже проснулась? — из-за закрытых дверей раздался детский голос.

— Дети, — закатив глаза, пробормотал мужчина, после чего, поднявшись, подошел к двери и, открыв ее, грозно произнес, — так, негодники, вы уже выполнили все мои поручения?

— Вещи разложили, руки помыли. А она проснулась?

— Проснулась. И теперь собирается к завтраку. Так что лучше сбегайте на кухню и спросите, все ли готово. Мы же не хотим, чтобы наша гостя осталась голодной?

— Не хотим, — хором произнесли мальчики, после чего послышался топот удаляющихся ног.

— А это не опасно — оставлять их вот так, без присмотра? — обеспокоенно пробормотала я.

— Конечно, нет. Яра, им же не по пять лет, так что все в порядке. К тому же в этом доме им ничего не угрожает — случись что, я сразу же об этом узнаю. Они на самом деле очень сообразительные, так что знают, что делать можно, а что нельзя. К тому же на кухне за ними точно присмотрят. Меня больше беспокоит другое...

— То, что они называют меня своей мамой? — с беззаботной улыбкой произнесла я.

— Да. Я так и не успел поговорить с парнями — они успели уже уйти. Так что поговорить со своими сыновьями о том, что это нельзя любую понравившуюся им девушку называть своей мамой они смогут только вечером. А к этому времени, боюсь, мальчишки успеют внушить и себе, и всем вокруг то, что лучше тебя на роль их матери не найти. И убедить их в обратном будет очень трудно.

— Не думаешь, что ты слегка преувеличиваешь масштаб проблемы?

— Боюсь, ты недооцениваешь этих детей. Они... сама скоро увидишь и поймешь, — вздохнув, покачал головой Дар, словно передумав убеждать меня, — ты как себя чувствуешь? Сможешь спуститься на завтрак?

— Конечно. Я себя прекрасно чувствую, особенно если сравнивать с тем, что было вчера.

— Все равно тебе стоит побережться. Все же полученные тобой травмы весьма коварны — еще какое-то время ты можешь ощутить слабость и головокружение в любой момент. Ты слишком выложились там.

— Зато я жива.

— Да. Жива.

И сказано это было так, что я на какое-то мгновение растерялась, не зная, что произнести. Слишком много в его голосе было...

— Знаешь, ни один из нас так окончательно и не смог смириться с твоей смертью, — неожиданно произнес Дар, — думаю, просто каждый из нас чувствовал, что это не конец. Глупо, наверное, но в каждом из нас жила крохотная надежда на то, что те события — лишь страшный сон, глупая ошибка. И каждый из нас верил в то, что однажды ты просто вернешься к нам. И вот теперь ты действительно здесь, живая, а я все никак не могу в это поверить. Кажется, стоит мне отвести взгляд, как ты тут же исчезнешь.

— Дар, — беспомощно прошептала я, не зная, что сказать. Что я сожалею о том, что тогда произошло? Что больше никогда не оставлю их? Не исчезну?

— Я знаю, Яра. Знаю. Просто, — глубоко вздохнув, произнес Дар, после чего подошел к окну и, встав ко мне спиной, продолжил, — просто я слишком поздно понял, что жизнь без тебя — и не жизнь вовсе. И не только я. Они тоже. Все мы только после твоей смерти осознали, насколько ты была дорога для нас. Нет, дорога не то слово... Ты была нашим солнцем, Яра. И когда ты умерла, наш мир погрузился во тьму. Ты... Ты снилась каждый день. Всем нам. Один и тот же сон, изо дня в день. Сон, где мы не успеваем. Мне снилось, как тебя убивают, а я ничего не могу поделать, только стоять и смотреть. Это была настоящая пытка. И им ты тоже снилась.

Мы тогда еще пытались выяснить, что с тобой произошло в тот день. Слишком все было непонятным. Твои письма, заверение Иллианы, что ты знала о том, что случится, что ты бла у Оракула и видела свое будущее... Мы искали твоего убийцу. Нам нужно было выяснить, почему ты тогда оказалась на той поляне. Кто так жестоко...

Но мы так ничего и не смогли узнать. Словно твой убийца всегда был на шаг впереди нас. Это было идеальное преступление — ни единой зацепки, ни одного свидетеля. Ничего. Мы так и не смогли ничего выяснить. И мы однажды просто сдались. Я тогда едва не ушел во тьму. Моя магия едва не поглотила меня, да. Лео тогда пил, очень много пил. Трезвым он в те месяцы не был ни один день. Кир же...

Не знаю, помнишь ли ты, но в то время, когда все это произошло, у Кира шли активные переговоры по поводу его помолвки. Так вот, тогда эта помолвка так и не состоялась. Кир попросту исчез и его два с половиной месяца никто не мог отыскать. А когда он неожиданно объявился, его с трудом можно было узнать — настолько истощенным и изнеможенным он выглядел. Он так нам и не сказал о том, где провел это время. Но вернулся он не спокойным, нет, но в нем уже не было того помутнения, что нашло на нас троих. Так что это он вытащил сначала Лео, а потом и меня из этого состояния.

Знаешь, я думаю, он пытался все это время выяснить информацию о твоей смерти. И я уверен, что что-то ему все же выяснить удалось. Потому что он не выглядел смирившимся — он выглядел как человек, который знает, что правда однажды всплывет наружу. Он выглядел как человек, который готовился ждать не один год.

Тяжело вздохнув, Дар на какое-то мгновение замолчал, словно обдумывая свои следующие слова.

Я тоже молчала, боясь его прервать. Понимала, что Дару тяжело говорить это, тяжело вновь погружаться в воспоминания о тех днях.

Тихо поднявшись с постели, я несмело подошла к Дару и встала позади него. Моя рука потянулась к нему в попытке утешить но, так и не дотронувшись до него, обессилено упала вниз.

Вместо этого я обняла себя руками, словно хотела успокоиться, отгородиться от той боли, что исходила от Дара. Мне и правда хотелось к нему прикоснуться, но я все никак не могла решиться.

— Дети видели твое лицо. Боюсь, совсем скоро и парни узнают о том, кто ты, — вдруг сказал Дар. Я чувствовала, что сказать он хотел совершенно другое, но отчего-то в последнее мгновение передумал, — почему ты не хочешь рассказать им правду до того, пока о ней не узнают все. К тому же я уверен, что они уже догадываются, что с тобой не все так просто.

Покачав головой, я наконец-то решительно протянула ладно и положила ее на плечо

Дара. Почувствовав, как он вздрогнул, я на мгновение улыбнулась, поняв, что он настолько был погружен в свои мысли, что даже не заметил моего приближения. Не посчитал угрозой. Хорошо...

— Мне страшно, — наконец-то призналась я, — страшно открыться. Я так долго скрывалась, что уже свыклась со своей маской. Столько всего произошло... Я просто не понимаю, как рассказать им правду. Боюсь, что они не смогут понять.

— Но я понял тебя, Яра.

— Ты... Да. Ты понял. Но ты всегда почему-то понимал меня лучше, чем кто бы то ни был. Ты всегда видел даже то, что я не видела в себе, чего я не понимала. Ты всегда знал меня лучше, чем я знаю саму себя. Они же... мне правда страшно. Что, если они все же не поймут? Что будет тогда со всеми нами? Я не хочу причинять им боль. Я... я просто не знаю, что им сказать.

— Ты все еще их любишь? — вдруг глухим, хриплым голосом спросил Дар.

— Да? Нет? Не знаю. Когда-то я действительно любила их. Сейчас же не знаю. Все стало таким сложным. Они мне дороги, очень, но любовь... Разве это сейчас важно?

— Я помню, как ты скучала по ним, когда они в очередной раз откладывали ваши встречи. Помню, как грустила. Знай я тогда... Я бы, наверное, силком бы притащил их к тебе. Возможно, увидь они, какую боль тебе причиняли их отказы, они бы раньше осознали, насколько ты дорога им. И тогда, возможно, и не было бы всех этих лет. Возможно, ты была бы уже счастливой женой и матерью. Ты была бы счастлива и этого было бы вполне...

— Дар, — тихо произнесла я, прерывая его речь.

Мужчина замолчал, но так и не обернулся ко мне. А я наконец-то поняла, почему его голос звучал слишком спокойно и почему он не хочет оборачиваться ко мне.

Он просто не хотел, чтобы я увидела его таким. Открытым, уязвимым, неуверенным.

Медленно проведя ладонью вверх, я прикоснулась к его шее и почувствовала, как бешено стучит его сердце.

Какие же мы глупцы. Я — потому что так и не решилась до этого ему рассказать о своих чувствах, а он — потому, что видя всю меня насквозь, отчего-то совершенно не замечает очевидного.

— Дар... Я люблю тебя.

Резкий вздох наглядно показал, что он меня услышал.

— Что? — хрипло прошептал Дар, медленно обернувшись.

— Я люблю тебя. Уже давно. Я полюбила тебя еще тогда, когда была принцессой. Как я могла тебя не полюбить? Это же ты... У меня просто не было шансов остаться равнодушной.

— Повтори, — просит он, впиваясь в меня внимательным, пристальным, жаждущим взглядом.

— Я люблю тебя, Дар. Люблю так сильно, что, кажется, еще немного и мое сердце не выдержит. Дар, — уверено, но в то же время мягко произнесла я и, приподнявшись на цыпочки, быстро прикоснулась губами к его губам, — я люблю тебя. Я. Тебя. Люблю.

Отступление 7. Дарриан и Яра

Дарриан

Нежно, осторожно, словно боясь прикосновением разрушить момент, я коснулся кончиками пальцев непослушной пряди волос, что спадала на лицо Яры и аккуратно заправил ее за ее маленькое, милое ушко.

Яра смотрела на меня.

Смотрела так...Смотрела нежно, открыто и я видел в ее взгляде то, чего и не мечтал увидеть. Я видел в ее взгляде отражение своих чувств. Я видел в ее глазах любовь.

Легкое прикосновение не разрушило момент. Яра не испугалась, не оттолкнула, не попыталась все переиграть, притворившись, что все сказанное ею — шутка... Она просто продолжала смотреть...

И я не выдержал.

Я не романтик и мне довольно непросто дается облекать чувства в слова, я просто не знаю, как выразить ту безумную смесь эмоций, что обрушились на меня, подобно яростной волне, когда я прикоснулся к ее губам сначала в нежном и нерешительном, а затем в жарком, ненасытном поцелуе.

Я пил ее поцелуи словно странник в пустыне, который наконец-то может утолить свою жажду. Я целовал ее снова и снова, я прикасался кончиками пальцев к ее волосам, лицу, шее, плечам в какой-то безумной попытке запомнить ее образ, впитать ее чувства через прикосновения... Я желал, чтобы ее образ впечатался в мою память навсегда.

Ее поцелуи кружили голову так, как не кружил ни один хмельной напиток. Я был пьян ею, я был безумно опьянен этими чувствами, этим счастьем от осознания того, что мои чувства взаимны, что она здесь сейчас, со мной и я наконец-то могу прикоснуться к ней и поцеловать ее...

— Дар, — наконец-то на грани слышимости выдохнула Яра, когда через какое-то время мы смогли оторваться друг от друга.

— Я люблю тебя, Яра. Я так сильно тебя люблю, что... — прошептал я, прижимая любимую к себе, не в силах выразить все, что я чувствую сейчас.

— Я знаю, Дар, — тихо произнесла она, мягко прикоснувшись к моим волосам, — я вижу. И чувствую. И я тоже тебя люблю.

Сердце вновь сделало кульбит, и я понял, что, наверное, должно пройти очень много времени, прежде чем я перестану так реагировать на эту фразу, произнесенную ей. Если вообще когда-нибудь это произойдет, в чем я не уверен — слишком невероятно, слишком долго, слишком... Мне хотелось, чтобы она вновь произнесла это. Кажется, я готов был вечно слушать ее голос. Тем более, когда она произносит такие будоражащие меня слова...

— Дар, что мы будем делать дальше? — спросила Яра, положив голову на мое плечо.

Ее теплое дыхание щекотало мне шею, и от этого мне было так хорошо, так спокойно и уютно, как никогда не было раньше. И я бы вечность так простоял, но...

— Что мы будем делать дальше... — повторил я вопрос, после чего ответил, — думаю, нам следует отправиться на завтрак, иначе эти неугомонные дети вновь решат проверить, проснулась ли ты и почему тебя так долго нет.

— Я не об этом... — пробормотала девушка, теснее прижимаясь ко мне, — я ведь правильно поняла? Ты хочешь, чтобы я рассказала парням о том, кто я?

— Не то, чтобы хочу, — протянул я, тяжело вздохнув, — думаю, так будет правильней. К тому же, рассказав правду, я смогу рассчитывать на их помощь. Конечно, за эти годы я стал гораздо сильнее но и, скорее всего, те, кто тогда сделали это с тобой, тоже время зря не теряли. Мне хотелось бы быть абсолютно уверенным в том, что ты в безопасности, но, боюсь, что в одиночку мне с этим будет непросто справиться. Наш враг был опасен еще тогда, что уж говорить про сейчас?

По правде говоря, не особо-то мне и хотелось, чтобы Яра рассказала парням о том, кто она на самом деле. Особенно сейчас, когда выяснилось, что она испытывает ко мне те же чувства, что я испытываю к ней. Ведь я же понимаю — стоит им только узнать, что Яра — это Ярина, как они тут же попробуют завоевать ее любовь... И я даже не могу сказать, что у них ничего не выйдет.

Тогда у них ничего не получилось только потому, что Яра была слишком стеснительна и неуверенна в себе для того, чтобы рассказать парням о своих чувствах, а они были слишком глупы и слепы, чтобы понять, что то, что они к ней испытывают — это совсем не дружба. Да, тогда они слишком поздно осознали, что испытывают к ней, но сейчас... Сейчас все иначе. И я вижу, что, пусть Яра и не уверена в том, что она чувствует по отношению к Киру и Лео, она все равно до сих пор их любит. Поэтому для них не составит труда завоевать ее взаимность.

Наверное, отчасти именно поэтому мне не хотелось, чтобы она рассказывала о том, кто она. Мне не хотелось делиться вниманием той, кто только что призналась в своих чувствах с кем-либо вообще. Мне не хотелось, чтобы они вновь ее ранили или обидели, или вообще хоть как-то присутствовали в ее жизни — потому что мне было за нее обидно еще тогда, когда она была совсем молодой, когда ее очень сильно ранило некоторое их равнодушие по отношению к ней. Конечно, сейчас все изменилось, но мне бы не хотелось, чтобы... Мне бы не хотелось, чтобы они знали о ней.

Вот только ничего не выйдет, и на это есть несколько причин.

Во-первых, они уже знают о том, что Яра что-то скрывает и, на выяснение ее тайны уйдет не так уж и много времени. Так что будет лучше, если она сама им расскажет о себе.

А во-вторых, ее безопасность, ее жизнь для меня всегда будут на первом месте. И, если для того, чтобы никакая опасность ей не угрожала, я должен буду смириться с их присутствием в ее жизни — я сделаю это. К тому же, все не так плохо — их я знаю давно и уже тогда, когда мы только познакомились, был готов к тому, что однажды или кто-то из них, или они оба сразу займут в ее жизни особую роль. Тогда не сложилось. Сейчас же... Сейчас же все немного иначе, верно? В любом случае я уже занимаю в ее жизни особое место. И для меня этого вполне достаточно.

— На самом деле мне страшно и я бы хотела сбежать от всего этого, но понимаю — ничего не получится. Поэтому ты прав, дальше утаивать эту тайну от них бессмысленно. Я расскажу им о том, кто я.

— Когда? Нужна будет моя помощь?

— Я справлюсь. Но я буду рада, если ты в этот момент будешь рядом со мной. Я... сегодня. Думаю, нужно это сделать сегодня, — решительно произнесла Яра, на что я лишь немного устало улыбнулся.

Что ж, сегодня — значит, сегодня.

Яра

Было ли мне страшно? Отчасти, потому что я не была уверена в благополучном исходе нашей «встречи». Вот только когда-то давно Кир мне сказал, что смелость — это сомневаться до принятого решения, а трусость — после.

Поэтому, приняв решение рассказать Киру и Лео правду о себе, я больше не сомневалась в своем решении. Знала, что если начну думать об этом, рассуждать, сомневаться, то тогда найду причину передумать. И это было бы ошибкой.

Дар правильно сказал — в первую очередь все это нужно именно мне. Я имею ввиду раскрытие правды. Это действительно мне было нужно, и не только потому, что я боюсь, что совсем скоро убийца отыщет меня и начнет предпринимать попытки закончить начатое. Нет, не только. Мне еще это нужно было и потому, что боялась за них. Ведь если мой убийца так близок к императорскому трону, то его вряд ли что-то остановит. А парни могут оказаться в опасности из-за моего молчания, ведь ясно же, что в первую очередь, если кто-то узнает о том, что я жива, меня начнут искать рядом с ними. Поэтому стоит действовать на опережение.

А еще я, по правде, устала скрываться.

Когда-то я наивно думала о том, что мне не составит труда обмануть окружающих, что это будет просто. И если обманывать получалось до сих пор (хоть и не всех), то назвать это дело простым у меня язык не поворачивался.

Это оказалось сложным. Морально.

Каждый день видеть их, не имея возможности прикоснуться... Я уже несколько раз ловила себя в последний момент на том, что хочу сказать что-то такое, о чем знала Ярина и не могла никаким образом знать Яра. Все же для меня с последней нашей встречи прошло не так уж и много времени. Именно поэтому мне приходилось едва ли не каждую нашу встречу контролировать себя, чтобы не подойти и не сказать чего-нибудь лишнего.

И пусть мы и практически не пересекались, было совсем непросто. А еще я чувствовала себя виноватой из-за того, что скрываю от них правду.

Поэтому да, Дар был прав — пора рассказать правду. Конечно, пока только Киру и Лео. Сестре же, несмотря на то, что я доверяла ей и была уверена в том, что к моему убийству она не имеет никакого отношения, рассказать правду я решила все же немного позже.

И это вовсе не потому, что парни для меня были отчего-то ближе и роднее, чем сестра, нет! Просто мне не хотелось пока наваливать на нее еще и эту проблему — ей бы сейчас разобраться с теми, кто похитил ее дочь. Да и осторожность в этом деле не помешает — все же мой убийца совсем рядом с ней. Тем более я уверена, что этот самый убийца Иллиане ничего не сделает — раз уж за столько лет ничего не сделал.

Так что да, решение было принято и оставалось лишь воплотить его в жизни.

А вот с этим могли возникнуть некоторые затруднения...

Я просто не знала, как именно это сделать. Где встретить? Библиотека, столовая, кабинет, личные комнаты... О чем сказать в первую очередь? С чего начать рассказ? С Даром, все же, было проще — он всегда понимал меня с полуслова да и когда я все же решилась с ним поговорить, он уже знал о том, кто я. Да и три года, что он обучал меня,

пока я была в образе Яры, не были пустым звуком — он все же привык ко мне за это время...

А вот с Киром и Лео я встречалась всего пару раз, поэтому не могу предугадать их реакцию.

Хорошо, что сейчас рядом со мной Дар — его поддержка помогала не скатиться в пучину отчаяния и страха, ведь теперь я знала, что, даже если Лео и Кир... не смогут принять правду, не смогут простить, то я не останусь одна. У меня есть тот, кому принадлежит часть моей души, и кто не оставит меня.

Впрочем... зря я переживала и размышляла о том, где будет правильней встретить своих мальчиков из прошлого. К моему стыду, размышляя о том, как лучше преподнести правду парням, я совершенно не подумала о том, по какой именно причине Кир и Лео вечером появятся у Дара.

Да, неловко признавать, но я совершенно не подумала о детях...

И именно из-за них наша встреча состоялась совсем не так, как я ее себе представляла.

Впрочем, быть может, оно и к лучшему?...

Отступление 8. Кириан и Леоррон

Кириан

Это похоже на сон.

Это так сильно похоже на один из тех снов, что иногда посещали меня, что я даже не сразу осознаю, не сразу понимаю, что то, что предстало перед моими глазами — не очередная фантазия, а реальность. Правда.

Увиденное так сильно бьет под дых, что невозможно сделать вдох, который смог бы отрезвить, помочь прийти в себя... Мне остается лишь жадно смотреть, боясь, что любое неловкое движение спугнет эту картину, и она исчезнет, растворится, словно иллюзия, словно туман с рассветом.

На какое-то мгновение я забываю о том, что я здесь делаю. Я забываю даже о том, где именно я сейчас нахожусь. Все мое сознание, вся моя сущность, весь я сосредотачиваюсь лишь на этой картине, что стоит у меня перед глазами. Кажется, даже умирая, я буду помнить то, что сейчас вижу.

Или же я умираю, и все, что я сейчас вижу — лишь бред, созданный моим умирающим сознанием? Потому что то, что я сейчас вижу — слишком нереально. Слишком желанно. А я уже привык, что самые мои сокровенные желания и мечты так и остаются несбыточными. Стоит ли надеяться, что то, что я сейчас вижу — реальность? Стоит ли...

Воздух в груди заканчивается, и я наконец-то вздыхаю — тихо-тихо, совсем неслышно, чтобы не нарушить очарование момента, не разрушить эту удивительную картину.

Вот только, кажется, зря я боюсь — те, кого я вижу, слишком заняты каким-то своим делом и вряд ли заметят меня, если я сам этого не пожелаю. А я пока не желаю, нет. Я хочу еще хотя бы пару минут насладиться увиденным, впитать то, что я вижу, чтобы если увиденное мной вдруг оказалось иллюзией, я помнил о том... что такая картина могла бы существовать в реальности, если бы я не был таким слепым дураком.

Умиротворение.

Эта картина вызывает во мне такое умиротворение, которое я, кажется, не испытывал никогда, или же испытывал так давно, что уже и позабыл об этом. От всех них шло такое спокойное, мягкое тепло, что оно заставляло застыть на месте. Оно заставляло задышаться от нахлынувших чувств.

Реальность ли это? Вряд ли... Вряд ли такое может быть. Слишком уж желанно для меня, а я уже как-то привык, что мои желания судьба обычно не исполняет.

Но так хотелось, хотя бы на минуту, на мгновение представить, что все это — реальность...

Ее звонкий смех раздается слишком неожиданно и, звонким колокольчиком разносясь по округе, заставляет меня... очнуться? Нет, не совсем. Но я уже не думаю о том, что это лишь иллюзия, что это — сон, потому что ее голос... Это ЕЕ голос. Это ЕЕ смех.

А я уже и забыл, как он звучит. Помнил каждую черточку ее лица, ее тела, а вот голос забыл. Он стерся из моей памяти, стерся так давно, что я уже привык к тому, что во снах она лишь молчаливой тенью следует за мной, с укором пытаюсь заглянуть мне в глаза. Она уже давно молчала в моих снах, какими бы они не были.

А теперь этот смех. Это действительно ее смех. И вряд ли кто-то смог бы его подделать.

Она качает головой и, тепло улыбнувшись, подманивает к себе моего сына. Он доверчиво лънет к ней, как котенок, что ищет ласки, и она щедро делится своим теплом.

Ее ладонь так знакомо взлохмачивает волосы моего сына, что это причиняет мне практически физическую боль. Когда-то давно она так же ласково проводила и по нашим волосам, шепча при этом нежные слова поддержки. Тогда мне хотелось вернуться от этих проявлений нежности, хотелось, чтобы она прекратила, ведь я тогда себе казался уже таким взрослым мужчиной... Каким же дураком я был тогда! Как же сильно я жалел потом о том, что отталкивал ее! Все бы отдал за еще одно такое прикосновение... за такое тепло, за такую ласку, за такое проявление заботы и любви...

За неожиданной лаской тянется не только мой сын, но и Мир, сын Лео. И теперь она, глядя обоим по головам и мягко что-то говоря, казалась мне такой настоящей...

Наверное, поэтому я и не среагировал сразу, поэтому тут же, стоило мне их увидеть, не бросился выручать детей. Потому что увиденное мной так было похоже на один из моих снов, на одну их тайных моих фантазий, что я не сразу понял, что это реальность.

Сколько раз я себе представлял такую картину? Сколько раз я думал, что если бы не... если бы не ее смерть, если бы не моя глупость... Я представлял себе подобную картину тысячи раз. Менялись места, менялось время, менялись обстоятельства, но основное оставалось неизменным.

Она и наши дети. В моих снах она вот так же, как сейчас, гладила мальчишек по голове, так же тепло или шутливо что-то говорила. И от всего этого исходило такое тепло...

— Мама, смотри какой я нашел цветок! — вдруг воскликнул Лив, вырывая меня из сладостной неги.

— Мама? — прошептал я, нахмурившись.

Что происходит?

— Тш-ш-ш, — раздалось позади меня.

Резко обернувшись, я увидел Дара, который, не глядя на меня, как-то странно смотрел вперед.

— Дар? Что происходит? — настороженно поинтересовался я.

Он выглядел... спокойным. Таким спокойным и умиротворенным, каким я, кажется, никогда его еще не видел. Это заставляло успокоиться и тут же насторожиться с новой силой.

— Все в порядке. Только не спугни их, — тихо произнес Дар, тепло улыбнувшись.

Дар. Тепло улыбается. Дар... Нет, все определенно не в порядке.

— Не объяснишь мне, почему мой сын называет какую-то незнакомку «мамой»? И почему она так похожа на... — я не закончил. Не смог произнести ее имя.

— Она не незнакомка. Это Яра...

— Яра? — удивленно спросил я, лишь в последнее мгновение сумев удержать изумленный восклик. Яра?!

— ... и она не похожа на Ярину. Это и есть Ярина. А что же касается твоего первого вопроса — то это лучше спросить у твоего сына. Или у Мира — он тоже зовет ее своей мамой.

— Ты бредишь, — уверенно говорю я, все так же глядя на детей. И на нее.

— Разве то, что ты сейчас видишь — бред?

— Это невозможно!

— Возможно. Потому что, Кир, это действительно Ярина. Это и правда она. Уж мне ли не знать — не забывай, я темный маг и могу определить, кто стоит передо мной. Конечно, амулет скрывал ее, но... Кир, это и правда она. Она все объяснит. Только... только прошу — выслушай ее до конца, а уже потом решай, что со всем этим делать. Не бросай ее, едва увидев. Не позволяй обидам и непониманию... Просто выслушай ее, хорошо? Кстати, где Лео? И почему вы пришли так рано?

— Он отправился искать тебя в особняке, а я пошел сюда, — пробормотал я, не в силах оторвать взгляд от нее.

Это и правда она? Дар не врет? Нет, он вряд ли стал бы шутить на подобную тему. Но... но это не может быть правдой. Просто не может быть! Потому что, иначе... иначе...

Неужели это действительно она?!

Леоррон

Судьба, пожалуй, самая невероятная вещь в нашей жизни. Сколько раз я думал, что все, я принял решение, которое не под силу никому изменить. Сколько раз я делал выводы о том, что все, хуже уже не может быть... или же о том, что больше уже ничего хорошего в жизни не будет...

К чему я веду это?

К тому, что стоило мне решить, что я уверен в своих действиях или же уверен, что уже ничего не изменится, как тут же в мою жизнь вмешивалась Судьба, переворачивая все с ног на голову.

Наверное, поэтому где-то внутри я чувствовал, что совсем скоро произойдет что-то... необычайное. Так было всегда — стоило наступить спокойной жизни, как тут же что-то происходило. И когда я впервые повстречал Яру, я понял, что это — оно.

Что если что-то и произойдет, то это точно будет связано с ней.

Вот только даже в самых безумных фантазиях я и представить не мог ту картину, что предстала у меня перед глазами.

Забавно. Довольно часто я слышал истории и рассказы о самых невероятных вещах, и, чаще всего они начинались с неприятностей

То есть не так.

Обычно такие рассказы начинались со слов о том, что «ничего не предвещало беды, как вдруг...»

Сегодня, пожалуй, все было с точностью, да наоборот. Этот день начинался если не отвратительно, то что-то очень близкое к этому. Из-за этого странного, совершенно непонятого похищения с такой же странной, непонятной целью мы с Киром не только не спали всю ночь, но и еще были вынуждены пожертвовать единственным выходным, который с таким трудом удалось заполучить.

Порой я думаю о том, что пора оставить свою должность кому-то более молодому и наконец-то заняться сыном. Я прекрасно помню, как пренебрежение и равнодушие родителей сильно задевало меня и мне не хотелось бы повторения подобной участи для сына. Да и замену на свою должность и я, и Кир уже давно нашли — вот только мы все

никак не решались передать свои обязанности.

А вот сегодня, в очередной раз пропустив выходной и расстроив при этом сына, которому я пообещал провести время вместе, я осознал, что все, наверное, пора что-то менять.

Так что да, день начинался не очень, и я морально готовился к тому, что этот день будет о-о-очень длинным. А вот потом произошло то, чего ни я, ни Кир так и не смогли понять. Пришел приказ от императрицы прекратить всякое расследование этого дела. Точнее все документы передать одному из мужей императрицы, который и займется расследованием. Как именно это будет делать человек в одиночку, который, к всему прочему, весьма далек от такой работы, кажется, никого не волновало.

Это было даже не просто странно — а подозрительно. Императрица, которая горячо любит свою дочь и постоянно сдувает с нее пылинки, вдруг запрещает расследовать дело об ее похищении. А вдруг подобное повториться?

Но приказ был однозначным. И, как бы нам не хотелось возразить, мы ничего не смогли бы с этим сделать. Думается мне, что императрица знает о том, кто похитил ее дочь. Кир вообще считает, что все это сама она и устроила, в воспитательных целях, вот только я не склонен был с этим согласиться. Думается мне, что не стала бы Иллиана заходить так далеко в достижении своей цели, какой бы она не была. К тому же Яра пострадала... Да и выяснить, кто именно поднял мертвых наемников не мешало бы...

В общем, выяснить, что же тогда произошло, все же стоило. Но, кажется, придется выяснять все это... неофициально. Потому что, во-первых, если подобное повториться, не факт, что не попытаются во всем обвинить нас. Как же, это ведь наша прямая обязанность — работа вот с такими «происшествиями». А во-вторых, мне просто будет неловко перед Ярой, когда придется ей сообщить о том, что выяснить, кто именно стоит за нападением на нее не получится.

Так что и Кир, и я решили все же с этим делом разобраться. Еще и втянуть в это дело Дара не помешало бы — все же он не один год отработал в Тайном ведомстве и знает, что нужно делать, чтобы выяснить правду. Да и не откажется он выяснить, кто виноват в том, что Яра пострадала.

Освободились мы, конечно же, намного раньше, чем рассчитывали — раз дело о похищении у нас забрали, значит, причин оставаться в ведомстве в свой законный выходной не оставалось.

Поэтому мы и отправились к Дару сразу с несколькими целями — и забрать детей, и поговорить с Даром по поводу всего, да и выяснить у Яры некоторые подробности произошедшего не помешало бы.

Вот мы и поспешили к Дару...

Поспешили, да... Даже решили разделиться, чтобы быстрее отыскать хоть кого-нибудь в этом доме.

То, что Кир отыскал Дара, я понял сразу, увидев их издали.

А потом я увидел ее.

И... все.

Это было подобно молнии, поразившей меня в самое сердце. Подобно яркой вспышке, озарившей мое сознание.

Невероятно! Невозможно! Но все же это действительно происходит на самом деле...

Я смотрел и видел то, о чем не мог и мечтать. Я смотрел, и мне хотелось впитать,

впечатать в память каждое мгновение, что я наблюдал.

Ярина... Яра... Но... как?

Как же я раньше-то не понял? Ведь все же было на поверхности... Все же было так очевидно! На поверхности! И ее странная реакция, и то, как сильно меня к ней тянуло без видимой на то причины. Хотя чему я удивляюсь — поверить в такое довольно затруднительно.

Уже потом я удивлялся тому, что поверил в увиденное сразу, и у меня даже сомнений не возникло в том, что увиденное мною — постановка, иллюзия или обман зрения. Думаю, все оттого, что мне хотелось верить в увиденное. Хотелось так сильно, чтобы все это было реальностью. Хотелось до боли, до побелевших костяшек пальцев... Так сильно хотелось!

Да и, наверное, присутствие Дара и Кира добавило уверенности в том, что то, что я вижу — не обман, не чья-то дурная шутка. Особенно Кир, да... Стоило лишь взглянуть на выражение его лица, как сразу становилось понятным то, что то, что сейчас происходит — точно не ложь, не ошибка...

Я, словно находясь в каком-то сне, медленно подошел к парням и встал рядом, не произнеся при этом ни слова. Наверное, не хотелось разрушить очарование момента.

Впрочем, долго это не продлилось — дети заметили нас и, с радостным криком бросились нас встречать и обнимать.

Яра же, быстро вскинув голову, и, заметив нас, испуганно вздохнула. Кажется, наше появление испугало ее. Но затем, прикрыв на мгновение глаза, она едва заметно покачала головой.

А когда она вновь взглянула на нас, в ее взгляде больше не было страха. Радость от встречи, неуверенность, робость и тихая печаль, но не страх.

Ее губы дрогнули в едва уловимой, легкой улыбке.

— Ярина... — тихо прошептал кто-то из нас. Я? Кир? Не знаю...

Но одно я знал точно — это действительно была она. Живая и такая близкая...

Глава 31. Долгожданные объятия

Теперь они смотрели на меня по-другому.

Теперь в их глазах было узнавание и такая гамма эмоций, что заставила меня в испуге на несколько мгновений прикрыть глаза.

Каждый взгляд на них и раньше был для меня подобен разряду тока, что прокатывался по венам и задевал все нервы, делая все ощущения острее. А ведь тогда они не смотрели на меня, или же смотрели с равнодушием, приправленным капелькой неуловимого, легкого интереса. Сейчас же... сейчас же мне показалось, что их взгляд обжег меня, заставив внутри вспыхнуть пожаром все чувства. Так ярко, так сильно... Интересно, всегда ли я буду так реагировать на их взгляды или же однажды это пройдет?

Глубоко вздохнув, я все же заставила себя открыть глаза и прямо посмотреть на них. Прятки закончились, настало время с высоко поднятой головой принять все последствия своих поступков, какими бы они не были.

Медленно поднявшись с пледа, на котором мы до этого сидели вместе с детьми, я чуть склонила голову на бок, наблюдая за тем, как они приближаются ко мне. И Мир, и Лив, кажется, пытались что-то рассказать своим отцам, но я не могла разобрать ни слова. Я вообще, кажется, ничего не слышала и не видела, кроме парней, что с каждым шагом становились все ближе. Я лишь только, кажется самым краешком сознания, улавливала легкий запах цветов, исходивший из тех венков, что мы сплели с мальчишками, и которые я теперь нервно сжимала в руках.

Чего ожидала я от этой встречи?

Да всего. Кажется, я подготовила себя к любому, что бы ни произошло. Я была морально готова и к недоумению, и к холодной отчужденности, и к гневу, и к неловкому молчанию, и к радости.

Вот только к чему я, кажется, не была готова, так это к тому, что не дойдя до меня пары десятков шагов, Кир и Лео вдруг одновременно сорвутся с неспешного шага и уже через пару мгновений будут крепко прижимать к себе, заключив меня в своеобразное кольцо из объятий.

Как раньше...

Резко вздохнув от неожиданности, я вдруг уловила их запах — такой родной, знакомой до каждой нотки. Запах, присущий только им.

Зажмурившись изо всех сил, чтобы не разрыдаться, я лишь сильнее прижалась к ним и стала жадно дышать, с таким ощущением, что я только что выбралась из душного помещения не свежий, морозный воздух.

Нам не нужны были сейчас слова. Нам нужно было лишь ощущать теплое биение жизни друг в друге, ощущать, что каждый из нас выжил, что мы наконец-то вновь, после столь долгой, болезненной разлуки встретились. Для нас не существовало ничего вокруг — лишь только мы.

Я не знаю, сколько мы так простояли — одно мгновение или же целую вечность, но вырвали нас из этого странного транса детские голоса, просившие «отпустить маму, иначе папы ее точно задушат». Объятия стали более свободными, но парни меня все же не спешили отпускать.

— Маму? — тихим, хриплым голосом спросил Кир, посмотревший при этом почему-то не на меня и детей, а на Дара.

— Долго объяснять, — хмыкнув, неопределенно ответил Дар, после чего метнул на меня пристальный, взволнованный взгляд.

— Я в порядке, — прошептала я одними губами, и только после этого он выдохнул и расслабился.

— Думаю, нам следует поговорить? — странным, неуверенным голосом произнес Лео, что по-прежнему сжимал меня в объятьях.

— Да, нам определенно следует... все обсудить, — сказал Кир, так же, как и Лео, прижимающий меня к себе.

К разговорам мы, впрочем, приступили далеко не сразу. Сначала мы все же поужинали, хотя аппетит, кажется, присутствовал только у детей. Они в основном, кстати, и говорили, разбавляя своими голосами молчание — ни один из нас пока не решался начать говорить. Кажется, каждый из нас в мыслях был где-то совсем не здесь.

Дети, кстати, в числе прочего еще и рассказали Киру и Лео о том, почему теперь называют меня мамой. Вот только я не уверена, что отцы их слышали — настолько задумчиво-отрешенными они выглядели. Так что выговор за то, что называют мамой совершенно незнакомую девушку, мальчишки не получили. Что еще больше уверило их в том, что они правильно все сделали. Правда, поняли мы все это немного позже, когда что-либо менять было уже поздно...

Затем настало время укладывать Лива и Мира спать, и эта миссия досталась... мне. Причем выбрали меня единогласно, не особо интересуясь моим мнением. Не то, что я была против, просто слишком все это было неожиданно.

Так неожиданно, что я не могла вспомнить ни одной сказки и в итоге, я не придумала ничего лучше, чем рассказать о нашем детстве. Адаптируя, конечно, рассказы под сказку. И рассказывая о наших буднях, я даже не подозревала, что впоследствии эти истории из нашего детства стали самыми любимыми у наших детей...

И только когда дети уснули, и все мы собрались в комнате, которую я сейчас занимала, настало время для разговора.

Сначала было... тяжело, да. Я почему-то с трудом подбирала слова, порой замолкая на полуслове. Почему-то сейчас рассказывать о том, что произошло тогда, пятьдесят лет назад, было страшно. Словно прошлое с пугающей точностью стало повторяться и своими словами я могла ненароком подтолкнуть события к повторению того момента.

Они слушали внимательно, изредка задавая уточняющие вопросы. И... я не чувствовала их. Слишком далеко они сидели. Слишком сильно пытались сдержать свои эмоции. Слишком отрешенными они выглядели, и поэтому, наверное, я чувствовала себя еще более одинокой, чем раньше. И поэтому с каждым мгновением мне становилось все страшнее.

А потом я не выдержала. Слезы потекли ручьем из глаз и, жалобно всхлипнув, я разрыдалась, выплескивая весь страх и скопившееся напряжение, скопившееся за столь долгое время.

Парни тут же оказались рядом, взволнованно спрашивая о том, что случилось.

А меня наконец-то словно прорывало: со слезами и всхлипываниями я быстро рассказывала о том, что мне пришлось пережить. О том, как было страшно. О том, как не знал, как поступить. О том, как умерла и вновь оказалась на Арлионе.

Я говорила, говорила и говорила.

Для Дара рассказанное мной уже не было новостью — почти все, о чем я сейчас говорила, я ему уже рассказывала. А вот Лео и Кир вновь переживали со мной все то, что произошло за это время.

А потом говорили они. И слушать о том, что они пережили было едва ли не тяжелее, чем рассказывать о том, что пережила я.

Так мы и уснули. Все вместе, в обнимку, прижимаясь друг к другу, словно ища поддержку, защиту и спокойствие в объятьях.

...Занесенный надо мной кинжал ослепительно сверкнул кровавым отблеском факелов, словно предрекая то, что случится в следующее мгновение.

Вырваться и впрямь было бессмысленно...И даже не будь я так крепко связана, моих сил, из-за большой потери крови вряд ли бы хватило на хоть какое-то сопротивление.

Все было тщетно. Все было предрешиено.

Он вновь медлит, мой таинственный убийца. Так было в прошлый раз, так и сейчас...

Все повторяется.

И я вновь не вижу его — человека, что так страстно желает лишить меня жизни. Перед глазами темные круги и пятна, что вспыхивают и туманят мой разум. Я пытаюсь сосредоточиться. Пытаюсь уловить хоть какую-нибудь деталь, которая подсказала бы мне личность моего убийцы. Но я не вижу ничего, кроме кинжала, что занесен прямо надо мной.

Секунда.

И рука, крепко стиснувшая кинжал, опускается, пронзая меня смертельным ударом.

Огонь боли опалает меня, сжигая мои внутренности в ослепляющей вспышке...

Отступление 9

— Кто такая эта Яра? — со злобой в голосе спросила красивая девушка, откидывая непослушную прядь со лба, с прищуром глядя на остальных девушек, что собрались не «девичьи посиделки».

— И ты туда же, — пренебрежительно протянула брюнетка, не глядя на свою хорошую знакомую, — в последнее время только о ней и ходят разговоры. А по мне так — ничего примечательного.

— Ты же даже с ней не знакома, — скучающим тоном произнесла светленькая девушка, с усмешкой рассматривая остальных. Весь ее вид буквально кричал о том, что ей «кое-что» известно по этой теме.

— Вот именно. Вот именно, что не знакома, — произнесла брюнетка, — а значит, в наших кругах она не была замечена. Соответственно... соответственно, это говорит о ее невысоком положении. Поэтому она мне не интересна.

— А вот я бы на твоём месте не была бы столь... пренебрежительна по отношению к ней.

— Тебе что-то известно? — вдруг резко спросила принцесса Ириса, вскинув голову. До этого она рассматривала что-то в каталоге и успешно делала вид, что данная тема ей не интересна.

— Вы же знаете, мой младший брат, — при этих словах блондинка поморщилась, будто вспомнила о чем-то неприятном, — решил пойти против воли главы нашей семьи...

— Да-да, все мы знаем историю о младшем отпрыске вашей семьи, что, практически отрекшись от своей семьи, отправился обучаться в Академию отверженных. И многим из нас даже, пожалуй, известно и то, что твой брат, Ант, кажется, да? Так вот, мы знаем и о том, что он входит в группу, которой командует эта самая Яра. Вот только не думаю, что это что-то меняет — насколько мне известно, Ант в семье не появлялся уже несколько лет и ни с кем из семьи он связь не поддерживает. Так что не думаю, что тебе есть, что нам сообщить. Или я чего-то не знаю?

— На днях Ант посетил один из особняков, что принадлежит нашей семье. Тот, где проживает уважаемая Ариса — единственная, от кого Ант не отрекался. И пришел он кое-что узнать.

— Что именно? — напряженным голосом поинтересовалась принцесса.

— Увы — этого он не сообщил никому. Но я смогла узнать кое-что другое.

— Ну же, не тяни, — прошептала еще одна девушка, молчавшая до этого.

— Эта Яра уже несколько дней проживает в особняке, что принадлежит ректору Академии Яриан.

— Не интересно, — разочарованно бросила принцесса, — я и так уже догадывалась, что эта Яра — любовница Дарриана. Не зря же он так носился с ней, как курица с яйцом.

— А еще, — добавила блондинка, не обращая внимание на слова принцессы, — я узнала о том, что уже несколько дней в том же особняке проживают и Кириан, и Леоррон.

На некоторое время в комнате повисло молчание. Все внимание, в основном, было сосредоточено на брюнетке, которая, ко всему прочему, являлась бывшей женой Леоррона. И тех, кто покушался на ее бывшего мужа она очень сильно не любила.

— Хм, — протянула принцесса, — Элианна? Тебе что-то известно об этом?

— Нет, — протянула брюнетка, посмотрев на всех с едва сдерживаемым бешенством, — не думаю, что мне стоит волноваться. Леоррон, несколько я помню, очень не любит чем-то делиться. И раз эта девка занята Даррианом, вряд ли у них есть что-то с Лео. А если есть... что ж, нужно же мужчинам как-то сбрасывать напряжение.

Голос ее казался уверенным, вот только он никого не убедил — все знали бешеный нрав Элианны. Поэтому Яре некоторые даже посочувствовали. Правда, лишь мысленно.

— Вот видишь, Мари, Элианна не переживает об этом. Значит, и остальным не о чем волноваться. Тем более она права — нужно же мужчинам сбрасывать напряжение. Так что, мне кажется, все очевидно — эта Яра недолго продержится в этом особняке. И скоро она тоже это поймет. На таких, как она, не женятся.

— Возможно, вы правы, — с уважением протянула блондинка, а затем, с деланным равнодушием протянула, — странно только то, что вместе с ними в особняке проживают еще и их дети. И, что еще более странно — ни Леоррон, ни Кириан, ни, тем более, Дарриан не против того, что Мир и Лив называют эту девушку своей... мамой.

Сказанное девушкой произвело эффект разорвавшейся бомбы. Первую минуту, кажется, никто не произнес ни слова — все пытались осознать произнесенное. А затем все словно разом заговорили.

— Тихо, — произнесла хмуро принцесса, мрачно разглядывая девушек, — разорались, словно девки на базаре. Мама, значит? И они не против? Что ты на это скажешь, Элианна?

— Я разберусь с этим, — мрачно произнесла брюнетка.

— Не стоит. Нет, не нужно. Это даже... интересно. Не думаете же вы, что все закончится свадьбой? Нет-нет-нет. Это не в их духе. Да и так быстро... нет. Элианна, не смей лезть в это дело, ты поняла меня? Думаю... думаю, моей матушке стоит узнать об этом. Кажется, она давно не навещала своих старых... друзей.

Глава 32. Дни и ночи

...И вновь кинжал, занесенный над моим связанным телом, ослепительно сверкает зловещим багровым светом, предвещая приближающуюся боль... смерть...

Я даже уже не предпринимала попыток вырваться — знала, что это бесполезно. Бессмысленно. И удерживало меня от попыток вырваться не то, что я была явно профессионально связана. И даже не то, что из-за потери крови нужно было прикладывать силы для того, чтобы хотя бы оставаться в сознании, не говоря уже о большем... Нет... Я просто знала, что это не имеет значения — все в итоге закачивается одним и тем же. Моей смертью. И мне пока не в силах этого изменить.

Пока.

Поэтому-то я и не дергалась, тратя понапрасну силы, а изо всех сил пыталась сосредоточиться, чтобы найти, заметить какую-нибудь новую деталь в этом деле... Деталь, которая приведет меня к убийце...

А вот, кстати, и он. Все так же медлит, словно что-то обдумывая... или не решаясь закончить начатое? Забавно, ведь так было в прошлый раз, так и сейчас...

Все повторяется.

И, что обиднее всего, я все никак не могу его разглядеть. Кажется, что образ расплывается, что это и не человек вовсе, а смутная, неясная фигура в темном...

Кто ты? Почему так яростно стремишься убить меня? Для чего этот ритуал? Какова его конечная цель?

Ответов нет, одни лишь расплывчатые вопросы. Расплывчатые, как и те круги и пятна, что плывут перед глазами...

Лишь только такой удивительно яркий образ кинжала виден отчетливо, лишь только он отпечатывается в моей памяти с поразительной точностью.

Секунда.

И рука, крепко стиснувшая кинжал, опускается, пронзая меня смертельным ударом.

По телу мгновенно растекается жидкий огонь боли, отравляющий организм. Мое тело выгибается от боли, словно старается уйти от этого огня...

Но на самом-то деле это не главное — главным сейчас для меня становится то, что я увидела перед этим. Рука, оборвавшая нить моей жизни...

И вновь раздается крик, полный ненависти и отчаяния. И мое тело вновь опалает огонь. Снова и снова мой убийца, в тщетной попытке выместить на мне зло, пронзает кинжалом мое тело...

Но это уже не важно... И умирая в этот раз, я улыбаюсь, потому что знаю, что в этот раз я победила...

И именно это заставляет с резким, судорожным вздохом меня проснуться. Проснуться вновь от очередного кошмара, что терзает меня на протяжении уже больше недели. И даже то, что этот кошмар хоть на одну деталь, но все же отличается от предыдущих кошмаров, успокаивает плохо.

Уже привычно протягиваю руку вперед и касаюсь мужчины, который тут же перехватывает ее и нежно касается костяшек пальцев губами, с беспокойством глядя на меня. В этот же момент на мой живот опустилась другая мужская ладонь, и, в тишине

темной комнаты раздался хриплый со сна голос:

— Ты в порядке? Опять кошмар?

— Да, — тихо шепчу я, успокаиваясь.

С той самой встречи, которая произошла больше недели назад, не проходило ни одной ночи без кошмара, в котором в точности повторялось то, что произошло в тот роковой день. Видимо, воспоминания о произошедшем не прошли бесследно. А еще меня мучило дурное предчувствие, что эти кошмары — знак, что прошлое стремится повториться и мне вновь угрожает опасность.

И лишь только в присутствии парней кошмары если не уходили совсем, то хотя бы не мучили меня всю ночь напролет. Так что я даже была благодарна им, когда они решили оставаться со мной на ночь и хранить мой сон.

Со стороны, конечно, ситуация выглядела весьма неоднозначной, но никому до нас не было до этого дела.

Для меня мое душевное спокойствие было явно важнее каких-то правил и соблюдения этикета. Да и то, что я уже очень давно воспринимала что Дара, что Кира и Лео своими, близкими, родными дарило спокойствие и напрочь лишало какого-то стеснения. Мне было с ними легко и просто, словно и не было этой разлуки... Более того, мне даже казалось, что эта разлука только усилила мои чувства к ним.

У парней же я не спрашивала мнения по поводу неоднозначной ситуации, что возникла между нами. Я даже не особо думала об этом, по правде говоря. Вот когда захотят поговорить и обсудить все это, тогда и буду размышлять над возникшей ситуацией.

Лишь Дар мне как-то сказал, что однажды из-за стеснения, соблюдения этикета и глупой неловкости он лишился очень важного в своей жизни и потерял очень много лет. И теперь он не намерен повторять подобной ошибки.

Кир и Лео... Ну, они вполне успешно делали вид, что ничего необычного не происходит. Настолько успешно, что я и сама поверила в то, что то, что между нами творится — совершенно обычное дело.

Так что я уже даже привыкла к тому, что даже если я и лягу спать одна, то под утро точно проснусь в объятиях трех мужчин. Сначала было неудобно, конечно, но я привыкла к этому на удивление быстро.

Вот только ничего, кроме этих объятий, не было. Даже с Даром за эти дни нам удалось побыть наедине всего пару раз, и то на несколько минут. Так что дальше поцелуев я даже с Даром не зашла, не говоря уже о Кире и Лео, которые никаких поползновений в мою сторону не делали.

А ведь хотелось. Я даже на удивление быстро смирилась с тем, что меня не смущает то, что их — трое.

И я бы даже подумала, что я себе лишь придумала наше... притяжение и симпатию, если бы не их взгляды, которые они бросали на меня украдкой, когда думали, что я не вижу и не замечаю. Это были такие взгляды, которые не оставляли сомнений в том, что я их привлекаю.

Эх, будь у нас больше свободного времени, я бы даже, наверное, осмелилась сделать первый шаг... Вот только ни времени, ни сил не было — все это уходило, утекало сквозь пальцы, как вода...

Когда мне впервые приснился кошмар, он, кажется, напугал парней гораздо больше, чем меня. Они вдруг решили, что это знак, что времени у нас совсем не осталось, а ведь мы

толком ничего не успели выяснить.

Я их не переубедила — сама чувствовала, что время на исходе. Поэтому мы все и принялись активно искать хоть что-нибудь, что могло бы нам помочь.

Даже моих ребят подключили, о которых я, к своему стыду, за эти дни практически и не вспоминала. А вот они переживали и, как только узнали, что мне требуется помощь, тут же примчались. Как выяснилось позже, пока я отсутствовала, они помогали ребятам, которых возглавлял мой старый знакомый, Войросс.

Когда они ворвались в кабинет, где мы обсуждали детали, которые нам известны, и замерли, странным взглядом рассматривая меня, я даже не сразу поняла, что происходит.

А потом осознала — они же впервые видят меня... такой. Настоящей, без иллюзии.

— Привет, — неловко произнесла я, поднявшись с кресла, а в следующее мгновение была сметена двойным ураганом. Заключив меня в объятия, они быстро, перебивая друг друга, что-то говорили о том, как сильно переживали за меня и какой ужас испытали, когда узнали, что я осталась в западне.

Лишь только недовольное покашливание привело парней в чувство и они неохотно отстранились от меня. А Ант еще, ко всему прочему, внимательно посмотрел на каждого из присутствующих, потом перевел красноречивый взгляд на меня и с удивленно-довольной усмешкой хмыкнул, покачав головой. Ну да, глупо было бы думать, что эмпант не догадается о том, что здесь твориться. Думаю, он даже лучше меня теперь знает, что происходит между нами...

А затем потекли трудные дни, наполненные бумагами, отчетами, расспросами, выяснением и поисками хоть чего-нибудь, что могло бы нам помочь.

Все осложнялось тем, что Кир и Лео не могли надолго отложить свои дела в ведомстве. И, если Анта и Лина они могли пока освободить от обязанностей, я была на «больничном», а Дар вообще в долгосрочном отпуске, то ни Кир, ни Лео пока не могли переложить свои дела на кого-нибудь другого и взять отпуск. На это требовалось много времени, которого у нас не было. О чем уж тут говорить, если даже на сон и полноценный завтрак не всегда хватало времени...

И все это время, казалось, уходило в пустую — мы никак не могли найти ничего, что могло бы нам помочь. Неудивительно, что с каждым днем каждый из нас становился все мрачнее и мрачнее. Отчаяние начало проскальзывать в наших словах и взглядах...

Ант.

Он первый принес нам действительно важную информацию, которая прояснила очень многое.

Правда, ради этого он пошел на очень серьезный поступок, который окончательно доказал мне, насколько сильна наша дружба. Да и воспринимала его я уже не как друга, а как брата, которого у меня когда не было.

Так вот, оказывается, род Анта специализировался на создании различных ритуалов. И особенно они предпочитали работать вот с такими — редкими, эксклюзивными, которые подходили бы для какого-то определенного человека. Ант, к его сожалению, в этой области совсем не разбирался, но вот его родственники...

Поэтому ему пришлось переступить через себя и посетить дом, что принадлежал семье, с которой он когда-то пообещал себе не иметь ничего общего. И Ариса — родственница Анта и единственная, с кем у него были более-менее родственные отношения, пообещала помочь и попробовать по тем данным, что у нас есть, понять, что именно за ритуал хотели

провести тогда и сейчас.

И она даже помогла — и теперь мы знали об этом ритуале практически все.

Вторым весомую подсказку принес Лин. Она была связана с Гоэрд Дофлором. Да, тем самым, Эрди, которого похитили с принцессой. И, как оказалось, тем самым, кто был виновен в смерти сестры Лина... Оказывается, Лин уже давно собирал все данные на этого Эрди и сейчас, объединив информацию, мы поняли, что этот мужчина был замешан в ритуале. Уже сейчас можно было хватать его, даже наплевав на то, что императорская семья будет недовольна — слишком явными были доказательства его преступлений... Вот только хватать мы его не спешили, не хотели спугнуть. Лишь только пообещали Лину, что как только все закончится, судьба этого гнилого человека будет зависеть от парня. И что-то подсказывало мне, что недолго после этого Эрди будет дышать воздухом Арлиона...

Мы выяснили многое и, пожалуй, неизвестными оставались лишь ответы на несколько самых главных вопросов.

Кто тот темный маг, который помогал в ритуале тогда, и в похищении сейчас?

Где все это происходило?

И... кто же все же занес тогда надо мной кинжал?

Все эти вопросы оставались без ответа.

До сегодняшней ночи.

И лишь сегодня ночью я увидела руку, что крепко держала этот кинжал.

И я узнала эту руку... Поиски можно было прекращать — теперь я наконец-то вспомнила, кто был моим убийцей...

Я вспомнила все...

Глава 33. Сестра

Принять правду было на удивление... просто.

Возможно, где-то глубоко внутри я уже знала ответ на самый страшный вопрос. Чувствовала. Но вот принять окончательно... признать, что человек, которого я знала столько лет... это было непросто.

Наверное, именно поэтому я не стремилась во дворец. Чувствовала, что именно там таится угроза моей жизни. Именно поэтому боялась еще кому-то рассказать о том, кто я такая. Ведь если кто-то еще узнает о том, что я — Ярина, то эта информация довольно быстро станет известна моему убийце... Еще бы, ведь через этого человека проходит столько информации. О таком этот человек точно бы узнал довольно быстро...

Вот только теперь, узнав о том, кто нанес мне смертельный удар, я растерялась. Раньше мне казалось, что, узнай я только правду, как тут же рвану мстить. А затем все будет хорошо и моя жизнь вернется в прежнее, спокойное русло.

И только теперь, зная правду, я понимаю, что ничего уде не будет, как прежде. Да и мчаться мстить... Это даже звучало глупо и наивно. А уж теперь, узнав то, что я так давно мечтала знать, я понимаю, что просто не будет.

Тут не то что мстить, даже доказать причастность этого человека будет практически невозможно. А если я докажу... хотя вряд ли. Вряд ли успею. Да и не поверят. А если поверят — скорее я исчезну, чем правосудие восторжествует. Слишком высокого полета птица — мой убийца...

Поэтому теперь я действительно в растерянности.

Парни мой рассказ приняли неоднозначно. Конечно, никто из них не ожидал, что моим убийцей окажется этот человек. Они даже выразили сомнение в том, что сон можно считать доказательством.

Вот только я была уверена, что увиденное мною во сне — правда. Уверена так, как никогда еще до этого не была. Ни разу.

Их сомнения я понимала — ведь если это правда, то у всех нас большие неприятности.

Парни пообещали подумать и что-нибудь придумать.

Хотя что тут придумаешь?

Поэтому завтрак прошел в тяжелом молчании — каждый из нас размышлял о том, как можно выбраться без потерь из данной ситуации. И можно ли это вообще сделать.

Конечно, можно было попытаться спрятаться и продолжать жить под иллюзией, вот только каждый из нас понимал, что риск слишком высок. Не сможем мы вечно скрываться. Да и даже будучи под иллюзией, я все равно остаюсь в опасности — хотя бы потому, что увидела то, что не должна была увидеть.

Была у меня одна идея — безумная, если подумать, но единственная, что приходила в голову.

Если уж я так нужна была убийце тогда, быть может, следует ему дать, что ему так нужно? А уж потом поймать, на месте преступления. Опасно, конечно, и парни точно не согласятся на подобный шаг, но что-то подсказывает мне, что это единственный возможный вариант действий.

А ребята... Их, в итоге, я смогу убедить. Если уж я понимаю, то они точно поймут. Уж

лучше пусть меня похищают, когда они будут к этому готовы, чем, если это произойдет, когда к этому никто не будет готов.

Кир и Лео в итоге отправились на работу, а Дар — в кабинет. За эти дни у него накопились кое-какие дела и, раз уж так получилось, что теперь нам не нужно выяснять личность убийцы, он решил разобрать бумаги. Пока есть свободное время, потому что никто из нас не может быть уверенным в том, когда эта передышка закончится.

Ант и Лин отсыпались в своих комнатах. Раз уж выдалась такая возможность, то грех ей было не воспользоваться. Опять же, неизвестно, когда вновь представится возможность отдохнуть.

Так что я осталась в одиночестве и немного растерялась. Идти спать было бессмысленно — совсем скоро проснуться дети и они явно не дадут мне поспать. И никакая няня не остановит их. Да и спать не особо хотелось.

Я бы сейчас не отказалась немного позаниматься, но Лин, как мой личный целитель, попросил воздержаться от физических нагрузок хотя бы еще пару неделек — все же несмотря на то, что я уже чувствовала себя прекрасно, досталось мне тогда хорошо и пока было непонятно, обошлась ли мне та ситуация без серьезных последствий.

Дара от работы отвлекать не хотелось. Тем более, чем быстрее он закончит, тем больше у нас будет времени провести вместе. Кир и Лео тоже обещали освободиться как можно скорее, но в ближайшие часа три они точно не появятся.

Что ж, мне давно хотелось более внимательно осмотреть библиотеку Дара. Еще в прошлый раз, когда он мне показывал расположение комнат, я заприметила несколько интересных экземпляров, которым хотелось уделить внимание.

Вот только, не судьба мне сегодня было погрузиться в волшебный мир книг, потому что стоило мне принять решение, как тут же услышала, как кто-то настойчиво пытается попасть в дом к Дару. И у этого человека явно был доступ...

— Дарриан? — раздался хорошо мне знакомый женский голос из соседней комнаты.

На несколько мгновений я замерла, затаив дыхание. Стало страшно оттого, что она сейчас появится здесь, увидит меня и... все. Больше не будет смысла скрывать правду...

Но затем, выдохнув, я резко успокоилась.

Иллиана. Это же Иллиана... Хорошо. Кажется, судьба довольно прямо намекает мне на то, что иного выхода у нас нет.

И ведь действительно — хватит. Пора уже наконец-то разобраться со всем этим, чтобы наконец-то начать спокойно жить, не боясь повторения судьбы.

Что ж, если Иллиане суждено сегодня узнать, что я жива... Пусть. Это будет даже немного символично.

— Что за защиту он здесь установил? Ощущение, что он здесь оборону собрался держать. Неужели Ириса была права? Любопытно, — негромко произнесла Иллиана, явно не подозревающая о том, что ее кто-то слышит.

Ее голос все приближался, а я все никак не могла решить, что мне делать? Как встретить ее? Пойти на встречу? Сбежать к Дару, чтобы он нас друг другу «представил»? Что?

Так ничего и не решив, я просто повернулась спиной к двери, в которую скоро должна была войти Иллиана, и мрачно взглянула в окно на открывающийся вид на цветущий сад. Ладони непроизвольно сжались от волнения в кулаки и, прежде чем я успокоилась, мне пришлось сделать несколько глубокий вздохов и выдохов. Повезло еще, что Иллиана явно не

спешила.

Так что когда сестра вошла в комнату, в которой я находилась, я уже была готова к этой встрече.

— Дарриан? О? Здравствуйте, — произнесла Иллиана, заметив стоящую возле окна меня, — не подскажите, где сейчас находится Дарриан?

Шумно вздохнув, я медленно развернулась в сторону сестры и, посмотрев на ее побледневшее лицо, немного наклонила голову набок и произнесла:

— Дар? Он у себя в кабинете.

— Ярина... — тихо прошептала сестра, шокировано глядя на мое лицо.

— Привет, сестренка.

Глава 34. Странная гостья

Иллиана все так же стоит на месте, замерев от увиденного.

Я тоже не делаю попыток подойти, и я даже не могу себе толком объяснить — почему. Слишком много причин. С парнями было проще — я их и раньше чувствовала, как родных. Поэтому вернуть наше прежнее теплое общение не составило особого труда.

Сестра же... Только сейчас, увидев ее, я понимаю, насколько же мы мало знали друг друга, как мало общались. Тогда она мне казалась близкой и родной, тогда я могла поделиться с ней любой проблемой. И только сейчас, смотря на нее, я осознаю, что на самом деле мы всегда были далеки друг от друга.

Наверное, еще и поэтому я никогда не рвалась к ней, чтобы рассказать о том, что я вернулась. Прикрывалась нелепыми оправданиями о том, что и без меня у нее проблем... Проблемы, конечно, были, но разве родные не нужны для того, чтобы с ними делиться? И всем хорошим, и всем плохим?

— Ярина, — вновь прошептала Илли и сделала несколько неуверенных шагов, приближаясь ко мне. Затем, встав в двух шагах от меня, он осторожно протянула руку и нерешительно прикоснулась к моей щеке, — сестренка? Ярина? Как... как такое возможно? Это Дар вернул тебя? Из мертвых?

— Нет, Илли. Это не он. И я никогда не умирала. Окончательно не умирала. Поэтому и смогла вернуться, — ответила я, немного удивляясь тому, что сестра могла такое придумать... Дар бы никогда, даже ради своего счастья, не стал бы совершать такое страшное преступление перед всем сущим и магией.

— Сестренка, — прошептала Иллиана и крепко обняла меня.

Я замерла, не в силах ничего сделать — ни отстраниться, ни обнять в ответ. Я просто стояла, а по щекам текли горькие слезы.

— Я так рада, сестренка. Ты не представляешь, насколько я счастлива вновь видеть тебя живой. Но как такое возможно? До сих пор не могу поверить... Почему?

Почему? Да, Илли, я тоже все никак не могу понять, почему...

— Иллиана? Что ты здесь делаешь? — раздался голос Дара. Он выглядел встревоженным. Неудивительно — в последнее время все мы довольно остро реагировали буквально на все, видя опасность едва ли не в любой мелочи. А уж появление такого незапланированного гостя совершенно определенно нельзя было назвать мелочью.

— Пришла поговорить, — рассеяно ответила сестра, отстраняясь от меня, — не хочешь объяснить, что вообще происходит? Почему Ярина здесь?

— Где же ей еще быть? — пожав плечами, произнес Дар

— Возможно, во дворце? — обманчиво-ласковым тоном произнесла Иллиана.

— В прошлый раз именно оттуда похитили Ярину. А еще совсем недавно именно из дворца похитили и твою дочь. И ты действительно хочешь отправить свою сестру туда?

— Похищение... Ты что-то помнишь о том дне? — с волнением спросила Илли.

Я покачала головой.

— Я... мы все пытались отыскать того, кто сделал с тобой это, но так ничего и не смогли найти...

— Я не вернусь во дворец, Илли, — уверенно произношу я, после чего, уже мягче,

добавляю, — я не смогу там оставаться. Только не после всего того, что произошло.

— Ты думаешь, убийца вновь попробует сделать это? Да брось, не может этого быть! Пятьдесят лет прошло. Не хочешь же ты сказать, — взволнованно произнесла побледневшая Иллиана, нервно облизнув губы, — что все повторяется? Что моя дочь тоже... Боги! А ведь и правда! Тогда да, тебе действительно нельзя во дворец. Но и здесь тебе тоже нельзя оставаться!

Я удивилась настолько, что даже не знала, что сказать. Зато Дар, кажется, знал.

— И почему же она не может здесь оставаться?

— Потому что здесь тоже опасно!

— Иллиана, я темный маг. Никто в здравом уме не станет даже пробовать пролезть в мой дом.

— Вот именно! Ты — темный маг! И похитивший Ирису тоже был темным магом!

— Не хочешь же ты сказать, что это все моих рук дело? — насмешливо поинтересовался Дар.

— Конечно же нет, — фыркнув, пробормотала Илли, — вот только, думаю, этот маг уже знает, что ты замешан в этом деле. Как думаешь, у кого он в первую очередь начнет искать Ярину?

В ее словах был смысл. И мы бы даже, наверное, задумались над ее словами... если бы не знали, кто является моим убийцей.

— Ты сомневаешься в моей защите?

— Нет, но я все равно не хотела бы рисковать. Тем более как Ярина может оставаться в доме, полном мужчин?!

— Илли, когда ты успела стать такой яррой поборницей чистоты? — с удивлением поинтересовалась я.

— Не в этом дело, сестренка! Я доверяю тебе, но это просто неправильно! Что подумают остальные? Ты же не...

— Ты уверена, что вправе задавать мне такие вопросы? — спросила я, хмуро взглянув на сестру.

— Но...

— Вот уж что я точно сейчас не собираюсь обсуждать, так это свою личную жизнь, — зло произнесла я, почувствовав румянец, расплывшийся по щекам, — и уж тем более меня не интересует, что именно подумают остальные. Да и кто эти «остальные»? Никто и не знает, кто я такая...

— Но Ярина!

— Нет, Илли. Это даже не обсуждается. Я останусь в этом доме до тех пор, пока мой убийца не будет пойман.

— Что ж, — опустив руки, пробормотала Илли, — возможно, так действительно будет лучше. Что требуется от меня?

— Никому не рассказывать о том, что я жива, — сказала я сестре.

— Безусловно, — сказала сестра. Она выглядела встревоженной и немного расстроенной.

— Нам нужно время, чтобы отыскать убийцу и собрать доказательства, которые бы прямо указывали на него. А у нас с этим пока все плохо, — после недолгого молчания добавил Дар.

Я на это кивнула.

Доказательства действительно нужны. А еще у нас действительно все плохо — ведь обвинить такого человека...

— Если нужна будет моя помощь или помощь кого-то из моих мужей — смело обращайтесь.

— Никому, Илли. Никому нельзя рассказывать.

— Даже мужьям? — удивилась сестра, а затем, прищурившись, нервно поинтересовалась, — Ты думаешь, что в этом замешан кто-то из них?

— Вполне возможно.

— Да нет, быть такого не может, — коротко хохотнув, с усмешкой произнесла она, — ты их плохо знаешь. Они на такое не способны. И не потому, что у них не хватает духу, нет, они просто... не смогли бы так хорошо скрыть это. Ни один из них не способен сделать что-то подобное, им даже простое дело поручить нельзя.

Я неприятно поразилась тому тону, с которым Илли говорила о своих мужьях.

И, видимо, что-то отразилось на моем лице, потому что в следующее мгновение Илли, прищурившись, странным голосом произнесла:

— Думаешь, я не права? Нет, сестренка. И не смотри так, никакого уважения я к ним не испытываю. Я к ним не испытываю вообще ничего, — сказала она, горько усмехнувшись, — ни-че-го. Навязанный политический брак — это не то, что делает тебя счастливым... Впрочем, это то, о чем я определенно не хочу говорить. Что ж, думаю, нам нужно будет поговорить, но не сейчас — я и так выкроила всего пару минут для того, чтобы заскочить к Дару, а прошло уже гораздо больше времени и теперь я опаздываю на собрание... — вдруг суетливо произнесла Илли, после чего задумчиво добавила, — я приду к вам немного позже. Да, нам определенно нужно будет поговорить...

После этого, даже не попрощавшись, сестра поспешно покинула комнату. И только убедившись, что Иллиана покинула территорию особняка, я задумчиво произнесла:

— Это было странно. Слишком странно.

— Она не удивилась, увидев тебя, — утвердительно сказал Дар, подойдя ко мне со спины и заключив в крепкие объятия.

— Не удивилась, — подтвердила я, — думаю, она уже что-то подозревала. А возможно и знала — возможности, которые предоставляет императорская сокровищница, безграничны. Не удивлюсь, если у Илли где-нибудь хранится артефакт, который указывает на местоположение членов императорской семьи. Хотя бы приблизительно и самых близких. Да и то, что я так легко смогла переместиться из дворца, должно быть, ее насторожило.

— Она мне показалась странной. Страннее, чем обычно.

— Не удивительно, — с тяжелым вздохом произнесла я, — ведь она столько лет была уверена, что я мертва. Впрочем, ты прав — мне она тоже показалась странной. Быть может, переживает из-за дочери?

Развернувшись в объятиях, я еще крепче прижалась к Дару, тяжело дыша. Все это было так непросто...

— Кажется, гости на сегодня еще не закончились, — вдруг пробормотал Дар, отстраняясь от меня.

— М? Еще гости?

— Да, кто-то рьяно стремится попасть в этот дом. Сейчас, секунду.

Дар, сделав какой-то пас, резко взмахнул рукой, что-то пробормотав. А потом, спутся

несколько мгновений, его лицо вытянулось от удивления.

— А она-то что здесь забыла? — возмущено прошептал мужчина.

— Она?

— Элианна. Бывшая женушка Лео. Ну не за сыном же она сюда пришла? Это даже не смешно, — покачав головой, сказал Дар, а затем, взглянув на меня, прищурился и протянул, — хотя, кажется, я догадываюсь, ради кого она здесь.

Глава 35. Гадости и радости

— Где мой сын? — возмущенно произнесла эффектная брюнетка, стоило ей, словно фурии, влететь в комнату, где мы находились с Даром.

Увидев, что мы до сих пор стоим с Даром в объятьях друг друга, девушка на мгновение замерла, нехорошо прищурившись. Ее губы расплзлись в неприятной ухмылке. Словно она собиралась сказать что-то язвительное, но... стоило ей лишь только взглянуть на мое лицо, как вся самоуверенность и нахальство испарилось.

Сделав пару шагов назад, она открыла рот, словно собиралась что-то спросить или сказать, но так и не произнесла ни слова. Вместо этого, побледнев, она внимательно изучала мое лицо, словно пыталась что-то понять.

Молчание затягивалось.

— Элианна? Зачем ты здесь? — спросил Дар, повернувшись к ней и сделав вид, что только что заметил ее появление.

Девушка скривилась. Словно ей стало нехорошо, но промолчала. Вместо этого она, вздохнув, сделала несколько шагов вперед, не отрывая при этом от меня взгляда.

— Элианна?

— Ах, да, Дарриан, здравствуй, — медленно, словно нехотя, пробормотала девушка с таким видом, что делает Дару великое одолжение, заговорив с ним, — не познакомишь меня со своей люб...любезной гостьей.

Впрочем, каждый из нас понял, какое именно слово хотела произнести девушка. Она нарушала все писанные и неписанные правила и прекрасно понимала это. Более того, я видела, что ей доставляет это удовольствие — нарушать все нормы этикета. Неужели не боится? Или у нее такие покровители, что она думает, что ей все позволительно? Забавно...

— Думаю, ты прекрасно знаешь имя моей гостьи. Ведь ты же именно ради нее здесь, верно? — Дару не были интересны игры этой брюнетки.

— Хм, — протянула девушка, недовольно скривив губы, — так не интересно. Может, я все же решила навестить сына?

— Сына, о котором ты не интересовалась последние лет пять? — с удивленной насмешкой поинтересовался Дар.

— Я была немного занята. Впрочем, ты прав, в первую очередь я здесь из-за твоей гостьи. Слышала, эта малышка стремится занять мое место.

— Твое место?

— Место жены Лео и матери Мира.

— Не думаю, что это твое место. Я вообще сомневаюсь, что это место хоть когда-то принадлежало тебе, — приторно улыбнувшись, прошептала я.

— Вот как? Значит, твоя птичка, Дар, даже умеет говорить? Яра, верно? — последний вопрос девушка адресовала мне.

— Верно.

— Какой семье ты принадлежишь? Какому роду? Глядя на тебя, я бы подумала, что ты в родстве с императорской семье, но этого не может быть. Нет, определенно нет.

— Разве это важно?

— Важно ли это? Безусловно. Если, конечно, ты собираешься влиться в наше общество.

Впрочем, сейчас я совсем не уверена, что у Дара, как и у остальных, к тебе серьезные намерения. Так что да, можешь не переживать, это не важно...

— Конечно, не важно. Уверена, что ни один из этих мужчин не волнует происхождение так, как это волнует тебя.

— Ах, такая наивность, — засмеявшись, весело произнесла брюнетка, — теперь-то я понимаю, почему они так вьются вокруг тебя. Ты так похожа на нее...

— Похожа? — мило поинтересовалась я, прекрасно понимая, о чем сейчас намекает девушка. Должно быть, будь на моем месте любая другая, ей бы как минимум не понравилось такое сравнение. Но меня-то никак не может задеть то, что Элианна пытается мне намекнуть на то, что я похожа на принцессу Ярину. Глупо было бы обижаться на то, что меня сравнивают с самой собой.

Меня волновало другое — я никак не могла вспомнить, видела ли я эту девушку, когда была еще принцессой. Ведь исходя из ее слов, она когда-то видела меня. Или, быть может, мой портрет? Тогда бы это многое объяснило.

— О, милая, не расстраивайся. Вряд ли вообще кто-то из нас мог бы сравниться с принцессой Яриной.

— При чем здесь она? — пробормотал Дар, раскусив игру брюнетки и решив ее «поддержать».

— Ох... Конечно, я все понимаю. Я бы тоже не устояла, будь я на твоем месте. Или на месте Кира и Лео. Встреть вдруг девушку, столь похожую на ту, что когда-то безумно любил... Никто бы не устоял. Но ты не переживай, дорогая, возможно, однажды они полюбят в тебе именно тебя, а не то, насколько ты похожа на их первую любовь.

Эта притворная забота меня так рассмешила, что я едва могла сдержать смех, рвущийся наружу.

Только, кажется, брюнетка подумала, что вместо смеха я пытаюсь сдержать слезы.

— О, милая, не стоит так расстраиваться. Конечно, замуж тебя вряд ли когда-то позовут, но зато тебя точно обеспечат так, что ты не будешь ни в чем нуждаться. Не все так плохо, верно? О, ну-ну, дорогая, не стоит так волноваться, мы все тебя понимаем. Каждый зарабатывает на жизнь так, как может, не стоит этого стыдиться...

— Забавно, — весело сказала я, обращаясь к Дару, — эта девушка думает, что сможет меня задеть этим? О, теперь я понимаю, почему Лео так и не смог с ней ужиться. Глупа, самоуверенна и наивна... Прийти ко мне, не имея на меня никакой информации — это же вверх глупости. О, милочка, вы так не переживайте — на первый раз я вас прощу. Но в следующий раз советую вам узнать все о вашем противнике, прежде чем идти к нему. Иначе это может обернуться весьма печальными последствиями...

— И чего же именно я не знаю о тебе?

— О, ну вы же не думаете, милочка, что я вот так возьму и все вам о себе расскажу?

Неожиданно раздавшийся топот прервал наш разговор, не дав Элианна высказать все, что она обо мне думает. Мгновение — и в комнату врываются Мир и Лив и с радостным криком бросаются ко мне в объятия.

— Мама! Мамочка!

Я подхватываю мальчишек и прижимаю их к себе, радостно улыбаясь. Ну как можно не влюбиться в этих солнышек?

Дети показательно не замечают брюнетку и я вижу, что это ее неожиданно задевает. Или ее задевает то, как радостно приветствуют меня дети Кира и Лео? Ведь Мир, все же, ес

ребенок...

— Мир, дорогой, здравствуй. Ты не хочешь поприветствовать свою настоящую маму?

Дети тут же отстраняются от меня и пытаются спрятаться за мою спину. Мир при этом произносит:

— Э, здрасте. Тетенька, а вы кто?

— Я твоя мама, Мир! Неужели ты меня не узнаешь? — дружелюбно произносит Элианна.

— Мою маму зовут Яра, а вас, тетенька, я не знаю.

— Ты, — шипит в мою сторону брюнетка, мигом утратив всякую дружелюбность, — думаешь, если очаровала этих детей, так их отцы тоже очаруются тобой? Ты же не думаешь, что все это всерьез? Да они наиграются тобой и бросят, и не вспомнят о тебе ни эти мужчины, ни эти дети.

— Элианна! — сурово произносит Дар, намекая, что ей следует заткнуться.

— Что, разве это не правда? Хочешь сказать, что возьмешь ее в жены? Что вы все ее возьмете? Да не смешите меня. Противно на вас смотреть. Вы же все трое вечно носились с этой священной памятью о Ярине! Ярина то, Ярина се, прекрасная и изумительная и лучшее ее никогда не найти! И что, выходит, все ваши слова — ложь? Нашлась девка, смутно похожая на нее и все, поплыли? Уже и не нужна та великая любовь, верно? Эта любовь же не мешает вам использовать эту девку, верно?

— Я все не пойму, кто из нас кого использует: я — их, или же они — меня? — с любопытством поинтересовалась я, чем, кажется, только сильнее вывела девушку из себя.

— На твоём месте, я бы молчала. Приятно быть игрушкой, которую выбросят в любую секунду?

— Выбросят в любую секунду? — вдруг раздался голос Лео и в следующую секунду он вошел в комнату вместе с Киром. Кажется, они смогли освободиться сегодня пораньше.

— Игрушка? С чего бы это? Яра кто угодно, но только не игрушка, — добавил Кир, с удивлением рассматривая представшую его глазам картину.

— Что ты забыла здесь, Элианна? — с какой-то злой усталостью поинтересовался Лео, — Разве я не говорил тебе не появляться в поле моей видимости? А еще у нас был уговор, что к Миру ты не приближаешься и не имеешь на него никаких прав. Разве это было не твоё условие? Кажется, за это ты получила довольно большую сумму.

— А разве могу я оставить без внимание то, в какой обстановке воспитывается мой сын?

— И в какой же обстановке он воспитывается?

— А ты что, не видишь? Не понимаешь? Да все общество вас уже обсуждает! Живете все в одном доме, пользуетесь своей игрушкой, как только хотите, а мой сын все это видит! Более того, вы даже позволили детям называть эту девку мамой! Ты хоть понимаешь, какую боль причинишь ребенку, когда вы выбросите эту игрушку вон из дома?

— С чего ты вообще взяла, что кто-то что-то будет выбрасывать? — полубопытствовал Кир, встав рядом с нами. Лео тоже встал недалеко от нас, и теперь все мы стояли напротив брюнетки, которая выглядела крайне недовольной сложившейся ситуацией.

— Разве это не так? Хотите сказать, что собираетесь взять эту девку в жены? Да не смешите меня.

— А что, если так оно и есть? Что, если собираемся? — с улыбкой произнес Лео немного наклонив голову набок.

— Ха! Да конечно, — нервно сказала девушка. Она уже не выглядела столь уверенной в своих словах.

— Что ж, не так я собирался это делать, — пробормотал Лео. Повернувшись ко мне, он щелкнул пальцами и между нами и Элианной появилась преграда, которая помешает ей слышать все, что здесь будет происходить. А потом Лео подошел ко мне почти вплотную и встал на колени. И только в этот момент я увидела в его руках открытую коробочку с браслетом внутри, что использовались, как обручальные кольца на Земле.

— Яра, солнце мое, — произнес Лео, обращаясь ко мне, — мы с тобой через сколько прошли. Нас связывает очень многое и я всегда испытывал к тебе особые чувства. И только потеряв тебя, я осознал, что это не детская привязанность и не братская любовь. Я люблю тебя, Яра, уже давно, безумно люблю. Окажешь ли ты мне честь, согласившись стать моей женой?

Не успела я даже моргнуть, как рядом с Лео на колени опустился Кир.

— Яра, — тихо сказал мужчина. Его взгляд был наполнен столькими эмоциями, что по моему телу пробежали мурашки, — ты всегда была для меня особенным человеком. Человеком, который видел во мне всегда только лучшее, человеком, который стал для меня олицетворением счастья. Ты всегда была рядом со мной, но я был таким слепцом и трусом! Лишь только после того, как ты исчезла, я осознал, насколько ты мне дорога. Я не хочу тебя больше терять, я хочу каждый день просыпаться и засыпать с тобой, в твоих объятьях. И я хочу, чтобы наши дети на законных основаниях называли тебя своей мамой. Яра, я люблю тебя. Окажешь ли ты мне честь, согласившись стать моей женой?

В следующее мгновение я почувствовала, как руки, обнимающие меня, исчезли, а еще через секунду я увидела Дара, который тоже уже опускался на колени и, как и остальные мужчины, протягивал мне коробочку с браслетом.

— Ты ведь знаешь уж, что я люблю тебя, да? Но я готов повторять тебе это вечно, каждый день, каждую минуту. Яра, ты стала для меня той, кто увидел во мне не зло, а обычного парня. Ты всегда была человеком, который стал для меня солнцем во тьме. Ты всегда была моим солнцем, и, даже когда я лишился тебя, я помнил и хранил в сердце то тепло, что ты мне дарила. Ты мой свет, ты мое дыхание, ты часть моей души и я готов следовать за тобой куда угодно. Окажешь ли ты мне честь, согласившись стать моей женой?

В горле застрял комок и я все никак не могла ни слова вымолвить. Я лишь смотрела на трех мужчин, на тех, кто уже давным-давно прочно засел в моем сердце и не верила своим глазам. Не верила тому, что сейчас произошло. Это сон?

Но нет.

Прани смотрели на меня глазами, полными любви и тревоги, и почему-то именно это убеждало меня в том, что все это правда. И что они все это сделали не для того, чтобы разозлить Элианну, нет. Они сделали это потому, что захотели этого.

Они и правда меня любят...

— Да, — наконец-то произнесла я, несколько раз кивнув, — я согласна.

И уже в следующую секунду я очутилась в плотном коконе, что дарил мне тепло и успокоение. Меня обнимали, целовали и шептали что-то трогательно-нежное.

— Что за представление вы здесь устроили?! — взвизгнула брюнетка, привлекая к себе внимание.

По правде говоря, я даже на какое-то мгновение забыла о том, что она здесь. И, судя по лицам мужчин, не я одна.

Элианна, кажется, это тоже поняла, потому что она стала выглядеть еще злее, чем раньше. Кажется, не такого развития событий она ожидала, совсем не такого...

— Я не собираюсь здесь оставаться и смотреть на все это! — произнесла он не менее зло и, с гордо поднятой головой поспешила покинуть комнату.

— Ура! — вдруг воскликнул Мир, обнимая Лива, — Теперь мы точно-точно можем называть маму нашей мамой, да?

— Да, — с улыбкой произнесла я, — теперь вы точно можете это делать.

Глава 36. Затишье перед бурей

Нежное прикосновение к обнаженному плечу вырывает из моей груди резкий вздох. Бретелька платья под воздействием уверенных пальцев Лео скользит по коже, сползая с плеча, тем самым заставляя мурашки бежать по коже.

— Жена, — тихий, жаркий шепот обжигает ухо, вызывая из груди почти жалобный стон.

Жена... Да. Действительно, жена... И ведь я даже понять толком не успела, как все до этого дошло. Вот, кажется, только отправили сестру, а затем Элианну прочь из дома. Вот, только, кажется, были произнесены те самые слова...

А потом все завертелось в какой-то невероятной кутерьме... Кажется, получив от меня согласие, парни решили не медлить не секунды. Не то, чтобы я была против такого поворота, нет, просто уж никак не ожидала, что все это произойдет тут же, в этот же день.

Впрочем, а какая разница, когда это случится? Пышного праздника я все равно не хотела, в вот официально стать женой трех самых замечательных мужчин Арлиона хотелось очень. Поэтому я и не возражала, когда парни заявили мне, что свадьбе быть. И быть ей сегодня.

Сама церемония прошла, как в тумане. Лишь помню, как произносила слова клятвы быть верной женой в беде и радости и любить своих мужчин до последнего вздоха. Клятвы моих мужей я слушала, затаив дыхание. Это было... Я так долго этого ждала! Столько раз представляла в мечтах, а вот теперь, когда все это сбылось... Такого счастья я, кажется, не испытывала никогда.

Страха не было — ни перед церемонией, ни после. Даже когда наступил вечер и настало время идти в спальню, страшно мне не было... Это ведь были мои мужчины, мои мужья и я им доверяла едва ли не больше, чем себе. А кому же мне еще доверять, как не им?

— Моя милая, — тихий шепот Кира, раздавшийся за правым плечом, заставил сердце биться чаще. А нежный, едва ощутимый поцелуй в плечо пустил, кажется, по моим венам огонь.

— Родная моя, — сладкий шепот Дара, сидящего у ног и помогающего снять обувь, заставил колени подкоситься. А уж ласковые поцелуи, что поднимались все выше и выше, вызвали учащенное дыхание и тихие, чувственные стоны.

— Такая сладкая, — пробормотал Лео, а затем его горячие губы начали прокладывать цепочку поцелуев, спускаясь от скул сначала к шее, затем к ключицам, а потом и к груди. Стоны, вырывающиеся из моей груди, стали более долгими и жалобными. Хотелось большего...

— М-м-м, — протяжно застонала я, когда платье, а затем и белье наконец-то соскользнуло на пол, предоставляя мужчинам полный доступ к моему уже разгоряченному ласками телу.

Поцелуи Дара поднимались все выше и выше, и я не сдержала восторженного вскрика, когда он от внутренней стороны бедра перешел к сосредоточению моего желания. Лео тем временем руками и губами ласкал мою грудь, и делал это он так сладко, что в вертикальном положении я оставалась только благодаря крепким рукам своих мужей.

Кир же, прижавшись ко мне и отведя волосы в сторону, припал горячим, жадным

поцелуем к шее. Он тихо что-то шептал сквозь поцелуй, иногда разбавляя их легкими укусами, от которых внизу живота все сжималось в тугую, тянущий комок желания.

Хотелось уже прижаться к ним, почувствовать жар их разгоряченной кожи, почувствовать их желание...

Горячие ладони, нетерпеливые губы, жаркие поцелуи и желание, исходящее от всех нас — все это туманило сознание не хуже, чем бокал крепкого алкоголя на голодный желудок.

Я даже не поняла, когда мужчины отстранились от меня и кто-то из них, подхватив меня на руки, через несколько мгновений опустил на кровать. Прикосновение прохладного постельного белья к обнаженной, разгоряченной коже, немного отрезвило и вызвало легкий, недовольный вздох.

Подняв глаза и взглянув на мужчин, я тут же почувствовала, как опалает жар смущения. Их обнаженные, прекрасные тела и горячие, жадные, потемневшие от желания взгляды заставляли щеки еще сильнее вспыхнуть румянцем. И я бы, наверное, отвела взгляд, если бы мои мужья не были такими завораживающими.

Они не торопились, приближаясь медленно, словно боясь спугнуть. Почему-то в голове пронеслось сравнение с грациозными хищниками, которые так же медленно приближаются к своей добычей. Впрочем, я совсем не против быть их добычей...

Как же мне сильно хотелось их! Как же сильно хотелось вновь ощутить их тепло, их прикосновения, их губы и руки на своем теле. Как же сильно хотелось вновь почувствовать себя полностью принадлежащей им, ощутить их силу, желание и любовь. Наверное, именно поэтому я, сама не поняв как, простонала:

— Пожалуйста...

И в следующее время я очутилась в теплых объятьях. Мгновение — и Кир прижимается к моим губам своими в таком жарком поцелуе, что все остальное, кажется, и вовсе перестает существовать. Только я и они. Только я и мои мужчины, мои мужья... И дальше все происходящее превращается для меня в искрящийся kaleidoscope чувственных ласк...

Я что-то умоляюще шепчу, когда они виртуозно играют на моем теле, как на инструменте, и каждый раз доводят меня до пика, но так и не дают сорваться в бездну крышесностного оргазма.

Я, погруженная в свое наслаждение, практически ничего не замечаю. Мне так хорошо, что на глазах выступают слезы счастья и Лео нежно целовывает их, ласково что-то шепча мне при этом.

— Потерпи, маленькая. Боли почти не будет, — шепчет кто-то из мужчин.

А в следующее мгновение я ощущаю толчок и такую желанную наполненность. И мне не соврали — боли почти не было. Было лишь небольшое болезненное ощущение растянутости, которое очень быстро прошла, уступая место наслаждению, обрушившемуся на меня, словно цунами.

И мне так хорошо... Так хорошо, как не было, кажется, никогда. Магия убирает все бурные последствия наслаждения и мне остается лишь океан блаженства и удовольствия.

Мои стоны и вскрики блаженства раздаются вновь и вновь, и я даже не замечаю, как срываю голос, вновь и вновь погружаясь в пучину оргазма.

— Я люблю вас, я так сильно люблю вас, — лишь хрипло шепчу я, глядя в такие родные, любимые глаза, полные желания, любви и счастья.

Они отвечают мне тем же признанием, и это заставляет воспарить меня на вершину блаженства. Мне так хорошо, что я даже не замечаю, как после очередного оргазма, я что-то

нежно шепчу парням и тут же проваливаюсь в приятную дрему.

Утром же я, проснувшись в нежных объятиях любимых, получила порцию таких сладких поцелуев, что у меня закружилась голова, а в теле словно начали лопаться пузырьки воздушного счастья.

Вот только радовались мы не слишком долго — суровая реальность не позволяла расслабляться.

— Вчера в гостях у нас была не только Элианна, но и Илли, — устало произнесла я за завтраком.

— Значит, у нас почти не осталось времени, — мрачно сказал Лео, нахмурившись.

— Да. Вчера я поговорил с близнецами, они обещали помочь и найти тот зал так быстро, как только смогут. Милая, ты действительно уверена, что тот алтарь находился в подземельях дворца?

— Да, — кивнув, произнесла я, — уверена. Все указывает именно на это. Не близнецы... почему они согласились помочь?

— Потому что они уверены, что все доказательства, что мы нашли — правдивы. И им это выгодно.

— Что ж, ладно, — кивнув, пробормотала я, — а что по поводу Гоэрда?

— Лин пытается найти доказательства. Но, думаю, наша догадка оказалась верной и он — действительно тот темный маг, которого мы искали.

— Почему никто за столько лет этого не понял? — покачав головой, спросила я.

— Потому что темные маги, если они хотят, могут прекрасно скрываться, — спокойно произнес Дар, но сжатые кулаки показывали, что его спокойствие — напускное.

За столом повисло неловкое молчание, которое через несколько минут было нарушено резким вздохом Дара.

— Что?

— У нас гости, — с какой-то обреченностью пробормотал Дар.

— Началось, — кивнув, сказал Кир и напрягся, словно готовясь тут же дать отпор любому врагу.

— Ярина! Ирису похитили, — влетев в столовую, воскликнула сестра. Ее лицо было бледное, словно замученное, а руки явственно дрожали.

— Что... — прошептала потрясенно я. На мгновение показалось, что мы ошиблись, что тот сон, что я видела — всего лишь сон и к реальности не имеет никакого отношения. А потом, внимательно посмотрев на сестру, я поняла, что нет. Я не ошиблась.

— Моя дочь! Ярина, прошу, ты должна мне помочь, — протараторила Илли, подскочив ко мне.

— Нет, сестра. Я так не думаю, — медленно произнесла я, поднявшись со стула и развернувшись лицом к сестре.

— Что? Почему...

— А почему я должна помогать своему убийце? Это ведь была ты, сестренка. Это ты вонзила тот кинжал в мое тело. Это была ты.

— Что, — нервно пролепетала сестра, облизнув губы, — ты говоришь? Как я могла бы... Она видела, что ей никто не верит. Да и ее лепет сейчас лишь подтверждал, что мои обвинения — правдивы.

— Хорошо, — вдруг произнесла Иллиана, — значит, знаешь. Но это не помешает мне...

Секунда — и сестра хватает меня за руку. Еще мгновение — и мы переносимся с ней во

дворец.

Я была к этому готова. Это было даже по плану.

А вот что было не по плану, так это удар по голове, что нанесла мне сестра, стоило нам оказаться в смутно знакомом месте. Удар такой силы, что я не только не смогла устоять на ногах, но и удержаться в сознании...

Глава 37. Оживший кошмар

Даже не открывая глаз, я уже знаю, что увижу.

Та же комната, что столько снилась мне в кошмарах. Тот же алтарь. И я — связанная, как и в этих снах.

Вот только теперь этот кошмар начал оживать, и мне совсем не хотелось, чтобы реальность закончилась так же, как и мой сон — моей смертью.

Распахнув глаза, я облегченно вздыхаю — то, что я вижу все четко, а не расплывчато, уже радует. И даже на какое-то мгновение кажется, что мне не так страшно, как раньше — наверное, когда ты видишь, что именно тебе угрожает, становится чуть-чуть менее боязно.

А еще я знала — теперь у парней есть все шансы успеть меня вытащить отсюда. И то, что ситуация повторяется — ничего не значит. Мы все изменились за это время, а значит, есть все шансы, что эта история закончится по-другому.

— Пришла в себя? — мрачно спрашивает Иллиана, бросив на меня быстрый взгляд.

— Ничего не хочешь объяснить? — хрипло спрашиваю я, в тайне надеясь, что разговорив сестру, потяну немного время.

— А что объяснять? Ты и так же все прекрасно поняла.

— Ради чего все это? В чем смысл? Илли, почему?

— Почему?! Почему... Действительно, почему?! Почему ты тогда выжила, а моя малышка — нет?! Почему ты вернулась, а она — нет?! Почему ты, а не моя малышка?!

— Илли...

— Нет. Молчи. Молчи! Ты не понимаешь, ничего не понимаешь! Что ты можешь понимать?! Она была совсем крохой, совсем малышкой! И ее не пожалели. А тебя — да. Ее убили, а ты спаслась! Разве это справедливо? Разве она не имела право на жизнь? Моя малышка, моя маленькая кроха... И однажды я подумала — это нужно исправить. Она должна жить. Для этого я и нашла Гоэрда... Вот только одной только темной магии для этого было недостаточно. И тогда мне помогли создать ритуал. Думаешь, я желала твоей смерти? Но нет другого выхода, понимаешь, нет! И если выбирать между тобой и моей малышкой... Я уже ждала ее, уже представляла ее тепло, а ты-ы-ы... Ты все испортила!

— Ладно, это я могу понять. Не принять, но понять. А твои дети? Как же Ириса? А близнецы?

— Дети... А я хотела этих детей? Я желала их? От нелюбимых мужей... Мне нужна была моя дочь! Моя! А эти — чужие. Не мои. Близнецы? Они разочаровали, едва успев родиться. Что стоило Аэруну родиться первым, а Ариэнне — второй? Эта беременность... я выдержала ее только с мыслью о том, что у меня родится та, кто станет жертвой для возрождения моей дочери. Ты знаешь, через что мне пришлось пройти? Сколько омерзительных ночей мне пришлось провести, пока я не забеременела? А потом опять... И родилась Ириса. О, как я была счастлива! Да, нужно было дождаться ее совершеннолетия, но это такая мелочь. Я знала, что в конце меня ждет моя малышка. Но даже Ириса меня подвела! Видишь! Это все потому, что они чужие! Моя малышка бы так со мной не поступила, не подвела бы! Ну ничего... Судьба дала мне еще один шанс — это она вернула тебя мне. Специально для того, чтобы я смогла вернуть свою малышку!

— Ты — сумасшедшая, — прошептала я, на мгновение прикрыв глаза.

Стало не страшно, нет. Скорее жутко от осознания того, насколько глубока проблема сестры, насколько серьезно ее помешательство.

А еще было жаль. Сожаление о том, что никто не заметил, не увидел, как сестра начинает сходить с ума, затопило меня. Почему? Почему я этого не видела? Ведь это началось очень давно, кажется, еще тогда, когда я была ребенком. Ведь она не в одно мгновение стала такой — ее помутнение, ее мания разрасталась в ней постепенно. Почему же мы все оказались настолько слепы?

— Сумасшедшая? Не-е-ет, я просто хочу вернуть себе свою малышку. Понимаешь, сестренка? Я так по ней соскучилась! Я так хочу вернуть ее, что ни о чем другом и думать не могу. Так что не переживай — твоя смерть не будет напрасной. Не в этот раз. Эрди, ну что ты там медлишь?! — прикрикнула сестра, нервно облизнув губы.

— Госпожа, вашей дочери нужна помощь!

— Дочери? Конечно, мы этим сейчас и занимаемся! А ты медлишь!

— Я имел ввиду Ирису.

— Ириса... Ах, да, Ириса. Видишь, сестренка, она все же пострадала. Я все продумала... А ты отказалась со мной идти.

— Госпожа, — пробормотал мужчина, напоминая о себе. Сейчас он выглядел еще более жалким, чем в первую нашу встречу. Впрочем, в первый раз он все же притворился.

— Эрди, мне плевать на то, что с Ирисой. Она не оправдала моих надежд. Грязная девка... Нет, она не может быть жертвой для моей чистой, невинной малышки. А вот ты, сестренка... Тыходишь. Все так же чиста... Конечно, ты всегда была такой. Правильной.

Внутренне усмехнувшись, я с насмешкой подумала о том, что уже давно не являюсь правильной девочкой. И предыдущие ночи это наглядно показали. Вот только сестре знать об этом пока не обязательно. Рано, пока еще рано.

— Илли, а как же условие, по которому для этого ритуала подходит лишь младший член императорского рода? — спросила я интересующий меня вопрос, хотя ответ уже знала. Ант совсем недавно сообщил, что его родственнице приносили черновой вариант этого ритуала и она его смогла немного улучшить.

— Ритуал доработали, — ответила небрежно сестра, — и теперь совсем необязательно использовать именно младшего. Подойдет любой.

— Тогда почему не твоя старшая дочь, а я?

— Почему не Ариэнна? — переспросила неуверенно сестра. Кажется, она даже не задумывалась о таком варианте, — Почему не она... Нет, она не подходит. Давно уже не невинна. Да и разве вернули бы мне тебя, если бы ты не нужна была для этого ритуала? Нет, мнеходишь именно ты. Это даже справедливо, не находишь? Ты пожила, теперь пора дать пожить и моей доченьке.

— Все готово, госпожа, — пробормотал Эрди, вновь появившись в поле моего зрения.

— Прекрасно, — едва ли не мурлычет Илли, глядя на меня, и это этого взгляда по телу бегут мурашки. Впервые становится страшно.

Медленно, издевательски медленно Илли принимает из рук Гоэрда тот самый кинжал, и я впервые начинаю переживать о том, что парни могут и в этот раз не успеть.

Но нет — не успеваю я подумать об этом, как издалека раздается какой-то неясный шум, словно кто-то пытается штормом взять вход в подземелье.

— Что это? — напряженным голосом спрашивает мужчина, а Илли начинает шипеть, как разъяренная кошка.

— Твои спешат на помощь, да? В прошлый раз не успели. И в этот раз уж точно не успеют — я не упущу своего последнего шанса.

Сестра решительно приближается ко мне, и я радуюсь, что в этот раз связана не так сильно. Да и не так слаба, как в прошлый раз — на несколько минут сопротивления силы найдутся. Тем более приближающийся шум слышен все более отчетливо.

Они должны успеть. Должны.

— Эрди, задержи их, — мрачно приказывает Илли, не глядя на мужчину.

А зря — в его глазах я вижу страх и неуверенность. Это сестра — сумасшедшая и ей не страшна смерть. А мужчина... он, конечно, попытается задержать парней, но рисковать своей жизнью точно не будет.

— Прости, сестренка, — быстро произносит Илли, но в ее словах ни капли сожаления.

Она быстро начинает что-то бормотать, и я чувствую, как подземелье начинает заполняться магией. Странной, липкой, мерзкой. Противоестественной. Я не знаю, что именно говорит сестра, к какой силе взывает, но от этой силы меня так мутит, что с трудом удается концентрироваться на сестре.

Наверное, именно из-за этого, когда сестра быстро заносит надо мной кинжал и резко опускает его, я не успеваю отреагировать вовремя.

Секунда — и бок обжигает огнем боли.

Рана не настолько глубокая, как я испугалась, но все же довольно серьезная. И она затрудняет и без того ограниченное веревками движение.

— Р-р-р, — рычит сестра, и вновь бросается на меня.

В этот раз я успеваю, и она даже не задевает меня. Вот только увернулась я неудачно и времени на разворот и уход от удара совсем нет. А это значит, что следующий удар станет для меня последним.

Сестра тоже это понимает и на ее губах расцветает совершенно безумная улыбка.

И тут в помещение к нам врываются люди. Эрди мешкается на мгновение, но все же успевает создать стену из тьмы, защищающую нас от пришедших ко мне на помощь.

Вот только его промедление дорого обходится для Илли — Дар, видимо, с одного взгляда поняв, что происходит, успевает окутать тьмой меня и теперь сестра не в силах ко мне приблизится.

— Эрди, сделай что-нибудь, — кричит сестра. Сейчас она совсем не похожа на себя прежнюю — спокойную, утонченную, излучающую тепло. Нет, от нее так и веет безумием.

Мужчина явно не слышит ее — все его силы уходят на поддержание защиты.

— Сестра, хватит, — устало шепчу я, смотря Иллиане в глаза.

— Нет!

— Все кончено.

— Нет! Нет!

— Илли, у тебя все равно бы ничего не вышло. Видишь ли, я уже успела выйти замуж. И даже консумация брака состоялась. Так что ты опоздала, сестренка, — устало произношу я.

В глазах начинает расплываться — все же у сестры был довольно сильный удар. И стоило мне немного подвигаться, как тут же пришли тошнота и головокружение. А еще и этот порез... кровотоцит... больно...

— Не-е-ет, — крик Илли был наполнен такой злобой, болью и беспомощностью, что я не смогла сдержать дрожь, — нет, этого не может быть! Нет, моя малышка, нет! Ненавижу, как же я всех вас ненавижу!

Я не успеваю даже ничего понять, не говоря уже о том, что хоть что-то сделать.

Защита Гоэрда, не выдержав, разрушилась. Мужчина рванул куда-то в сторону, кажется, к потайному ходу, но был кем-то пойман.

Илли... Истошно закричав, она подняла кинжал и вонзила его в себя, тут же рухнув на пол.

А я... я почувствовала, что сознание вновь покидает меня, но в этот раз я не боялась уплыть в эту тьму — знала, что рядом со мной мои мужчины и что они дождутся моего возвращения.

В этот раз я приходила в сознание медленно, словно нехотя.

Чувствовала, что непосредственной угрозы жизни нет, и я могу дать себе несколько минут для того, чтобы осознать, где я нахожусь и что последнее помню.

Воспоминания тоже возвращались неохотно, урывками, словно какую-то часть событий я просто находилась без сознания. Впрочем, скорее всего, так и было. Все же Илли довольно сильно меня приложила.

Иллиана...

Кажется, я уже ничего не чувствовала по отношению к ней. Ни злости за то, что она лишила меня жизни, ни обиды за это же, ни грусти из-за предательства, ни вины за то, чего я даже не помню и в чем уж точно не виновата... Я чувствовала лишь жалость, да и то не к ней, а ко всей ситуации в целом. Я действительно сожалела о том, что все сложилось таким образом.

Вот только судьба дарила Иллиане шанс на новую жизнь. И давала не раз. Что ей стоило оставить свою боль в прошлом, когда она наконец-то забеременела и родила близнецов? Что ей стоило оставить свою безумную, сумасшедшую мечту в прошлом, когда у нее родилась Ириса?

Я понимала, что боль от потери быстро не проходит. Но у нее было столько лет на то, чтобы смириться и начать жить дальше. Столько времени, столько возможностей...

Но нет. Она заиклилась на своей боли, на своей потере до такой степени, что начала маниакально искать способ все изменить, исправить. И ведь нашла же!

Мне было жаль, что я когда-то не заметила, что с сестрой происходит что-то странное. Жаль, что этого вообще никто не заметил. Ведь если бы кто-то вовремя понял, что с Иллианой что-то неладное, возможно, ей смогли бы помочь.

Теперь поздно сожалеть о чем-то — ничего уже не изменить. Иллиана мертва. И я даже не знаю, хорошо ли это или плохо. Думаю, она не смогла бы жить с осознанием того, что теперь уже никто ей не позволит вернуть к жизни дочь. Слишком глубоко она погрязла в своем выдуманном мире, в своем сумасшествии...

— Вы ведь уже пришли в себя... тетушка, — прозвучал мужской голос совсем рядом со мной.

Распахнув глаза, я тут же увидела парня и девушку, удивительно похожих друг на друга, которые сидели возле моей кровати и с одинаковым выражением лица смотрели на меня.

Близнецы. Ариэнна и Аэрон. Старшие дети Иллианы, будущие правители империи... племянники, да.

— Лучше по имени, — прохрипела я, приподнявшись с постели.

— Да, мы тоже так думаем, — кивнула девушка, — слишком сложно сейчас всем будет объяснить ваше неожиданное возрождение и возвращение. Да и вы, насколько мы успели понять, не стремитесь возвращаться во дворец.

— Верно, — медленно кивнув, произнесла я, — не стремлюсь. И можно на ты... все же родственники.

— Тогда у нас к вам есть предложение. Что, если мы представим вас двору не как принцессу Ярину, погибшую столько лет назад, а нашу дальнюю родственницу, которую

наконец-то после стольких лет безуспешных поисков смогла отыскать наша... матушка. Скажем, что она хотела вас представить на ближайшем празднике, но, увы, так и не успела, погибнув при покушении на жизнь принцессы Ирисы.

— Покушение?

— Конечно. Гоэрд Дофлор задумал убийство принцессы Ирисы. И даже успел ее ранить, но здесь вмешалась наша матушка и, ценою своей жизни спасла свою дочь. А преступник предпринял попытку сбежать. И был убит при побеге.

— Убит?

— Убит. Ваш друг наконец-то отомстил за свою сестру, — произнесла девушка, кивнув.

— К чему... все это? Зачем такие сложности?

— Ну не рассказывать же всем о том, что наша матушка слегка помешалась и решила убить сначала свою дочь, а затем свою родственницу? Зачем нам эти проблемы? — спросил парень, а затем, тяжело вздохнув, посмотрел на свою сестру. Девушка кивнула, словно давая разрешение продолжить.

— Наша матушка... Наверное, вам не понятно наше отношение к ней, но мы попытаемся объяснить. Она... Так уж получилось, что Ари родилась первой и для ритуала не подходила. Поэтому матери ни я, ни сестра не были интересны. Это мы сейчас поняли, а до этого... До этого мы все никак не могли понять, почему она так холодна, так равнодушна. Она не интересовалась нашей жизнью, вообще, и лишь благодаря отцам и учителям мы получили достойное образование. Когда же появилась Ириса... Матушка с первых дней жизни берегла ее, как самый хрупкий цветок. Ей позволялось все. Лишь только одно матушка ей запрещала — вступать в близкие отношения с мужчиной до свадьбы. Нам это, по правде говоря, казалось глупостью, странностью и пережитком прошлого. Впрочем, для Ирисы это тоже показалось глупостью... Глупостью, спасшей ее жизнь. Уж не знаю, на что матушка рассчитывала, но, по нашим сведениям, невинности наша сестренка лишилась еще лет в шестнадцать... Так что когда Гоэрд пробрался к Ирисе, чтобы принять участие в ее похищении, сестра уже давно была не невинной.

— Матушка была в ярости, — продолжила девушка, стоило ее брату замолчать, — правда, мы это списали на похищение сестры. А затем она забирает дело о похищении у Тайного ведомства и всячески противится любому расследованию.

— Тогда-то мы и заподозрили неладное. Но данных было слишком мало.

— А потом к нам неофициально пришел Кир с просьбой выслушать... Вот он-то и рассказал о том, как на самом деле погибла наша тетушка... то есть вы. Выяснить, правда ли это, не составило особого труда. Как и выяснить причину, по которой наша матушка так стремилась провести этот ритуал.

— Дальше — еще проще. Оставалось лишь узнать, где это произошло. Вариантов особо и не было. На самом деле мы практически сразу догадались, что искать нужно здесь, во дворце, в подземных помещениях.

— А потом вас похитили. И к нам заявили ваши мужья, угрожая разрушить дворец по камушку, если мы не поможем вас отыскать.

— К слову, мы вовремя успели — еще немного, и жертв было бы не избежать. И жертвой стали бы не только вы, но и мы с сестрой. Ваши мужья — опасные люди и нам бы не хотелось в будущем иметь врагов в их лице.

— Не думаю, что вам это грозит, — пробормотала я, после чего поинтересовалась — кстати, где они?

— За дверь. Мы взяли с них обещание, что сделаем все, чтобы это дело и все последующие дворцовые интриги вас не коснулись, если они дадут нам первыми поговорить с вами.

— Хотите, чтобы я отреклась от любых прав на престол, — утвердительно произнесла я. Мне было не сложно это сделать — правление страной никогда меня не интересовало.

— Да. Но нам даже хватит неполного отречения. Вы отречетесь от трона в нашу пользу, но, в случае, если из императорской семьи останетесь только вы, то вашему ребенку придется взять управление страной на себя. Ну и конечно, клятва о непричинении вреда. Обоюдная, не беспокойтесь.

— Почему неполное?

— Мало ли что может произойти? Не хотелось бы, чтобы трон занял совершенно посторонний человек. Впрочем, сомневаюсь, что кому-то придет в голову покушаться на нас с сестрой — все же многим известно, насколько это... самоубийственно.

Я кивнула. Да, даже я что-то слышала о том, что на близнецов покушались несколько раз. Неудачно, естественно.

— Хорошо. Я согласна.

— Хорошо. Тогда, как только вы оправитесь от травм, так сразу и сделаем это.

— Я думаю, что к вечеру уже буду готова, — уверено произнесла я. Хотелось поскорее закончить со всем этим и вернуться домой.

— Что ж, как скажите, Яра. Мы же можем так вас называть?

— Конечно, — кивнув, произнесла я.

— Тогда поправляйтесь, Яра, и отдохайте. Ближе к вечеру мы сами придем за вами, — сказала девушка и они с братом почти вышли из комнаты, я вдруг вспомнила о том, о чем так и не узнала.

— Ириса. А что с ней в итоге?

— Ничего, — пожав плечами, произнес Аэрон, — сейчас она находится на лечении у целителей. Как только она восстановится, то ее ждет замужество.

— Замужество?

— Да. При этом за верным нам человеком, который не позволит ей... такого поведения, которого позволяла ей матушка. Пора нашей сестренке повзрослеть и понять, что ей позволено далеко не все. Да и тягаться с нами в интригах ей еще пока рано...

— Тягаться в интригах? — вновь, уже не первый за этот день раз переспросила я, чувствуя себя на редкость глупой и непонимающей.

— Не обращай внимания. Это тебя уже никак не заденет, — произнесла девушка и с этими словами близнецы покинули комнату.

А через мгновение я уже оказалась в крепких объятьях своих мужчин.

— Яра, — тихо шепчет кто-то из них, и в этом шепоте я слышу такое дикое облегчение и счастье, что я наконец-то осознаю, что все. Все это закончилось

Больше не будет страха, не будет угроз жизни. Не осталось больше тайн, отравляющих спокойную жизнь. Все карты раскрыты и теперь можно было выдохнуть спокойно и наконец-то просто позволить себе расслабиться и хорошо отдохнуть.

Так я и заснула в теплых объятьях с мыслями о том, что теперь наступит новый этап в нашей жизни. Жизни без страха, спокойной и умиротворенной.

Вечером меня отводят в тронный зал, где происходит ритуал неполного отречения. Проходит это настолько обыденно, что не особо отмечается в моей памяти.

А потом меня отвозят домой, где меня уже встречают мои мужчины, Ант с Лином и дети.

И я впервые за долгое время ощущаю себя в безопасности. Я впервые за долгое время чувствую, что я... дома. И осознание этого наполняет мое сердце счастьем.

— И что будет дальше? — спрашивает лежащий рядом Дар, с удивительно легкой улыбкой смотря на то, как я нежусь в объятьях любимых.

— А что дальше? Дальше — жизнь, — говорю я, одновременно с этим притянув Дара для долгого, горячего поцелуя.

Дальше — жизнь...

Спустя два года

— Мам, а почему Элли такая маленькая? — удивленно прошептал Мир, с любопытством разглядывая свою сестренку.

— Потому что все дети рождаются такими маленькими, — ласково ответила я, нежно погладив мальчишек по их вихрастым головам. Они тоже перенервничали, пока ждали, когда же на свет появится их сестренка.

Более того, перенервничали, кажется, абсолютно все в этом доме, за исключением, пожалуй, только меня. Я же оставалась спокойной до последнего — и когда начались неожиданные схватки, и когда примчались целители во главе с Лином, который, как только узнал о моем положении, тут же пообещал лично принять роды. Так что не о чем было переживать — Лину я доверяла абсолютно.

За это время он стал едва ли не самым лучшим целителем нашей страны, уступая лишь главному императорскому целителю, у которого он, кстати говоря, и обучался. Вообще, после того, как Лин наконец-то отомстил за смерть сестры, он принял решение стать хорошим целителем. Так что спустя год после тех событий он напросился к главному целителю и уже почти год он познавал все тонкости целительства. И делал большие успехи — ему уже пророчили место следующего главного целителя.

Впрочем, Лин, кажется, не особенно стремится на эту должность — говорит, что после всех событий, что с нами произошли, не особо-то его и тянет во дворец. И вообще, он уже давно пообещал, что станет личным целителем нашей семьи, и свои обещания нарушать не собирается.

Так что я не переживала. А вот остальные... Даже обычно сдержанный Ант едва не сошел с ума от переживаний! Он вообще всю беременность от меня старался не отходить, и порой мне даже казалось, что он переживает за мою беременность куда больше, чем я сама.

Впрочем, чему я удивляюсь?

Ант вообще первый из всех нас понял, что я в положении. Хотя, я всегда думала, что первой пойму я — все же сложно не заметить происходящие в себе изменения. Или Лин — все-таки он целитель и все мы периодически проходили у него обследование. Ну, или на крайний случай Дар — как-то все изначально были уверены в том, что первый мой ребенок будет от него. А темные маги, как известно, своих детей чувствовали едва ли не с первых дней беременности.

Так, впрочем, оно и получилось — я о том, что Дар все-таки стал отцом нашей первой дочери, передав ей не только свой характер и некоторые черты лица, но и способности к темной магии. Впрочем, Элли в итоге характером пошла сразу во всех своих горячо любимых папочек...

Так вот, первым о том, что у нас скоро будет дочка, узнал Ант, о чем тут же радостно сообщил всем окружающим. Что тут же, после короткой проверки, подтвердил Лин. Радости было... Мужья вообще были едва ли не на седьмом небе — ведь моя беременность означала, что я наконец-то ухожу из ведомства.

Мужья едва ли не с самого замужества ненавязчиво намекали мне, что пусть я и

хороший боец, они все же предпочитают не переживать о моей безопасности и поэтому было бы неплохо, если бы наша группа потихоньку расформировалась и каждый начал бы заниматься своим делом.

Я была непреклонна — все же мне хотелось получить немного опыта, прежде чем уходить со службы. Да и Анту, и Лину опыт не помешает. И пусть мы все же решили, что работа в ведомстве — не наше, но все же мы пообещали друг другу, что год проработаем. Лин собирался после этого продолжить практиковаться в целительстве, а Ант... Ант все же решил наладить общение если не со всей своей семьей, то хотя бы с некоторыми представителями. Уж слишком его впечатлило направление магии, которое из поколения в поколение изучало его семейство. Так что обоим парням было чем заняться.

Я же... Ну, я планировала углубиться в изучение артефакторики. Все же это направление не стоит на месте, да и заниматься данной областью магии мне всегда нравилось.

Конечно, мужьям я не стала говорить, что скоро покину ведомство. Устроить сюрприз хотела.

Да уж, сюрприз получился, что надо.

И главное, из-за радости от такой новости как-то никто и не подумал о том, почему именно Ант сообщил нам об этом. Парни об этом как-то позабыли, не придали значение. А вот я как-то потом поговорила с Антоном по этому поводу...

Да уж, поговорила. Признаться честно, разговор был не из легких. Все же непросто узнать, что твой лучший друг, почти брат, почувствовал в твоей дочери свою пару...

Ну, что я могу сказать — зато лучшего защитника для Элли не отыскать. Так что я свыкнусь с этой мыслью... когда-нибудь. Все же у нас еще лет двадцать пять точно есть. А там Ант уж как-нибудь сам разберется и с папочками Элли, и с ее братьями. А я присмотрю — все же он для дочери не самый худший вариант...

— А Элли долго будет такая маленькая? — спросил Лив после долгого раздумья, вырывая меня из мыслей о будущем.

— Не долго, — произнес Кир, обнявший меня со спины, — вы и не заметите, как она уже будет бегать за вами по всему дому, выпрашивая конфеты.

— Быстрее бы, — протянул Мир, — а конфеты нам не жалко. Нам для Элли ничего не жалко! Мам, а когда у нас появится следующий братик? Или сестренка?

— Мир, — тихо засмеявшись, прошептал Кир, — Элли только родилась, а ты уже просишь новую сестренку?

— Да я что? Я ничего... Я чтобы подготовиться... Это же надо столько всего подготовить к рождению!

— Поверь мне, у тебя будет достаточно времени, — произнес Кир, а у меня от его голоса по всему телу расползлись мурашки.

— Как там Лео? — спросила я мужа, прислонившись спиной к его груди, наблюдая при этом, как Дар что-то рассказывает мальчишкам, с щемящей нежностью глядя при этом на дочь.

Элли родилась всего пару дней назад, а Дар в ней уже души не чает. Конечно, и остальные уже безумно любят малышку, но Дар... Наверное, я никогда не смогу передать словами, с какой благодарностью и безграничной любовью смотрел на меня он, когда впервые увидел с дочкой на руках. А уж когда новоиспеченному папочке дали дочь на руки...

Кажется, я в жизни не видела более трогательного момента. Дар смотрел на Элли так...

Наверное, он смотрел на меня так же тогда, когда я наконец-то лишилась иллюзии и показалась ему в истинном облике. Он смотрел на дочь, словно не веря, что такое чудо может случиться... Что это чудесная малышка — его дочка...

— Разбирается с отцом, — ответил Кир, — стоило ему узнать о рождении внучки, как он тут же примчался. Но Лео непреклонен. Знаешь же, он до сих пор не смог ему простить...

— Да простил он уже его. Давно простил, — покачав головой, ответила я, — просто ты же знаешь, они оба упертые, как бараны. И оба уверены в своей правоте. Впрочем, я думаю, что скоро отец Лео сдастся. Ты же знаешь, что он уже давно мечтает о встрече с внуком. А уж когда родилась Элли... думаю, он скоро все признает свою вину.

— Лео будет пристально наблюдать за ним при каждом его посещении, — уверено произнес Кир.

— Конечно, — тут же согласилась я, — но разве это плохо? Думаю, детям будет полезно пообщаться хоть с одним дедушкой. Да и вообще, с родственником. Сам ведь понимаешь, что кроме отца Лео у нас и родных-то... Не считать же моих? Там одна Ириса чего стоит. Хотя близнецы на самом деле не так уж и плохи — все же признали родство...

— Еще бы они не признали, — фыркнув, произнес Кир.

Близнецов он уважал, но особо не стремился заводить с ними родственные отношения. Да и вообще, он и до этого не особо любил императорскую семью, а уж после всех этих событий... Лишь только я была исключением...

— Ну, как вы тут? — в комнату стремительным шагом вошел Лео.

Подарив быстрый поцелуй, мужчина медленно подошел к колыбели и встал рядом с сыновьями.

— Ну, как тут поживает наша принцесса? — тихим, мягким шепотом спросил он, с нежностью посмотрев на малышку.

— Спит, — так же тепло прошептал Дар, не отрывая взгляда от дочери.

— Я рада, Кир, — неожиданно прошептала я, мягко улыбнувшись, — рада, что никакая тайна не смогла встать на нашем пути.

— Ты права. Спасибо тебе.

— За что?

— За то, что выжила. За то, что вернулась к нам, несмотря ни на что. За то, что не побоялась раскрыть свою тайну. За то, что подарила всем нам счастье и любовь. Я люблю тебя. Мы все очень-очень сильно любим тебя...

— И я люблю тебя. Люблю всех вас. И, знаешь... я счастлива, что мы все, не смотря на все тайны и испытания, все же вместе и теперь впереди у нас — только хорошее.

Я нежно прикоснулась к ладони мужа, что покоилась у меня на талии, и ласково улыбнулась своим родным и счастливому будущему, что нас ожидало.

Теперь я точно знала, что все у нас будет хорошо...

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net